

0.335/
961/2

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

1

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1961

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания пятый

78

С О Д Е Р Ж А Н И Е

КАРЛО КАЛАДЗЕ. Абхазская песня. Стихи.	3
АКАКИЙ БЕЛИАШВИЛИ. Швидкаца. Повесть.	5
САНДРО ЭУЛИ. Грузия родная. Стихи.	20
ОТИЯ, ИОСЕЛИАНИ. Семья. Рассказ.	21
БОРИС СЛУЦКИЙ. Стихи.	27
РЕВАЗ МАРГИАНИ. Стихи.	29
МИХАИЛ ДЖАВАХИШВИЛИ. Судьба женщины. Роман.	31
ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ	
ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ. Люди, годы, жизнь.	62
ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ	
ГЕОРГИИ ГЕГЕШИДЗЕ. В преддверии славного юбилея.	67
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
НИКОЛАИ ТИХОНОВ. Перевод и ориги- нал.	72
ГЕОРГИИ ДЖИБЛАДЗЕ. Лео Кначели. Статья первая.	76
САТИРА И ЮМОР	
Н. ДУМБАДЗЕ. Как воспитать ребенка. О религии. Рассказы.	89
СРЕДИ КНИГ	
Л. БАРАМИЯ, Г. МЕГРЕЛИШВИЛИ, А. АГЛАДЗЕ, С. ЧХАРТИШВИЛИ — Мо- нография о грузинской социалистической нации; Г. ХУХАШВИЛИ — Сборник пер- вый; Отклики на труд грузинского ученого; Л. ДОЛИДЗЕ — О времени и о себе.	92—96

1

ЯНВАРЬ

1961

67006

21909

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН (ответственный секретарь),
М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Карло Каладзе

Абхазская песня

Перевод с грузинского К. Симонова

Кто в первый раз в горах запел:
«Варайда — варайда»?
Так пел, что вечный лед кипел
И с гор ручьями падал.
Кто в первый раз в горах запел:
«Варайда — варайда»?

Кому принадлежала честь
Мужскую песню эту
В горах абхазских первым спеть,
Пустив гулять по свету?
Есть в песне боль, и радость есть,
Лишь робости в ней нету!
Я с неба сумерки сдирал,
Я рвал туманы в клочья,
Начало песни я искал
Повсюду, днем и ночью.

Но только высоко, среди скал,
Нашел я то начало:
Там горец раненый лежал,
Под ним река рычала.
Тысячелетние дубы
Стояли в изголовье,
Он сам началом песни был
И песня пахла кровью.

Лежал он, рухнув, как гора,
Предательством подкошен,
И в ожидании с утра
Над ним кружился коршун.

Вставай, охотник! Ты проспал,
Дотла сгорели звезды.
Чтоб день охоты не пропал,
Вставай, пока не поздно!

За круторогим туром ты
Карабкался по следу,
Но невредимый, с высоты,
Он празднует победу!

Твоя стрела, теряя след,
В грудь облаку засела.
Открой глаза! На белый свет
Взгляни, пока он белый!

Ах, если бы помочь я мог,
Встань, обопрись руками!
Я вижу, пальцы твоих ног
Опухли, словно камни.

Я вижу, что нога твоя
Покрыта липким ядом,
И разможженная змея
Лежит бессильно рядом.

Когда со звоном тетиву
Рука твоя спускала,
Змея, как вор, примяв траву,
К твоей ноге припала.

И все же встань! Свою судьбу
Продли с живыми, с нами.
Смотри, как речка на горбу
Несет дубы с корнями.

Доверься ей, она в беде,
Как горец настоящий,
Тебя не выбросит нигде
И до людей дотащит.

У храброго сто братьев есть!
И на краю могилы
Мы отступить заставим смерть,
Вставай, товарищ милый!

И вот услышал он меня,
Поднялся, стиснув зубы,
И влез в поток и лег плашмя
На грудь большому дубу.

Поток стрелой его понес
К родным местам все ближе,
Уже лачугу, где он рос,
На берегу я вижу!

Я жду, чтоб людям крикнул он,
Позвал на помощь стоном!
Но горцу лучше смерть, чем стон,
Не услышать его нам!

С улыбкой на лице встречать
Беду обязан горец.
Но как же людям знак подать
Улыбкою — о горе?

И вместо крика или слез,
В волнах, со смертью рядом,
Вдруг в горле, горца родилось:
«Варайда — варайда»!

То был не стон и не мольба,
Не вопль больного тела,
То мужество само себя
Спеть в песне захотело!

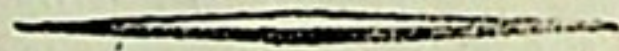
Стенанья трусов выдают,
Их страх за жизнь свою,
Они «Варайда» не споют
У смерти на краю.

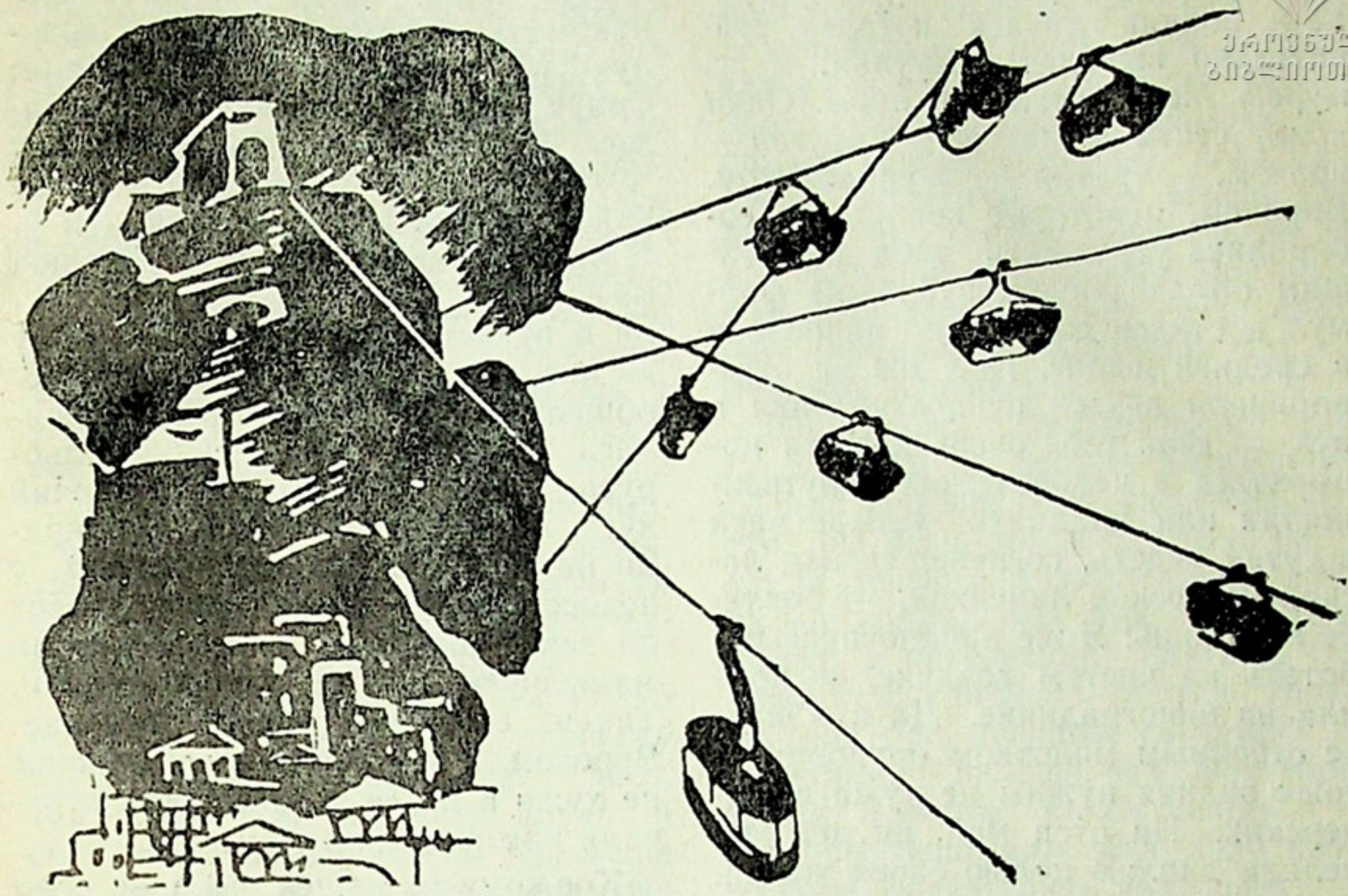
Но храбрый, песней боль скрутив,
Считая страх неправдой,
Как вызов, бросит им мотив:
«Варайда — варайда»!

Лишь тот, в чьем сердце вечный лед,
Ту песню не оценит.
Гора, и та ее поймет,
И к облакам возденет,
И эхом об землю швырнет,
Но слов в ней не изменит!

Я слышу, как поют в горах
«Варайда — варайда»!
Для всех, кому не ведом страх,
Та песня, как отрада.

Я тоже побратался с ней,
С ее суровой правдой.
Дай бог мне спеть, на склоне дней
«Варайда — варайда»!

Акакий Белиашвили

ШВИДКАЦА

ПОВЕСТЬ

Перевод с грузинского Б. Гасса и Э. Елигулашвили

Рис. Д. Нодия

В школе нас называли «Швидкаца»¹, потому что мы, семеро друзей, были всегда неразлучны, вместе ходили в кино и на стадион, да и пели вместе на славу. Заури Гурцкая, руководитель районного самодеятельного ансамбля, долго старался залучить нас к себе, обещал золотые горы, даже к секретарю райкома ходил, умолял: «Дайте мне этих ребят, и тогда мой ансамбль прогремит на всю Западную Грузию. Иначе — вот вам заявление, освобождайте меня от работы».

Но, по правде говоря, никто из нас не рисовал в своем воображе-

нии такую картину: вырядившись в обтянутые чохы, наша семерка,

¹ Швидкаца — хор из семи человек.

вытянувшись в ряд, стоит на эстраде и, подняв глаза к потолку, старательно выводит «Чагуння, мурс, мурс!» Мы мечтали об ином. Один хотел стать инженером, другой — врачом, третий — журналистом. Впрочем, некоторые вообще не собирались утруждать себя дальнейшим образованием: зубрежка формул и стихов достаточно надоела и в средней школе. Нет, мы не отговаривали друзей от поступления в вуз, — если тебе очень хочетсяковыряться в человеческих внутренностях или двадцать четыре часа в сутки сидеть, согнувшись над логарифмической линейкой, — бог тебе в помощь! Я же предпочитаю работать на чистом воздухе, в поле или на винограднике. Да и в шахте отбойным молотком орудовать — тоже знания нужны не хуже инженерских. Ни отец мой, ни дед не делали диплом целью своей жизни, но кто осмелится сказать, что они на своем веку хуже других поработали!

Наше село расположено на высоком отроге Земо-Имеретского хребта и примыкает к Чиатурскому району. Поблизости видны развалины старинной крепости, которая называлась так же, как и наша деревня, — Корбудэ. Наши предки построили крепость на хребтовине высокой скалы. Ниже черными провалами зияют труднодоступные пещеры, в расселине между камнями бьет родник. Если в мае подставить под прозрачную ледяную струю корзину, то за ночь наполнится она рыбой. За Корбудэ вся гора покрыта вековыми каштанами. Внизу, в ущелье, ласково журчит речка, неглубокая и безобидная. Но когда с гор хлынет мутный талый поток, тогда выходит она из берегов, заливая все кругом и шумит сердито, угрожающе: берегись!

Так вот, в этом самом Корбудэ на зеленой поляне и стоит сельская средняя школа, в которой несколько лет назад учился я со своими товарищами. Впрочем, настала, по-

жалуй, пора, когда вас надо познакомиться с моими друзьями. Не разлучную «Швидкаца» составляли: Синус Лабадзе, Косинус Хведелидзе, Тангенс Табатадзе, Котагенс Котрикадзе, Пи-эр-квадрат Квашавидзе, Нацевара¹ Кенчошвили и я. В нашей школе учились и девочки, но будет вполне достаточно, если я представлю вам только одну из них, ту, которая привлекала всеобщее внимание и потому держалась холодно, как ледники Эльбруса, и неприступно, как колючий куст. Ее звали Цисана. Она взирала на всех свысока, не снисходя с недостижимых космических высот до таких ничем не примечательных мальчишек, как ее одноклассники. Такова была эта гордая девчонка. Впрочем, и мы считали себя ничем не хуже и на ее заносчивость отвечали презрительным смехом.

Кое-кому из нашей семерки, если говорить откровенно, было вовсе недосмеха. Больше того, по целому ряду самых верных признаков я замечал, что мои друзья втихомолку влюблены в нее. Но ведь не могли они в этом признаться, и тем более — мне, который всегда смотрел на эту тонконогую, худенькую девочку с большими блестящими глазами так, как будто перед ним был сноп сена! Я раз и навсегда внушил себе, что влюбиться в такую выскочку и задаваку — значит навеки погубить себя. Полюбить можно только того, кто сможет оценить тебя по достоинству. А разве понимают что-нибудь такие люди, которые на все твои подвиги — хоть расшибись ты в лепешку! — всегда взирают с холодным, равнодушным видом, словно и за человека тебя не считают. Нет, конечно! Я усвоил эту мудрость, и с тех пор постоянно держался в соответствии с ней. Ни разу не проявил я слабости, ни разу не изменил своему решению.

Мои друзья, разумеется, быстро

¹Нацевара (груз.) — окурок.

заметили мое холодное отношение к Цисане и старались подражать мне. Кто знает, может, в душах их бушевали страшные ураганы. Но стоило появиться Цисане, как вся наша семерка сразу принималась с самым равнодушным видом беседовать о самых отвлеченных вещах. Молодцы ребята, держались! Они не унижались перед высокомерной девчонкой, а заледенили любовь в сердцах, как вино — в спущенных в колодец кувшинах. Может быть, в глубине души кое у кого еще таилась надежда, что придет время, когда в глазах Цисаны затеплится благосклонность, но внешне эта надежда ничем не проявлялась.

— Цисана, неужели ты не полюбишь меня, даже когда я стану профессором? — спрашивает Синус (на самом деле его зовут Сино, и свое тригонометрическое прозвище он получил по созвучию, так же как и Косинус — по метрическому свидетельству — Коста, Тангенс — Тенгиз, Котангенс — Каленике, Пи-эр-квадрат — просто Пиер. Только Малхаз Кенчошвили был окрещен Нацевара, потому что ростом не вышел и был самый маленький во всем классе).

Так вот, я начал говорить о Синусе. Парень он был вообще неробкий, да и с девушками умел разговаривать — подойдет, познакомится и начнет о чем-то рассказывать своим приятным низким голосом, пошутит, рассмешит — и все! — девушка уже покорена.

Косинусу, напротив, стоило увидеть девушку, как он совершенно терялся, становился глухим и немым, только молча отирал пот со лба и шнырял глазами — как бы незаметно удрать. Как-то раз пригласили нас в семью к одной девушке. Гляжу, на комод лежат стопкой потрепанные листочки — старинный флирт (теперь, кажется, начали говорить «Игра цветов»). Это игра такая — протянешь девушке листок и говоришь: «Гортензия!» Глянет она, найдет нужный

цветок и рядом читает: «Вы мне понравились». Потом она в ответ как ни в чем не бывало: «Орхидея». Берешь, ищешь глазами, а у самого сердце замирает, пока увидишь: «И вы мне тоже». Очень удобно, ничего самому говорить не надо, только цветы перечисляй. Словом, этот самый флирт наши бабушки специально придумали для таких, как Косинус!

Ну, думаю, повезло моему другу, наконец он сможет выговориться при помощи этих листочков. Но что бы вы думали! Держит он в руках листки, внимательно читает их все подряд, как будто у него не флирт, а интересная книга, а сам даже глаза поднять боится, чтобы, не дай бог, девушки случайно не заметили. Посидел так некоторое время, а потом надел шапку и — к двери: вспомнил, мол, дело неотложное, обязательно надо идти.

Здорово мы над ним подшучивали. Синус, как только увидит его, бывало, кричит:

— Пойдем, братец, со мной, не бойся, я не допущу, чтобы девушки тебя съели.

Зато в учебе Косинус нам всем сто очков вперед давал. Пятерки у него в дневнике выстроились, как танкисты на параде. Мы и думать не могли соревноваться с ним в классе, хоть у каждого и был свой козырь в жизни, своя отличительная черта. Пи-эр-квадрат, например, был от рождения наделен буйволиной силой. На переменах один против всего класса выходил, и ничего мы с ним не могли поделать. В плечах — косая сажень. Наш учитель физики Порфила Чанчаладзе говорил ему не раз:

— Слушай, парень, если бы у тебя и голова с такой силой работала, не было бы счастливей тебя человека. Да и у нас, учителей, заботы поубавилось бы.

Тангенс и Котангенс считались в классе математическими богами. Не было в учебниках алгебры, геометрии, тригонометрии задачи, ко-

торая оказалась бы не под силу этой паре.

Нацевара увлекался поэзией. Результатом его страсти были длинные и беспомощные стихи, которые он аккуратно каждый день посылал во все тбилисские газеты и журналы. Однажды он даже попал на районный слет молодых писателей. Конечно, он и там одарял всех своими творениями. Каждый, кто становился жертвой его настойчивости, щедро хвалил начинающего поэта. Однако дальше устных комплиментов дело почему-то не шло, и ни одна строчка из его богатого творческого наследия не увидела света.

Словом, все мы в конце концов справились с полным курсом всех наук, предусмотренных для изучения в средней школе, и получили аттестаты зрелости. На нас семерых пришла одна золотая медаль, — разумеется, ее владельцем оказался Косинус. Тем не менее, мы, не колеблясь и не раздумывая, решили сдавать экзамены в вуз. Во-первых, и дальше мы были бы вместе, а, во-вторых, нам всем очень нравилось красивое и не очень понятное слово: «абитуриент». Мы все уже считали себя абитуриентами и очень важничали. Но однажды Нацевара прибежал взволнованный и растерянный.

— Эй, ребята, — закричал он издали, — походили в абитуриентах и все, крышка!

— Постой, что за крышка, о чем ты болтаешь?

— А то, что вышло постановление: в первую очередь в вузы принимать тех, кто имеет двухлетний производственный стаж. Таких даже с одними тройками принимают! А остальных — потом. Даже медалисты в общем конкурсе участвуют.

Сами понимаете, эта новость огрела многих, как обухом по голове. Но, конечно, нашлись в нашем классе и такие, что даже обрадовались. Словом, страсти разгорелись.

— А ну, друзья, проявите свой пылкий энтузиазм и с песнями отправляйтесь на шахты, — съязвил Пи-эр-квадрат и жестом фокусника вытащил из кармана помятую, переломанную пополам папиросу.

Синус отвечал ему спокойно, с какой-то задумчивой рассудительностью:

— Хочешь — верь, хочешь — не верь, но я даже обрадовался этому постановлению. — Он протянул руку: — Оставь покурить!

Пи-эр-квадрат насмешливо сощурил глаза и, не отвечая ни слова, выпустил изо рта тоненькую струйку дыма.

— Еще бы, братец мой, — произнес наконец он. — Это постановление специально для таких, как ты, выпущено. За одиннадцать лет в школе ты выше тройки не получал. И на что ты надеялся на экзаменах — непонятно. А теперь отбарабанишь два года на шахте — и путь для тебя открыт.

— Пи-эр-квадрату, конечно, не к лицу в шахте мараться, — вспылал Синус. — Слишком тебя в детстве баловали, в пуховые перины кутали!..

— Хотел бы я в шахту или на рудник идти — так не стал бы себе в школе мозги сушить. Лопатой махать можно и не зная формулы Тейлора!

— По проспекту Руставели целыми днями слоняться — тоже немного ума нужно. Там и без тебя проживут, а с твоей силой ты бы мог за десятерых работать!

— Я не для прогулок собираюсь в Тбилиси. Хотя по мне уж лучше по Руставели прогуливаться, чем возле купатадзевского дома проселок мерить.

Синус махнул рукой:

— Что с тобой говорить! За тебя отец на шахте работает, по две тысячи рублей в месяц вырабатывает. У вас семья невелика, вот ты и не думаешь ни о чем! Пока отец жив-здоров, ты и одет будешь и накормлен. А я матери в глаза не

могу смотреть. Пятерых детей она одна вырастила, с того дня, как отец на фронте погиб, вся семья на ней. Приходит она вечером с поля усталая, прямо с ног валится. Теперь хоть я подрос, ну, думал, подмога ей будет! А она и слушать ни о чем не хочет: как это, мол, у всех дети в институте будут, а ты простым рабочим останешься! Очень правильное это новос постановление, — завершил Синус свою горячую речь. — Пойду я на шахту, и посмотрим, кто из нас раньше на ноги встанет...

Выяснилось в конце концов, что твердо решили идти работать трое: Синус, Нацевара и я. Чтобы не расставаться, надумали вместе поехать в Чиатура, на марганцевый рудник. Остальные собирались попытать свою судьбу и начали усиленно готовиться к вступительным экзаменам. Мы понимали, что единственным, кто имел реальные шансы попасть в институт, был Косинус. Остальные попусту теряли время.

Наступил наконец день, когда нам раздали аттестаты. Стоит наша «Швидкаца», тут же — остальные ребята и девочки. Шум, смех, разговоры — кто? куда? Неожиданно Цисана оборачивается ко мне и тихонько говорит:

— Представь себе, я совсем не радуюсь сегодня... — И глаза у нее такие большие и грустные-грустные.

— Чему не радуешься? — спрашиваю я ее самым безразличным тоном. Однако чувствую, что твердость, которую мне удалось сохранить столько времени, дала трещину, и в голосе даже появилось какое-то подозрительное дребезжание.

— Тому, что приходится расставаться со школой, с товарищами и уезжать бог знает куда. — Цисана приблизилась ко мне и, как будто вокруг нас никого не было, стала поправлять сбившийся на бок воротник моей рубашки. — Нельзя

быть таким неряхой. Мальчики должны следить за собой не меньше, чем девочки, — пора бы, кажется, понять это!

Прежде я не упустил бы случая съязвить по поводу подобных нравочений, но сейчас мне послышалась такая искренность и теплота в голосе Цисаны, что я промолчал. Предательская трещина в моей душе стала увеличиваться с поразительной быстротой.

— Ты окончательно решил не уезжать на учебу? — спросила Цисана, помолчав.

— Остаюсь, — отрезал я как можно решительней. — Конкурс повсюду огромный, да меня особенно и не тянет. Чем зря рисковать, лучше поработаю.

Цисана взглянула на меня своими бездонными, как море, глазами, опустила голову и проговорила:

— Пожалуй, и я в конце концов вернусь... — И все, больше она ничего не добавила, повернулась и отошла, не попрощавшись, затерялась в большой группе одноклассников.

Я стоял растерянный, ошеломленный. Непонятно, чего она хотела добиться? За столько лет Цисана могла убедиться, что со мной ничего у нее не выйдет! Я не из тех, кто легко теряет голову... И почему именно сейчас, перед самым расставанием? В классе, бывало, даже не глянет в мою сторону, слова не произнесет, идет мимо, сияет своими глазами так, что все мальчики с ума сходят, кроме меня. Конечно, кроме меня, — и она это прекрасно знала! А сейчас, накануне отъезда, сама подошла, заговорила... Зачем?

— Ребята! — я стараюсь говорить как можно беззаботнее. — Сознавайтесь, кто пал ее последней жертвой? Иначе с чего бы она на меня переключилась!..

Косинус отвернулся и сердито буркнул:

— Только не я!

— Так вот как обстоят дела! — многозначительно поднял бровь Тангенс. — Отчего же ты краснеешь? Нет, друзья, если говорить по-честному, все мы в нее влюблены понемногу. Все, кроме него, — он через плечо ткнул пальцем в мою сторону. — А теперь она и за него взялась. Дай, думает, перед отъездом зажгу в его сердце пожар, а то он здесь остается, потом поздно будет. Вот и промелькнула перед ним, как перепелка перед безоружным охотником. Ну-ка, Нодар, говори, положи руку на сердце, — загорелся там пожар?

— У меня? — усмехнулся я холодно и безразлично. Единственное, о чем я жалел, — что Цисана сейчас не глядела на меня и не видела, какой безразличной была моя улыбка. Подумать только, даже Косинус, наш бедный Косинус, попался на ее удочку. Нет, конечно, дело его безнадежно. Бойкий шутник Синус, любимец девочек, и тот остался ни с чем, куда уж этому бессловесному. Неужели он думает, что золотой медали достаточно, чтобы привлечь сердце такой девушки, как Цисана!..

У абитуриентов начались страдные дни — подготовка к экзаменам, сборы, переезды. Многие уехали в Тбилиси и Кутаиси к родственникам и знакомым, — все же, как-никак, ближе к институтам. Наша тройца тоже решила, не откладывая, отправиться в Чиатура.

Я бывал и раньше в этом городе, хотя в рудник тогда не спускался. Мои товарищи — тоже. И вот мы в городе, который должен стать нашим родным домом. По дороге в рудоуправление нам встретились крестьянки, продававшие черешни. Купили, — все же не так боязно на душе будет перед решающим шагом. Так и вошли в красивое новое здание, где располагалось управление треста «Чиатурмарганец», — у всех троих руки полны черешен, косточки бездумно спле-

ываются на пол, — одним словом картина довольно любопытная.

Разумеется, мы сразу стали искать по табличкам кабинет управляющего — шутка ли, такое важное дело — трое парней, окончив среднюю школу, приняли решение пойти на производство! Мы не сомневались, что, узнав об этом, он радостно бросится нам навстречу с объятиями и поцелуями. Именно так рисовалась эта трогательная сцена в газетных информационных, сообщающих об энтузиазме выпускников, направляющихся сразу после школы на фабрики и заводы.

Поднялись мы по лестнице на второй этаж. Приоткрыли дверь приемной. Видим — за столом девушка-секретарь держит в руках телефонную трубку, из которой доносятся частые гудки, а сама уставилась в книгу и ни на кого не обращает внимания.

— Нам надо к управляющему, — произносит Нацевара, но на девушку это не производит никакого впечатления.

— К управляющему! — громко говорю я.

— По какому вопросу? — спрашивает секретарша, не поднимая головы, и кладет трубку на рычажок телефона.

Этого мы уже не можем вытерпеть: люди приехали, чтобы начать работать, а она внимания не обращает! Оказывается, прежде чем попасть к управляющему, надо этой фифе все доложить: зачем, почему да по какому вопросу.

— О нашем деле мы самому управляющему расскажем, а твое дело маленькое, ответ — здесь он или нет! — отрезал рассерженный Синус и так ловко выплюнул черешневую косточку в угол, словно у него был не рот, а ствол ружья. Косточка застучала, как дробинка после выстрела.

Теперь-то уж секретарша соизволила оторваться от увлекательного чтения.

— Вы находитесь не в хлеву, а

в учреждении, — сердито затараторила она. — Если хотите есть черешни — найдите другое место!

Я и Нацевара готовы были согреть от стыда. Нам хочется стать маленькими, незаметными и юркнуть куда-нибудь в мышиную нору, хотя, конечно, в таком шикарном кабинете никаких мышей отроду не водилось. Только Синус как ни в чем не бывало пытается острить.

— Как, неужели в вашем тресте запрещено есть черешни?..

Но по-прежнему сурово нахмурены брови девушки и официален ее тон:

— Вопросами устройства на работу занимается отдел найма. Четвертый этаж, направо, двадцать седьмая комната.

Все. Разговор окончен. Ни о каком примирении не может быть и речи. И мы оставляем сердитую девушку наедине с ее книгой и телефоном. В коридоре начинаем выяснять отношения.

— Ты ведешь себя так, словно вырос на свиноферме, — кипятится Нацевара. — Впрочем, теперь и там — чистота и порядок, непонятно, где ты воспитывался...

От недавней веселости Синуса не осталось следа. Отмахиваясь от наседавшего на него Нацевара, верзила бурчит:

— Некоторые от страха глотают черешни с косточками. Я не из их числа.

— Черешня с косточкой гораздо вкуснее, — пытается оправдаться Нацевара.

...Начальник отдела кадров долго и внимательно оглядывал нас с ног до головы. Потом обратился к пожилой женщине, сидевшей за соседним столом, уставленным картотеками:

— Что нам делать с этими людьми, Пигаси? Лимит уже заполнен, а выпускники все едут и едут...

— По вчерашним сведениям уже было свыше шестисот человек, при лимите — четыреста.

Начальник еще раз посмотрел в нашу сторону.

— На двадцать пятом руднике разрабатывают новые лавы. Может, там нужны люди?

— Вряд ли, — вздохнула пожилая женщина, — Ноэ вчера десять человек передал семнадцатому руднику.

— Как же быть с этими ребятами?

Наша судьба представилась нам в мрачных и безрадостных красках. Судя по тому, что мы слышали, никакой радости наш приезд не доставил.

— Чагунава говорил мне, что ему нужны рабочие... — пытался пристроить нас сердобольный начальник, но из-за картотек доносилось все то же:

— Тридцать первый? У него плохо с общежитием, просит прислать только местных жителей...

Внезапно начальник отдела обрадованно воскликнул:

— Благодарите судьбу, ребятки! Вспомнил: сегодня утром Нестор из Картнеби звонил, просил двадцать рабочих! — Он был хороший человек, этот дядя из отдела найма, и переживал за нас, словно за своих близких родственников. Написав нам записку к неведомому Нестору, он подробно объяснил, как надо добираться до Картнеби, и даже проводил до лестницы.

Прежде всего, мы разыскали станцию подвесной дороги. Синус посмотрел на ползущий по канату вагончик, потом посмотрел на меня и спрашивает:

— Мы поедем на этом?.. А если он оборвется?..

— Нечего болтать, иди покупай билеты.

— Как, я должен залезть туда, и с меня же деньги берут!

Вагончик, покачиваясь, спустился к станции, из него высыпали девушки в рабочих комбинезонах. Гляжу, приумолк наш Синус, ничего не говорит. Купили билеты, забрались в вагон. Ах, что за вид от-

крылся нам, когда вагон, незаметно отделившись от перрона, взмыл вверх. Город уходил все дальше и дальше из-под наших ног, словно сказочный ковер уносил нас в небо.

На верхней станции нам показали дальнейший путь до Картнеби. Мы идем по асфальтированной дороге мимо одного рудника, потом сворачиваем возле другого и неожиданно оказываемся на краю пропасти. Над бездной провисает канат, и по нему скользят навстречу друг другу какие-то клетушки. Откровенно говоря, трудно было назвать вагоном эти странные сооружения: к канату на подвижных колесиках подвешены железные штанги с небольшой площадкой, оплетенной со всех сторон металлической решеткой наподобие корзины. Решетка высотой в половину человеческого роста. Так вот, в эту платформу-корзинку залезает шесть человек и летит на страшной высоте к другому краю пропасти.

Можно представить, как отнесся Синус к перспективе путешествовать через бездну при помощи столь несовершенных транспортных средств.

— Куда вы меня ведете, братцы, — жалостливо бормочет он. Потом замечает насмешливую улыбку Нацевара и добавляет: — Тебе хорошо насмешничать: человек твоей комплекции по волосяному мостику пройдет, не покачнув его. Какво-то мне...

— Пошли ребята, пошли, — тороплю я друзей и первым ступаю на колеблющееся днище «корзины». Синус долго упирался, клялся, что его ноги не будут на этом недоношенном самолете, наконец нам удалось заманить его на платформу. Вагончик тронулся с места и стремительно понесся по канату. Мертвой хваткой уцепились мы за скользкие перильца, стараясь унять дрожь в коленях. Я решился взглянуть в мчавшуюся под ногами пропасть, но мои глаза сразу же зажмурились сами собой. Попытался

посмотреть вверх, но стало еще хуже, закружилась голова. В конце концов я заставил себя оглядеться по сторонам. Рядом со мной с обреченным видом стоял Синус — он, по-моему, так и собирался с отчаянием осужденного на смерть ехать с закрытыми глазами до конца. Только Нацевара довольно смело опирался на барьерчик, даже просунул кончик ноги наружу и спокойно рассматривал представший перед ним пейзаж.

Добрались до конца воздушной дороги, потом еще долго шли пешком, пока показалось Картнеби. На скалах были разбросаны однотипные трехэтажные дома, внизу — ровное футбольное поле с белыми поперечными линиями и сетками на воротах. За ним — настоящий дворец, с высокими колоннами на фасаде. Потом мы узнали, что это действительно был дворец — Дворец культуры, где крутили кино, изредка ставили спектакли и проводили всякие собрания и митинги.

За домами — еще одна подвесная дорога: в больших ковшах перевозили из рудников марганец. Дорога спускалась с горы в долину Квирилы, где, как нам объяснили, находилась обогатительная фабрика. Нам нужна была контора. Пришлось подниматься в гору, к руднику. Я увидел: вглубь горы уходил тоннель, электролампочки пунктиром освещали двухколейную дорогу. Маленький электровозик деловито тащил за собой вагонетки, доверху полные марганцевой рудой. Навстречу с грохотом мчался другой состав — порожняком.

— Мы будем работать там? — Синус показывает пальцем на тоннель.

— Конечно, там, — гордо заявляет Нацевара.

— Слушай, дорогой, тебе бояться нечего. А я вдруг задену электрический провод — тут же ноги протяну!

Нацевара кивнул в сторону про-

ходившего мимо рабочего в шахтерской каске и с лампой в руке. На нем были высокие резиновые сапоги и брезентовая куртка.

— Видишь, он не ниже тебя ростом, но, как видно, прекрасно обходит электрические провода.

Мы разыскали контору рудника, но директора на месте не оказалось. «Будет часа через три, не раньше», — сказали нам и опять направили в отдел кадров. Здесь наконец-то все хождения по кабинетам закончились: нас оформили на работу! Показали наши койки в общежитии, выдали спецодежду, резиновые сапоги, резиновые каски. Потом мы стали обладателями трех карбидных ламп — верный признак того, что мы стали настоящими шахтерами. Правда, как ими пользоваться, никто нам не объяснил: «Спросите, — сказали, — у товарищей». Последняя инструкция, которую мы получили в этот день: «Утром явитесь к Ясону Церетели, он ваш сменный мастер и все объяснит!»

Когда хлопоты с оформлением остались позади, мы получили возможность осмотреться. Место, словно бы, неплохое. Правда, наше общежитие расположено довольно высоко, на горе, но дорога к руднику хорошая, асфальтированная. В комнатах чисто, играет радио. В общем — жить можно. Тут же поблизости оказалась столовая, и мы, проголодавшись от долгого путешествия и переживаний, с удовольствием поели харчо и котлеты. Чтобы скоротать время, отправились в кино.

Когда мы вернулись в нашу комнату (как-то непривычно пока говорить «домой!»), смена уже закончилась. Я довольно робко приоткрыл дверь и увидел, что новые соседи были уже в сборе. Один прилег на свою кровать с газетой в руках, другой, сидя за столом, крутил ручку приемника, а двое, поставив между кроватями свобод-

ный стул, склонились над шахматной доской.

— Здравствуйте! — По всей вероятности, мое приветствие звучало не очень уверенно. Все оторвались от своих занятий и с любопытством уставились на нас.

— Вы что, работать здесь собираетесь? — спросил лежавший на кровати и, не дожидаясь ответа, добавил: — Откуда прибыли?

— Из Корбудэ.

— Стажеры? — В его голосе слышалась насмешка. Он приподнялся, отложил газету и с откровенным любопытством разглядывал нас.

— Трудно здесь? — ответил я вопросом на вопрос.

— Поживете — увидите, — неопределенно протянул он. — Впрочем, с легкой работы Симон Брегвадзе не удрал бы.

Шахматисты засмеялись. Мы не знали, кто такой Симон Брегвадзе и зачем он удрал, мы еще совсем ничего не знали об этих людях, которые должны стать нашими товарищами, об их жизни, их труде. Впрочем, сейчас уже надо говорить — нашем труде. Все изменилось с этого дня в нашей жизни, мы вступили в новый мир, который должны открывать для себя заново.

— Как зовут? — вновь обратился ко мне парень с газетой.

— Нодар Ткемаладзе.

— Моя фамилия Ниорадзе, — он опустил ноги с кровати и протянул руку. — По имени Пармен. Тот «гроссмейстер», что слева, — Лежава, по-домашнему мы называем его Кнача (он так и сказал — «по-домашнему», для него здесь была своя семья). — Второй — Непаридзе. Хороший он парень, только очень уж нерешительный.

— Хватит попусту языком трепать, — огрызнулся добродушный Непаридзе, делая очередной ход.

В разговор вмешался Синус, который нетерпеливо переминался с

ноги на ногу, так как не привык к длительному молчанию:

— Коли знакомиться — так всем. Что же вы третьего товарища не представляете?

— О, ты прав, парень, — воскликнул торжественно Пармен. — Тот, у приемника, наш известный изобретатель и рационализатор Эдишер, вернее — Эдисон! К сожалению только, ни одно его изобретение не осуществилось — не везет! Сначала он придумал... Что это он придумал, ребята? — Пармен с притворным изумлением оглядывал друзей. — Ах, да! Часы, которые работали вечно и без заводки.

— Атомные, — подсказал Синус.

— Куда там! Водяные часы придумал наш Эдисон, часы, работающие по принципу мельничного жернова. Дешево и надежно. Только один недостаток был у этих часов — они, оказывается, известны уже пять тысяч лет, со времен египетских фараонов.

— Довольно болтать, — буркнул Эдишер под общий смех товарищей и с ожесточением до отказа повернул ручку приемника.

* * *

На следующее утро мы под руководством сменного мастера отправились представляться главному инженеру.

— Новички? — догадался он. — Что же мне с вами делать? — Он долго мерил взглядом наши фигуры, как будто собирался принимать нас в танцевальный ансамбль. Судя по всему, Синусом и мной он остался доволен. А Нацевара он похлопал рукой по затылку:

— Тебя мы устроим в школу.

— Опять в школу? — возмутился Нацевара.

— Не кипятись, — улыбнулся главный инженер. — Походишь немного в нашу профтехшколу, а потом станешь машинистом рудничного электровоза. Что, доволен? А вы, мальчишки, пойдете с Ниорадзе на крепежку.

Итак, мы идем в забой. Я давно ждал этой минуты — шутка ли, первые шаги под землей! Но сейчас, откровенно говоря, мне не до того, чтобы следить за своими чувствами и переживаниями — моя главная забота — Синус. Вдруг он у самого входа заупрямится, откажется спускаться под землю, опозорит всех нас?

Поглядываю искоса на своего друга — ничего, идет, крепится, видно, старается, чтобы ничего не заметили. Хотя вообще-то вид у него довольно бледный. А кругом — все больше народа, идут рабочие утренней смены. Среди них неожиданно замечаю даже несколько женщин. Пармен, как видно, подмечает мой удивленный взгляд и поясняет:

— Девушки у нас на вентиляции работают.

Услышав о том, что в шахтах работают и девушки, Синус приободрился, заговорил:

— Теперь-то я понял, что именно женщина сделала мужчину смелым.

Смотрите-ка на него, он еще философствует! Ну, значит, все в порядке.

Подошли ко входу в забой. Полоска тускло светящихся на потолке электролампочек пропадает вдали. Синус протяжно свистнул.

— Ну как, стажеры, — смеется Пармен. — Ушла душа в пятки? Может, думаете — от ворот поворот.

Нет, мы не дадим Пармену повода для новых шуточек. Хоть и замирает сердце перед этой туманно-темной дырой, хоть в нос и бьет запах сырости, мы все же идем вперед. Молча, без колебаний.

Мы идем, а конца пути все не видно.

— Устали, стажеры. — Голос Пармена звучит глухо, непривычно.

Мне кажется, что мы идем уже очень долго, что дышать становится невыносимо трудно. А что еще

там, впереди? Синус топает рядом со мной. Наверно, и ему трудно удержаться, чтобы не спросить: «Далеко еще?» — но мы с ним молчим, ведь сотни рабочих впереди и позади нас идут туда же, и каждый день ходят, неужели же мы не выдержим, скиснем.

«Начну считать лампочки на потолке, — решаю я. — Через пятьдесят лампочек — конец».

Но я не успеваю сосчитать до пятидесяти. Из тьмы с грохотом выскакивает электровоз, за ним — вагонетки, наполненные рудой. Грохот приближается, нарастает, потом — проносится мимо и исчезает во тьме. Я и Синус прижимаемся к самой стене. Потом торопливо догоняем Пармена, продолжающего свой путь.

— Вот бы вскочить на такой поезд, мигом до места домчались бы, — мечтательно говорит нам Синус.

Ниорадзе хмурится:

— Ездить на вагонетках строго запрещено. Запомните — в шахте с электрохоза́йством шутки плохи.

Когда мы подошли к концу штрека, где велась добыча марганцевой руды, я и Синус уже чувствовали себя утомленными. Присели, чтобы отдышаться, на бревна, заготовленные для креплений. Когда я смог оглядеться, то увидел, что в этом месте основной штрек разветвляется, причем, каждое ответвление показалось мне непонятным и пугающим, как лабиринт.

Синус снимает резиновый шлем и начинает отирать пот. Потом скидывает и брезентовую куртку — жарко, душно, с непривычки трудно дышать.

— Тащиться в такую даль! — ворчит он. — Как будто на земле нет работы.

— Эх ты, — смеется Ниорадзе, — какую работу можно сравнить с нашей, шахтерской. Узнаешь наш труд — сам поймешь, что к чему.

Пармен ведет нас дальше, в бо-

ковой штрек. Порода низко нависает над головой, осела, грозит сломать крепления. Здесь мы и должны работать: закрепить свод, расчистить дорогу, чтобы вагонетки с марганцем могли пойти непрерывным потоком. Мне и Синусу для первого раза дали работу полегче: пилить все бревна на один размер.

— Начали! — говорю я Синусу и взвешиваю на руке пилу.

— Начали! — отвечает мне он, тяжело дыша. Я вижу, что он еще не пришел в себя, но вида не подает. — Приступаем к новой жизни, осваиваем профессию. — Он еще пытается шутить — Эх, где сейчас Пи-ер-квадрат. Посмотрел бы на нас, энтузиастов. Сам, небось, сейчас проспект Руставели шагами меряет.

— Начали! — еще раз повторяю я. — Бери пилу. А с Пи-эр-квадратом о смысле жизни потом поговорим.

Синус плотно обхватывает рукоятку пилы, сощури́в глаз, разглядывает толстенное бревно, которое нам предстоит распилить в самом начале трудовой биографии, и замечает:

— Будем надеяться, что наши же крепления нас не раздавят!

Налегли на пилу. Что за странные звуки издает она? Сначала хрипит, потом попискивает и наконец звенит. Ведешь ее, как можно плавней, и кажется, поет она под рукой. Фр-... зинг... Фр-... зинг! Волей-неволей втягиваешься в рабочий ритм. Помню, в детстве мастера-рачинцы строили наш дом. Тогда я только о том и мечтал, чтобы потянуть хоть разок пилу. Но мастера даже близко не подпускали меня. А сейчас я работаю сам, сколько душе угодно. Мы подпилили концы, ухватились за бревно. Однако отяжелевшее и окаменевшее от сырости, оно не поддавалось, норовило выскользнуть из рук. Наконец мы одолели его, и один бог знает с какими трудно-

стями, подтащили к краю забоя.

— Ребята, не мешкайте, несите второй столб,—в один голос крикнули нам Пармен и Эдишер.

Вот те раз, даже передохнуть не дают. Но что поделаешь, не хочется срамиться. Мы бодро ринулись к следующему бревну. Видать таков уж удел всех новеньких — с первого дня надо показать, на что ты годен. Иначе засмеют тебя — известно, что шахтеры такой народ — белоручек не любят.

Посмотрел я на Синуса, и сердце кровью облилось, такую муку выражало его красное, усеянное крупными каплями пота, словно рябинками, лицо.

— Синус, — шепчу я, — крепись, иначе станем посмешищем для этих ребят. Умоляю тебя, не сдавайся.

— Воздуха не хватает, дышать нечем, — отвечает он, — это с непривычки, подожди, я еще им всем фору дам в работе.

— Поди сюда, здесь прохладней. Молодцы наши девушки, вентиляцию включили, — подбадриваю я Синуса, хотя прохлады и в помине нет.

Мы готовим второй столб для крепления. Спилили концы, смерили: хорошо! Поддели под бревно руки, напрягли силы, налегли. Но что это? Такое ощущение, будто ноги уходят в землю. Наконец сдвинули с места. Еле шевелимся, боимся поскользнуться, ведь бревно может раздавить нас обоих, как червяков.

— Чего это вы кланяетесь земле, — насмешничает Пармен, — согнулись, словно необъезженные бычки. Двухметровый столб не можете одолеть, герои! Посмотрел бы я, как вы с четырехметровыми справитесь. Разогните спины, веселей!

— Хотел бы я поглядеть на твою осанку под тяжестью этакого бревна, — огрызается Синус, вытирая рукавом пот с лица. Потом ехидно

добавляет: — Не откажи в любезности, покажи пример неучам!

— Попродержи язык, иначе наступишь на него, упадешь, — подливает масла в огонь Пармен. — Кажется мне, ты, идя сюда, не заметил, сколько креплений установлено на пути. Не думай, что столбы эти сами собой воздвиглись, чтобы подпирать потолок. Ты, братец мой, ради стажа приперся сюда, а я всю жизнь здесь намерен работать, не одно бревно перетаскал вот этими руками. Так-то вот... А плакаться тебе нечего, еще, можно сказать, у вас все впереди.

С этими словами Пармен подходит к нам, вырывает из наших рук бревно и, легко крутанув в воздухе, всаживает в заранее приготовленное гнездо.

Синус от удивления стоит с разинутым ртом. Мы, пристыженные, молча направляемся за следующим столбом. К концу рабочего дня мы еле стоим на ногах.

— Подумать только, сколько еще до дома. Проклятый тоннель, — хнычет Синус. И вправду, тоннель кажется нескончаемым.

Наконец мы выбираемся на воздух. Колени дрожат, руки ноют, голова кружится. Вечерняя прохлада немного освежает нас. Потом мы становимся под душ, и теплые струи воды приятно бегут по телу, возвращая нам бодрость.

Ребята уговаривают пойти в кино. Мы делаем вид, что с удовольствием принимаем приглашение новых товарищей, а сами мечтаем поскорее добраться до постели. Едва в зале погасли огни, я и Синус осторожно выскользываем в дверь.

На следующее утро Синус ни за какие блага не хочет вставать с постели и идти на шахту. Тихонько, чтобы не слышал Пармен, он шепчет мне на ухо: «Айда обратно в деревню. Поступим в колхоз, разве не лучше по полю кататься на тракторе, чем здесь под землей»

таскать тяжелые, как чугун, бревна. Да и на травке повалиться не плохо. Пошли, брат, в деревню».

Единственное, что мне оставалось, это дать ему подзатыльник. Это сразу подействовало.

Второй рабочий день, как ни странно, оказался легче первого. Словно и дорога стала короче, и воздуха больше, и бревна полегчали. Конечно, устали мы и в этот раз как следует, но чувствовали себя куда лучше.

...Я и Синус как-то незаметно попривыкли к новой работе. Сейчас мы частенько сворачиваем после смены на стадион, а Синус даже обзавелся бутсами. Разумеется, он познакомился с девушками и потом, как верный друг, представил им меня. Коротко расскажу вам об этих девушках. Додо Квижинадзе, как и мы, пришла на рудник со школьной скамьи. Стройная и миловидная, она вечно улыбается, ибо знает, что у нее красивые зубы. Болтает Додо без умолку, и только появление молодого инженера участка Тамаза Келбакиани заставляет ее смущенно потупить глаза.

Лия Квелидзе, не в пример Додо, молчалива, строга. У нее длинные каштановые косы, она считает, что грузинской девушке не к лицу коротко стричь волосы. Она работает на вентиляции. Синус называет ее своим буксиром: «Не будь тебя, Лия, никакие, — говорит, — силы не заставили бы меня войти в тоннель». Каждое утро мы поджидаем ее у входа, а она, завидев нас, удивленно спрашивает:

— Вы что, ждете кого-нибудь?

Хорошая девушка Лия, что правда, то правда.

При первом знакомстве с Анико Сикинчилашвили я высоко задрал голову, желая разглядеть черты ее лица. В жизни не встречал девушку такого роста. Глаза у Анико лучистые, веселые, а брови — словно разлет крыльев ласточки. Я и Синус решили сыграть шутку

и для смеха познакомили ее с коротышкой Нацевара. Однако ни чего из нашей затеи не получилось. Они вежливо пожали друг другу руки и скоро так оживленно стали беседовать о чем-то, что мы почувствовали себя лишними. Анико спросила у Нацевара, когда он окончил школу, и тут же принялась рассказывать о себе. Оказывается, она пришла на рудник в прошлом году. Среднюю школу окончила рано: благодаря высокому росту, ее приняли шести лет. Потом училась на курсах медсестер, а сейчас работает на медпункте.

— Кажется, заварили мы с тобой кашу, — толкнул меня локтем в бок Синус, — они нас даже не замечают. Давай лучше уйдем.

Действительно, что нам еще оставалось делать?

— Ну и везучий ты, Нацевара, — подшучивал над ним в тот же вечер Синус. — Вот станешь машинистом, тогда тебе и карты в руки. Садись на электровоз и прямиком вези Анико на медпункт. Даже ухаживать не нужно. Одного не могу уяснить: каким образом она поместится в будке машиниста? Разве что сложишь ты ее наподобие плотничьего аршина.

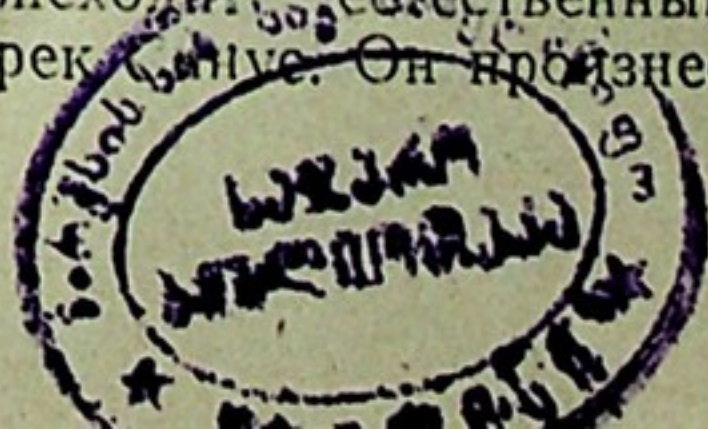
— Это еще полбеды, ты скажи, как они целоваться будут, — поддавал я жару. — Впрочем, есть выход — вскарабкаться на стул.

— Но где взять такой высокий стул, — не унимался Синус. — Хочешь дружеский совет? На днях я видел в магазине алюминиевую складную лестницу. Возьми ее подмышку и смело иди на свидание.

Но тут наши шутки прервал грозный бас Пармена.

— Нашли над чем смеяться, дурален. Во все они должны вмешаться! Что в том зазорного, если Анико выше его ростом. Она ему нравится — вот главное.

— По теории Дарвина, в данном случае происходит естественный отбор, — изрек Пармен.

это так глубокомысленно, что все ребята в комнате разом захохотали.

...

Понемногу все уладилось. Мы работали не хуже других. Но впереди нас ждало суровое испытание. Совершенно неожиданно в лаве осел потолок проходной штольни. Опоры дрогнули и некоторые разлетелись в щепки, тяжелые глыбы с грохотом повалились на землю. Войти в штольню стало совершенно невозможно.

Надо было срочно расчистить проход. Мы всей бригадой принялись за дело. Стучали кирками и молотками. Под тяжестью наших тел лопаты вонзались в породу. Однако продвигались мы медленно, с трудом отвоевывая у обвала каждый шаг, каждый сантиметр.

В самый разгар работы Синус взглянул на часы и радостно воскликнул:

— Шабаш! Слава тебе господи, окончился рабочий день. Нодар, складывай все эти ломы да лопаты, пошли.

— Куда это? Ты что — рехнулся, — набросился на него Пармен, — пока завалена дорога, шагу отсюда не сделаешь.

— Как это?

— Так, просто.

— Не понимаю.

— А ты пойми. Оставим так — к утру все обвалится.

— Да ну?

— Занудил, дубина, попробуй, уговори его, — Пармен с досадой махнул рукой. — Словом, будем работать до конца — и все!

— А другие будут отсыпаться?

— Кто это другие?

— Почем я знаю. Мое дело маленькое: проработал восемь часов и хватит. Пусть теперь вторая смена потрудится.

— Вторая смена трудится на новом забое. Как по-твоему, план кто-то должен выполнять?! Ну и

смутьян же ты, Синус. Сказал бы тебе пару слов, да...

Мы вышли из рудника лишь глубокой ночью. Небо было усыпано звездами, прохладный ветерок ласкал наши вспотевшие лица. С трудом передвигая тяжелые, словно налитые свинцом ноги, двигались ребята из нашей бригады, мы не хотели ни пить, ни есть. Мысли были заняты лишь одним — скорее добраться до постели. Рухнув на кровати, мы заснули таким крепким сном, что случись второе пришествие, мы и тогда не проснулись бы.

Утром Нацевара обрадовал Синуса:

— Додо Квижинадзе просто покоя не дает. Уже десятый раз, как увидит мой электровоз, спрашивает тебя.

— Хорошая моя, — сладко потягиваясь, прошептал Синус и опустил ноги на пол.

— Ты что, назначил Додо свидание? — заинтересовался Эдишер, который брился, низко склонившись над маленьким зеркалом.

— Я-то думал, что она не придет, — ответил Синус. — Спал беззаботно. Впрочем, на кой леший мне и девушки и свидания, все равно от таких подвигов скорая смерть написана на роду. Ребята, расскажите потомкам, какой парень пожертвовал жизнью ради их счастья.

— Язык у тебя, как собачий хвост, — отрезал Пармен. — Лучше подымайся скорее, бока пролежишь.

— Я давно уже на ногах, это они валяются в постели, — огрызнулся Синус.

Мы умылись, нехотя пожевали завтрак и вновь пошли на рудник. Прежде дорога казалась нам ужасно изнурительной, сейчас же, по сравнению с ожидающей нас работой, это было просто легкой прогулкой. Подошли мы к обрушившемуся забою и... глазам своим не поверили. Весь наш вчерашний труд оказался похороненным под

трудою обвалившихся за ночь каменной. Пришлось все начинать сначала. Представьте себе, даже Пармен вышел из терпения, не сдержавшись, выругался... Но бранью делу не поможешь. Мы с остервенением набросились на глыбы, с размаха всаживали кирки, как будто расправлялись с врагами. Но, как говорится, пришла беда — отворяй ворота. Мало нам было обвала, так еще за ночь натекло воды, и теперь, за какие-нибудь полчаса, мы так вымазались, что с трудом узнавали друг друга. Человеку, не видевшему никогда черную, как деготь, марганцевую грязь, трудно представить себе, на кого мы были похожи. Одни лишь зубы белели во мраке шахты.

Синус, обхватив руками мокрое бревно, волочил его в конец забоя. Поровнявшись со мной, он проворчал:

— Вот было бы здорово, если б вместо этого грязного столба я прижимал к груди красивую девушку.

Потом взглянул на меня и зашелся смехом.

— На кого ты похож, — выкрикивал он между припадками хохота, — пойди в зеркало посмотришь, чудище! Ничего не хочу, увидела бы тебя сейчас Цисана.

Не успел я ответить ему как следует — гляжу, идет по штреку начальник смены, а рядом с ним... кто бы вы думали? — Цисана! О, чего бы я только не отдал, чтобы скрыться сейчас отсюда. Но уже поздно. Цисана шла легко, уверенно, словно всю жизнь работала под землей. Она была в брезентовой куртке и штанах, в резино-

вой каске, под которой спряталась половина ее лица. Но мог ли я не узнать ее! Она оглядела всех нас, никого, конечно, не узнала, и сказала:

— Первый раз в жизни вижу живых гномов! Боже, да это ведь Синус, — вдруг радостно воскликнула она. — Здравствуй! А где остальные?

— Цисана, как ты очутилась здесь? — пролепетал я наконец.

— Нодар! Боже, как хорошо! А мне инженер сказал, что вы здесь, и я просто пришла повидать друзей. Что, вам неприятно?

— С чего это ты взяла, наоборот, — начал было оправдываться я, но тут разразился Синус:

— Я только о том и мечтал: приедешь ты в Чиатура, наряжусь я после работы, костюм, что с последней полочки купил, надену, новый галстук подвяжу, очарую тебя, а сейчас...

— Вот чудак! Галстуком решил прельстить. Тебе, милый мой, никакой галстук не поможет.

— Нечего сказать, утешила, — пробурчал Синус и вдруг серьезно спросил: — Как там с экзаменами.

— На первом же двойку схватила.

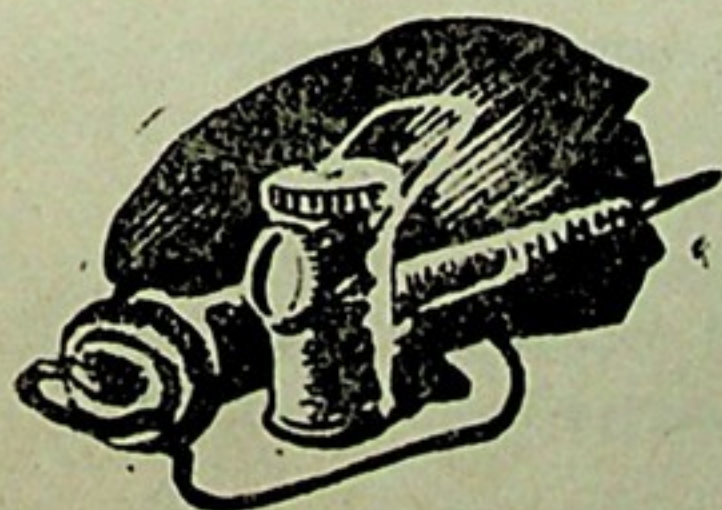
— Кто принимал экзамен, дай его адрес.

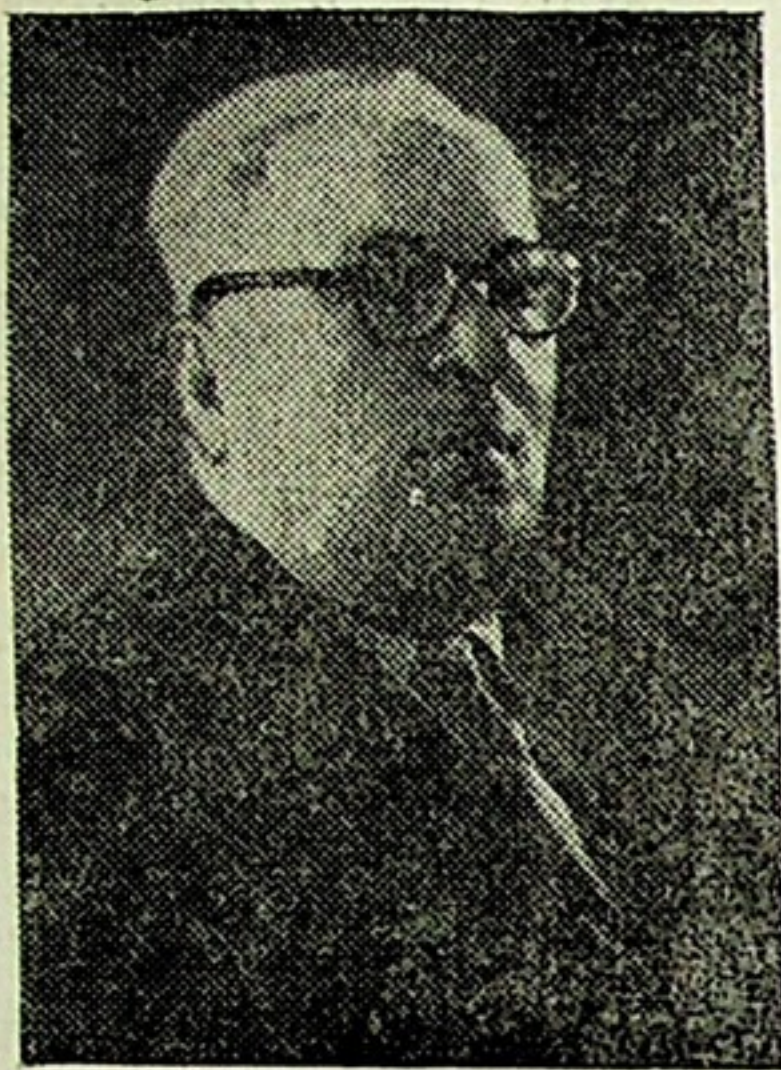
— Для чего тебе, Синус?

— Низко поклонюсь ему, руки поцелую. Клянусь, хороший он человек, не дал такой девушке от нас уйти. Ну а дальше что думаешь делать?

— Работать на руднике. Пока стажером. Думаю на вентиляции потом.

Продолжение следует

Исполнилось 70 лет со дня рождения и 50 лет творческой деятельности одного из основоположников пролетарской литературы в Грузии Сандро Эули-Куридзе. В конце декабря общественность нашей республики тепло отметила юбилей поэта.

Сандро Эули

Грузия родная

О, как люблю тебя,—
Пусть маленькая ты,
Осколком радуги
Упавшая на землю, —
Сверканье гор твоих
И нежные цветы.
И как свою,
Твою судьбу приемлю!

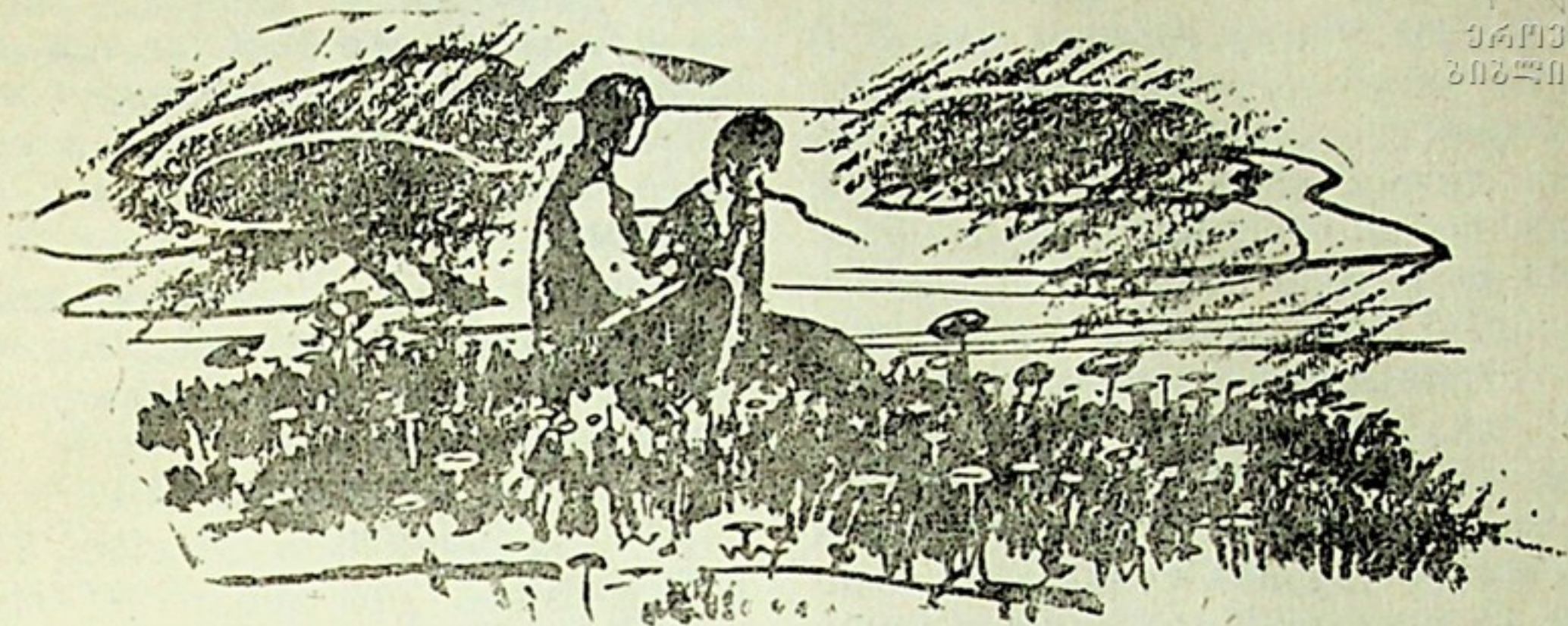
О, как люблю я,
Родина моя,
И соловьиные
Весенней ночью
Трели,
И блеск и грохот
Трудового дня,
И нежные напевы
Руставели.

Как расцвела ты
Юною красой!
Еще сильнее
И прекрасней стала!
Среди республик братских
Яркою звездой
Ты, Грузия родная,
Заблистала!

В кругу сплоченном
Братьев и сестер,
В семье
Единоправной и великой.
Твоим талантам
Полный дан простор,
Тебе, любимая,
Дороги все открыты!

Весенней буйною листвою
В горах звеня,
Ты каждый день
Встречай
Улыбкой мая!
Под солнцем Родины
Цвети,
Страна моя,
О, Сакартвело,
Грузия родная!

Перевод Ю. Анохина.

Оття Иоселиани

С Е М Ь Я

РА С С К А З

Перевод с грузинского В. Астафьева

МЕЧТЫ

Она сидела впереди меня, и косы ее всегда лежали на моей парте. Они были смешные, эти косы. Тоненькие с загнутыми хвостиками. Когда она качала головой, кончики кос, как мышки, бегали по моей парте. Я прихлопывал их ладонью. Тогда она оборачивалась, и я видел ее сердитые черные глаза. Она сердилась, а я смеялся. Я радовался.

Я мог с точностью сказать, на сколько больше волосков в ее левой косе. Правую косу она всегда заплетала тоньше, и хвостик у этой косы был загнут как-то смелей и задиристей.

Я любил ее. Любил со школьной скамьи. Скажете, смешно? Нет, не смешно.

И за что только я ее любил! Я и сам не знаю за что. Просто любил — и все.

Может, я был фантазер? Наверное, я был фантазер. Я прочитал много приключенческих книг, но

никогда не пытался хватать звезды с неба и не нырял в глубь моря, чтобы найти жемчужную раковину. Да что там жемчужную! Я не пытался поймать даже морского рака.

И все-таки я любил мечтать.

И она тоже любила мечтать.

Я писал ей записки. Да, да, записки!

Я протягивал ей под партой клочок бумаги. Она больно щипала мою руку кончиками пальцев и опять стреляла в меня сердитым взглядом. Но записки все-таки брала. Она брала мои записки! Она читала их! Она писала ответы! И я знал, всегда знал, что она мне ответит. В записках она не умела сердиться.

Иногда она позволяла проводить ее домой.

Она любила ветренную погоду и не переносила дождя. О, моя солнечная Грузия! Как хорошо, что с неба твоего редко падает дождь.

Что бы я делал, если бы жил в другой стране?..

А ветры у нас бывают часто. В теплые дни, освеженные слабым, ласковым ветерком, она могла целыми днями лежать на топчане, в горах, и не вспоминать о пище и воде. О, она была очень терпеливая и смелая. Такая смелая, что мне порой становилось страшно за нее. Ведь она могла и со скалы прыгнуть, и на высокое дерево влезть, и умчаться в горы без меня. А в горах есть дикие звери! Сердце мое замирало от страха. И, чтобы она никуда не убегала, я осторожно заводил разговор о семье.

О семье она могла говорить целый день. И даже целую ночь.

Будущая жизнь. Как много мы говорили о ней. Говорили без смеха. Разве можно говорить о семье несерьезно! Семья — это не шутка.

Правда, сначала мне было смешно. Но она говорила так серьезно, без всякого смущения, что я скоро привык и не спорил с нею. Спорить было не к чему. Мысли наши совпадали.

Это потому, что я ее любил.

— А знаешь, Сисо, — она тянула меня за два пальца и тащила высоко в горы: — ни в коем случае нельзя дом у самых ворот строить. Нужно оставить больше места, чтобы двор был просторный. И обязательно нужно перекопать весь двор, очистить его от сорняков. Посеем нежную траву — койндар, чтобы дети могли играть в ней. А сорняк заглушит койндар.

— Конечно, Теона, сорняк нам во дворе ни к чему. Да и койндару он будет мешать расти.

— Правильно, Сисо. Если эта негодная трава будет расти во дворе, что скажет прохожий?

— Да и не только во дворе, даже в конце двора, у самой канавы для орошения виноградника не позволю расти этой вонючке.

— Но, Сисо, если уж ты думаешь канаву прорыть во дворе, надо, что-

бы она всегда была чистой и вода текла свободно.

— А я все же люблю заросшие канавы, Теона, — вырвалось у меня, но я тут же заторопился, — в крайнем случае можно канаву обложить дерном.

— Нет, Сисо, так не годится. Сорняки обязательно прокрадутся в виноградник, и попробуй, выдерни их. Руки изранишь!

— Тогда, может, тростник?

— Тростник? — оживилась Теона и задумчиво повторила: — Тростник? Но, Сисо, он же высыхает в мае или в июне.

— Плешины снова засеем какой-нибудь другой травой, — настаивал я.

Но Теона не терпит возражений и пустых обещаний. Она сейчас же, немедленно должна знать, какая именно трава будет расти в конце двора, чтобы края канавы не осыпались, чтобы глазам было приятно, чтобы прохожий не бранился, а хвалил наш двор.

Она сама подыскивает травы и сорта винограда. В конце концов мы сходимся на том, что лучше «цоликаури» не найти винограда. «Мцване», конечно, можно было бы взять, но грозди вырастают маленькие. И «шави» не годится. Хотя лоза и хорошо растет, да вино получается плохое. А что скажет гость, когда ему поднесут плохое вино? Скажет — плохой дом, плохой хозяин, плохая хозяйка. Вот что он скажет. Нет, уж лучше «цоликаури».хлопот с ним, конечно, много. Зато гость будет доволен.

Кстати, о госте. Надо заранее подумать, где он будет спать? Необходимо построить удобный дом, чтобы ничто не беспокоило гостя и детей. Наш дом будет с подвалом. С каменным подвалом и с балконом. А по балкону будет виться виноград с широкими зелеными листьями. Потолок мы сделаем высокий, чтобы комнаты были светлые. Ах, какой это будет дом!

— Слышишь, Сисо, не забудь, пожалуйста, про печь! Я тебе уже не раз говорила про печь, но ты не заботишься об этом. А печь в доме — главное. Я хочу, чтобы был камин. Когда в нем будут гореть дрова, в комнате станет весело-весело. О дровах, Сисо, тоже надо позаботиться заранее. Я думаю, расколотые поленья граба очень хороши для камина.

— Ясень и акация — тоже неплохо, — добавляю я.

— Что ты говоришь, Сисо, — вспыхивает она. — Ты совершенно не думаешь о детях. Ведь ты же знаешь, акация стреляет искрами. А если искра попадет в ребенка?!

О, я безмозглый чурбан! Я мог погубить ребенка искрой от акации!

— Я выброшу всю акацию, напиленную на дрова, — решительно заявляю я, — и никогда, слышишь, никогда в нашем доме не будет акации.

Теона рада. Я тоже рад. Все обошлось благополучно. Наш ребенок спасен. У него будут целы уши, нос и смешливые, очень смешливые глаза. Такие же смешливые, радостные, какие сейчас у Теоны. Кроме того, у него будут длинные, густые ресницы. И волосы чуть кучерявые, чтобы не было больно головке, когда начнут их расчесывать гребешком.

Теона смотрит на меня и добавляет, что у него, у нашего первого малыша, будет нос с горбинкой. И главное — шея подлиннее, и если он будет повыше ростом, тоже неплохо.

Потом у нас будет девочка, потом опять мальчик или девочка, это уже все равно, кто будет потом...

Тускнеет день, с гор надвигается темнота, за вершинами, за дальней далью тихо догорает заря. Мы сидим на пригорке. Нам видно далеко-далеко вокруг.

— Сисо, — почти шепотом говорит Теона, — мальчика мы назовем Паата, — и совсем тихо добавляет — Патиго, Пата, Пати...

— А как девочку?

— Девочку? Девочку — Хатуна.

— Хатуна — хорошо, — соглашаюсь я, — но Тамара, Кетеван или Русудан еще лучше.

Теона даже подпрыгивает от восторга и хлопает в ладоши.

— Русудан, Русико, Русудан, Русико, ой, как хорошо!

В небе проносится спугнутая птица. По дороге идут колхозники. Они возвращаются с работы.

В селении загораются огни. Начинают дымить трубы. Дым тянется к горам и сползает в ущелье. Слышатся резкие удары: трах, тах, тра-та-та. Это ребяташки перед тем, как начать купаться, забавляются, барабана по тазам. Неугомонные ребяташки! Под ноги проходим выкапываются собаки и быстро ныряют обратно в дыры плетня. В чьем-то дворе требовательно и капризно визжит свинья.

Взявшись за руки, мы медленно идем в село. Благодатный покой кругом, но в селе еще бурлит жизнь.

— Тако, Тако, — зовет засидевшуюся в гостях дочь обеспокоенная мать. И не дозвавшись, кричит: — Чтоб тебе не вырасти!

— И куда ты запропастился, негодный мальчишка? Ну, погоди, я надеру тебе уши! — слышится из другого двора.

— Ивлиане, когда ты выйдешь во двор и поможешь мне управиться с этой горластой свиньей? — доносится из третьего.

— Что ты шумишь, баба, ну, что ты шумишь? — ворчит ленивый Ивлиане.

— Она разнесла ворота, эта свинья, потому что руки твои не умеют ничего делать прочно.

— Эй, парень, ослеп ты что ли, — теленок высосет все молоко и убежит!

«Парень», которому лет девять, изо всех сил тянет веревку, но теленок все-таки пересиливает его и ухватывает губами сосок. Он торопливо и вкусно причмокивает.

— И зачем только ты родился? — ворчит женщина, отгоняя теленка, и начинает доить корову.

Кувшин глиняный, и мы слышим, как звонко ударяются тугие струи молока о стенки кувшина, звон их постепенно затихает, переходит в журчанье. Мы даже видим, как глава семьи Ивлиане выжидающе не сводит глаз с жены, занятой делом. Дети уже перестали колотить в дно таза, перевернули его и моют сбитые за день ноги, опуская их в воду — сначала нерешительно, а потом смелее.

В селе наступило время ужина. Не слышно говора. У открытых дверей сидят собаки и чего-то ждут.

До нас доносится запах горячего мчади и зеленой фасоли. Журчит, выливаясь из узкого горлышка кувшина, вино.

Ужинают люди труда.

Дети отправляются спать. Но они

еще успевают ущипнуть друг друга, — «Убери ногу!» Потом ступню о ступню, обсушивая ноги перед тем, как нырнуть в чистую постель, и мгновенно затихают — угомонились.

Ивлиане, не спеша снимает рубашку и, заглядывая в кухню, где хозяйка заканчивает дела, ворчит:

— Пошевеливайся...

Она домыла посуду, вытерла руки.

Погас свет. Тишина. Нескончаемая тишина. Даже шелест деревьев замирает. Изредка взвывает собака. С реки донесется приглушенный шум мельницы, в лесной чаще прокричит сова.

Семья погружается в сон.

Мир и покой вам, семьи!

МУДРОСТЬ ЖИЗНИ

И вот настает весна нашей жизни. Свадьбы мы не справляли. Просто собрались родные да несколько друзей, выпили вина, пожелали нам счастья, спели песни и ушли.

Надо было идти на отведенный нам участок и закладывать фундамент будущего дома. Участок наш на окраине села, возле пригорка. За пригорком овраг, здесь протекает ручей. Проселочная дорога огибает участок. Налево новый дом, а направо — никем еще необжитый пустырь.

Меня не пугает пустырь. И Теону тоже. Мы начали расчищать участок от сорной травы и камней. Подошел сосед, улыбнулся, как старым друзьям, и сказал:

— А-а, пришли. Ну, здравствуйте, коли пришли.

— Как видите, пришли. Здравствуйте!

Сосед задумчиво протянул:

— Да-а, такова жизнь.

Показалась и жена соседа. Она поправила на голове платок и тоже улыбнулась, потом спросила мужа так, чтобы слышали и мы:

— Пришли?

— Пришли.

Шлепая босыми ногами, прибежал малыш и остановился, нерешительно глядя на нас.

— Подойди, подойди, родненький, — подтолкнула его к нам мать, — подойди и поздоровайся — это наши соседи.

Я заострил топором первый кол и принялся вбивать его в твердую, неподатливую землю. Теона попросила у соседей кувшин, принесла воды и налила в ямку. В мокрую землю кол уходил легче.

— Так, — одобрил сосед, — забивайте кол крепче, в этом мудрость жизни.

Я и сам знаю, что первый кол должен стоять крепко. Иначе он расшатается и упадет. А если упадет этот кол, упадут и другие, рухнет вся ограда. Соседской свинье только и нужно, чтобы колья у нас расшатались.

Сосед, помогая нам советами, показывает на свой дом, фруктовые деревья, огород, виноградник и говорит:

— Здесь тоже был пустырь. — И, напевая, приносит лом, опускает плетень, делает ступеньки с нашей стороны, чтобы мы приходили к нему в гости, и кивает одобрительно головой: такова жизнь, друзья мои.

Прошли дни. Мы уже сделали ограду. Посадили деревья. Хотя сад у соседа очень и очень молодой, он отдал нам три лимонных и два персиковых саженца.

Мы перекопали весь двор — сею траву койндар, готовим землю под виноградник, закладываем фундамент будущего дома, таскаем тяже-

лые камни. Мы очень устаем. Сосед улыбается.

— Ничего, ничего, — так начинается жизнь.

А я уже посматриваю на пустырь, что по соседству с нашим двором. Туда скоро придет новый сосед и заложит фундамент. Я осажу для него ограду, сделаю ступеньки, и у меня тоже окажется несколько лишних саженцев. И когда он будет вбивать первый кол, я улыбнусь и скажу:

— Забивай крепче — в этом мудрость жизни.

БУДНИ

Тысяча дел в доме. Тысяча мелких, нескончаемых дел. Они ждут, когда мы вернемся с колхозного поля. Мы устаем, очень устаем. Вечером нас рано одолевает сон, и мы засыпаем с книгой в руках, недочитанные утром газеты лежат на столе. Тысяча дел в доме. Но надо хорошо работать и на колхозном поле. Мы — молодые.

Будни, наполненные трудом. Короткие дни и совсем короткие ночи. Жизнь состоит из будней, а будни не бывают без трудностей.

И в тот прохладный вечер я, как только добрался до подушки, мгновенно заснул.

— Сисо! — услышал я сквозь сон, — Сисо, родной... — голос жены был очень взволнованным и будто что-то билось и трепетало в ее горле.

— Что случилось, моя жизнь?

— Сисо, — шепчет Теона, и я никак не пойму, плачет она или смеется: — Сисо!..

— Ты видела плохой сон? Тебе что-то померещилось?

— Нет, Сисо, нет...

— Теона, что с тобой? — Я зажег свет.

— Не нужно, прошу тебя, не нужно. — И опять то ли смеется, то ли плачет — не понять. — Он шевельнулся, Сисо!

— Кто шевельнулся? Земля шевельнулась? Дом шевельнулся?

— Ложись, я скажу, — ласково шепчет она мне на ухо, и я догадываюсь, в чем дело.

— Тео! Почему ты до сих пор?..

— Ложись...

Но я не могу лежать! Я хочу зажечь свет, открыть окно и закричать:

— Э-эй, люди! Соседи! Деревня! Народ! В моем доме шевельнулась жизнь. Да, да, вот здесь, под моей маленькой крышей, уже бьется и дышит новая жизнь!..

Сон пропал. Усталость прошла. Но я затихаю, я смиряю себя, чтобы услышать, как он шевелится, как он будет дышать. Смиряю и не могу смирить. Что-то во мне рвется наружу, не дает сидеть, не дает лежать спокойно.

— Сисо, — тихо говорит моя жена, — Сисо, ты не волнуйся и спи. Завтра нас ждет работа.

Ночь тянется. Завтра нас ждет работа. Теона дышит спокойно и глубоко. Я слышу это дыхание. Я вижу, как вздымается и опускается ее грудь, мне кажется, я слышу дыхание двух людей. Рядом со мной спит новая женщина, незнакомая мне Теона — мать, носительница жизни. Незнакомая и в то же время знакомая, близкая, родная.

Что же это такое?!

Я не могу спать. Я осторожно встаю, на цыпочках подхожу к окну, открываю его.

На небе много звезд. Я хочу сосчитать их. Которая наша? Которая из них его? Может, вон та, что мерцает на краю небосклона, а может, вот эта, которая сияет над нашей крышей так, что на нее больно смотреть. Ну конечно же, эта! Она — самая яркая. А я до сих пор ее не видел!

Кошка, услышав мои шаги, скребется в дверь.

— Брысь! — сержусь я, — Брысь, негодная! Ты спугнешь их сон!

Я выхожу на балкон. Веет прохладой. Хорошо бы пройти по росистой траве. Но мне нельзя уходить из дому! Нельзя!

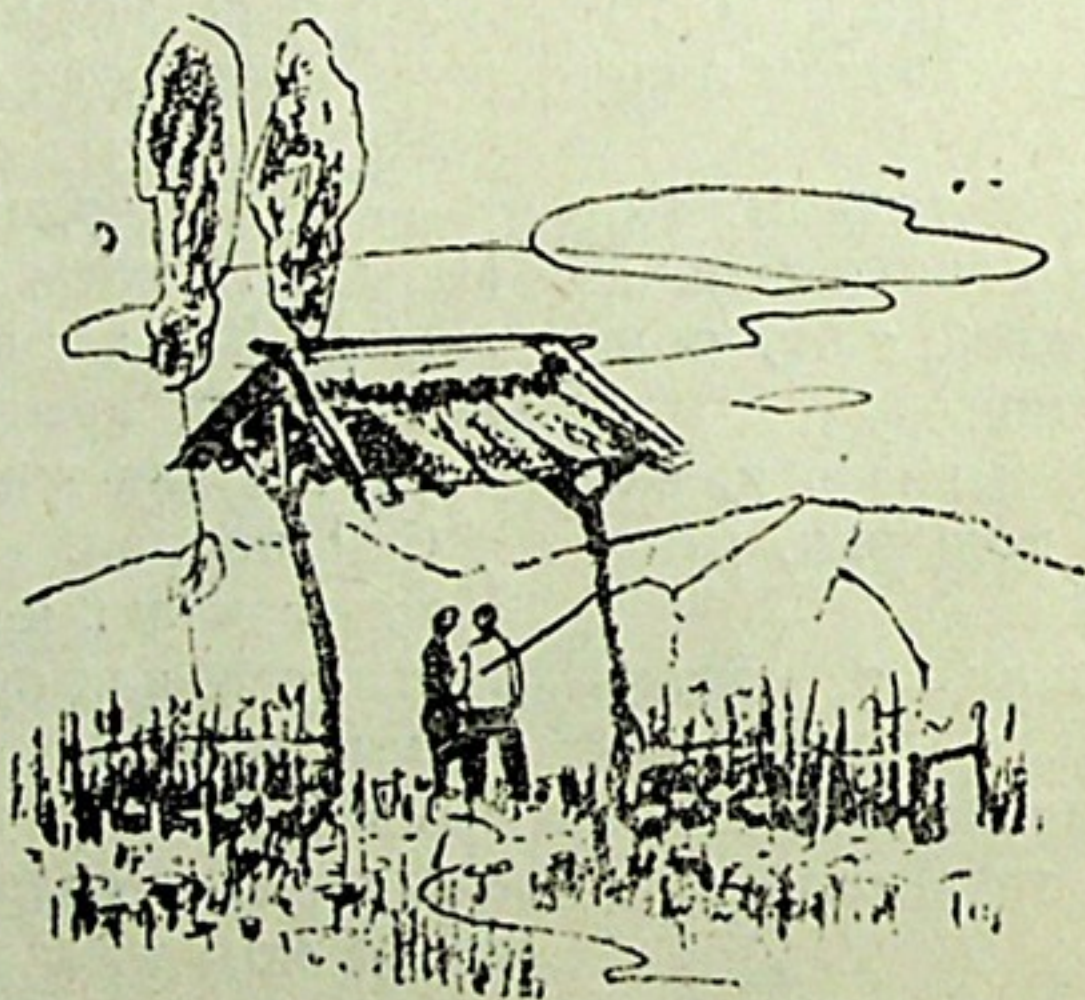
Кошка путается в ногах. Я беру ее на руки, глажу и говорю:

— Писо, ты умная кошка. И тебе не скребись, пожалуйста, в дверь. Можешь ты одну ночь поспать где-нибудь в амбаре? Тебе холодно? Тогда забейся в копну сена. Только тихо, Писо, пожалуйста, тихо. Скоро он будет с тобой играть. Я привяжу за веревочку бумажку, и он будет с тобой играть. Но веди себя хорошо.

Соседская собака услышала мой голос, метнулась к забору, залаяла.

— Мура, ты с ума сошла! Что ты делаешь? Там, в комнате, отдыхает человек, два человека, а ты... Нет, ты ничего не понимаешь. Тихо, говорю! Убирайся в тот конец двора и лай там сколько угодно, хоть всю ночь, а здесь не смей. Здесь растет новая жизнь. Она не любит лая. Жизнь любит спокойствие. Уходи!..

Неслышно, на цыпочках, над миром, над селом, над нашим домом проходит ночь.

Продолжая знакомить читателей с творчеством русских поэтов, тесной творческой дружбой связанных с грузинской литературой, редакция публикует цикл стихотворений Бориса Слуцкого и два перевода его из поэзии Реваза Маргиани.

Борис Слуцкий

ЧЕЛОВЕК

То не станция Бологое —
Полпути от Москвы к Ленинграду.
У людей положенье другое —
Полпути от пустыни к саду.

Полдороги от тесного мира,
Что зовется атом и клетка,
До бескрайнего мира, где сирот,
Безвоздушно, мглисто и редко.

Человек — такой перекресток,
То простое и непростое,
Где пароль, рожденный на звездах,
Отзовется немедля в протоне.

Очень слабый. Сильнее сильных.
Очень малый. Очень великий.
Нет, недаром в глазах его синих
Отразились звездные лики.

* * *

Поэзия — не мертвый столб.
Поэзия — живое древо,
А кроме того, — чистый стол,
А кроме того, — окна слева.
Чтоб слева падал белый свет
И серый, темный, вечеровый, —
Закаты, полдень и рассвет,
Когда, смятен и очарован,
Я древо чудное ращу
И кроной небу угрожаю,
И скудную свою пращу
Далеким камнем заряжаю.

Ночной снегопад еще не примят
 Утренней тропкой—до электрички.
 Сотрясая мост через речку,
 Редкие поезда гремят.
 Белым бело не от солнца — от
 снега.
 Светло не от утра — светло от
 луны.
 И жизнь предо мной — раскрытая
 книга
 В читальном зале земной тишины.

И сорок лет,
 те, что прощали,
 И те года, что еще придут,
 Летят поземкой вдоль земли,
 Покуда бредешь, ветерком продут.
 Не хочется отдыха и ночлега
 А только — шагать вдоль тишины,
 Покуда бело не от солнца — от
 снега.
 Светло не ст утра—светло от луны.

ИВАНЫ

Рассказывают,
 что вино развязывает
 Завязанные насмерть языки,
 Но вот вам факт,
 как, виду не показывая,
 Молчали на допросе мужики.
 Им водкой даровою
 в душу
 лезут ли,
 Им пыtkою ли
 пятки горячат —
 Стоят они —
 молчат они —
 железные!
 Лежат они —
 болезные!
 Молчат.
 Не выдали они
 того, что ведали,
 Не продали
 врагам родной земли

Солдатского пайка военных
 сведений,
 Той малости,
 что выдать бы могли.
 И трижды обозвав солдат
 Иванами,
 Четырежды
 им скулы расклевав,
 Их — полумертвыми
 и полупьяными
 Поволокли —
 приканчивать—
 в подвал.
 Зато теперь,
 героям — в награжденье,
 Иных имен
 отвергнувши права,
 Иваном называет при рождении
 Каждого четвертого
 Москва.

* * *

Хорошо, когда хулят и хвалят,
 Превозносят или наземь валят,
 Хорошо стыдиться и гордиться
 И на что-нибудь годиться.
 Не хочу быть вычеркнутым словом
 В телеграмме — (без него дойдет!)
 А хочу быть вытянутым ломом,
 В будущее продолбившим ход.

Реваз Маргиани

ПОЧЕМУ-ТО ПРИПОМНИЛОСЬ

Жизнелюбцы всегда ненавидят беду.
Не люблю я печаль,
И с тоской не в ладу.
Знаю цену тоске и печали —
Пули волосы мне опаляли.

Да, стреляли в меня — и не раз, и не два.
Выбивали меня из окопа — не выбили.
И от вздохов моих колыхалась трава:
Только пядь
Отделяла меня от гибели.

Благодарный судьбе, я лежал на спине,
Сквозь клубящийся дым
Видел солнце огромное.
И полнеба пылало
В закатном огне,
Словно уголь в печи,
Докрасна раскаленное.

Это было и сплыло,
А сегодня в Берлине
Почему-то припомнилось:
Пулеметный огонь.
Я дышу тяжело
Над окопом
Горячее солнце приподнялось.

В ДНИ ЖАТВЫ

Высоко встало солнце в небе, —
Наверно, осень карауля.
Как поздно жнут!
Как будто — в Геби,
В Нахуралеши
И в Унгули.

Все поле
Песней заливает,
Захлестывает тонкий голос.
Без песен — жатвы не бывает,
Не срежут ни единый колос.

Сверкают золотом окрестности.
А, может быть,
И в этой местности,
Как в Грузии,
Шабашат в полдень
И девушки приносят полдник.

А может, на краю селенья
Покажется плечо с корзиной...
И внял господь моим молениям
И Гретхен
Встала пред грузином.

Я говорю, что девой солнца
Ее бы в Грузии назвали.
Она стоит.
Она смеется.
Она не ведает печали.

Она зовет домой. И дома,
Покуда стол она накрыла —
Воспламенила, как солому,
И, как ракета, — ослепила.

Лучи в глазах ее сверкнули,
На миг затмив и солнце в небе.
Мне чудилось, что я — в Ушгули
В Нахуралеши
Или в Геби.

Перевод с грузинского Б. Слуцкого

Михаил Джавахишвили

Судьба женщины

Р О М А Н

Перевод с грузинского
Э. Ананишвили

Рис. И. Гурро

I

Само небо взбунтовалось в этот день: внезапно замутилось, забурлило, обрушилось, грохоча, с Мтацминды и разъяренным косматым чудовищем набросилось на трехэтажный дом Андро Ахатнели — дом номер семь по крутой улице, сбегавшей с горы Давида.

Хвостатый вихрь подмел улицу, поднял, закружил столб пыли и мусора, потом остановился на мгновение, словно раздумывая, на какой из домов накинуться, даже чуть-чуть отступил, как бычок, переминающийся с ноги на ногу перед схваткой... И вдруг, зарывав, ринулся вперед, ударился с разбега о старинный фасад седьмого номера,

обдал его мусором — словно вlepил сочный плевок, — со стуком захлопнул растворенное окно, с треском распахнул рядом другое, закрытое, ворвался внутрь, подхватил в верхнем этаже какой-то белый клочок, выскочил с добычей на улицу и, перемахнув через низенький соседний дом, забился в укромный угол, затих, притаился в засаде...

Кето вскочила и, прижав ладонью ворох бумаг на столе, попыталась поймать улетевшую страничку. Но легкий листок скользнул у нее между пальцев, перелетел через подоконник и, подхваченный вихрем, улетел куда-то, кувыркаясь и кружась...

Девушка высунулась из окна. Бумажки нигде не было видно.

Вдруг откуда-то из укрытия выскочило другое свирепое чудовище, прыгнуло на Кето, вцепилось в густую копну ее черных волос и стало яростно ворошить и трепать их. Кето поспешно захлопнула окно, под-

бежала к зеркальному шкафу и принялась поправлять свою затейливую японскую прическу.

В зеркале отражалась стройная, высокая девушка, одетая в простое голубое платье с отделкой из тончайшего брюссельского кружева, легкой пеной окружавшего ее шею и запястья и топорщившегося складками жабо пониже воротника. Тоненькая золотая цепочка, сбегавшая с шеи, исчезала в кармашке на левой стороне корсажа, там, где, прильнув к девичьей груди, приютились осыпанные бриллиантами часики. Девушка в зеркале дружески улыбнулась Кето, шаловливо подмигнула ей и отвесила церемонный поклон.

Кето одобрила в этой девушке все: продолговатое лицо с нежной, чуть смуглой кожей, алые, полные губы, сверкающий ряд белых зубов, открывавшийся в кокетливой улыбке, большие глаза, опущенные густыми ресницами, переливчатый блеск темных зрачков, брови вразлет, похожие на развернутые крылья ласточки, тонкий нос с чуть заметной горбинкой, чистый, без единой складки, лоб и густые волосы цвета вороньего крыла, гладко зачесанные спереди, а на затылке искусно собранные в высокий шиньон, скрепленный большим золоченым черепаховым гребнем.

В эту черную шелковистую массу была как бы вплетена серебристая тесьма, белая прядь в палец толщиной, протянувшаяся от лба до самого затылка. Это была игра природы — особенность, унаследованная Кето от покойной бабушки и отличавшая ее от тысяч и тысяч других женщин. Девушка обожала эту свою седую прядь, берегла и лелеяла каждый ее волосок и, причесываясь, подбирала их один к другому, чтобы как можно ярче выделить эффектную полосу.

Но больше всего понравились Кето руки девушки в зеркале — узкие, с длинными тонкими пальцами. Два кольца, одно с рубином, другое с изумрудом, лучились на них, словно жучки с зелеными и красными крылышками, прильнувшие к нежной коже.

К маленьким ушам девушки на тоненьких, почти невидимых золотых цепочках были подвешены два бриллианта, похожие на застывшие в воздухе блестящие слезинки. Гибкая платиновая змейка, обвивавшаяся вокруг ее запястья, словно глядела ей в лицо бирюзовыми глазами...

Немало есть еще у Кето драгоценных украшений, подаренных родителями или братьями, но она пока не носит их — не пристало молоденькой незамужней девушке чересчур роскошно наряжаться.

Сегодня день рождения Кето — ей исполняется двадцать лет. К обеду будут гости. Но с них достаточно и этого платья, скромного и изящного, которое останется только украсить цветком. Кето выхватила из пышного букета темно-красную розу и приколотла ее к груди. Этот последний штрих придал совершенство картине: самые редкостные драгоценности показались бы теперь на Кето лишними, ненужными...

Кетеван еще немного покрасовалась перед зеркалом, еще раз таинственно и чарующе улыбнулась своему отражению, потом снова подошла к маленькому бюро-секретеру и раскрыла какой-то толстый том философского содержания. Книга была набита до отказа всяческими «измами», и многое в ней было непонятно девушке. Поэтому она выписывала на отдельном листке незнакомые слова, чтобы потом справиться об их значении у руководителя группы. Листок, только что похищенный вихрем, был заполнен такого рода вопросами. Правда, тут же на столе лежал словарь иностранных слов, но объяснения,

приведенные в нем, были коротки и туманны, и в свою очередь требовали разъяснений.

Вслед за промчавшимся вихрем хлынул гремучий проливной дождь — прошумел и быстро перестал. Кето надоело читать непонятную книгу. В ее красивой голове роились загадочные слова: «монизм... идеализм... дедукция... индукция... материализм». Наконец она решила предпочесть всем этим «измам» освеженный грозой воздух и стихи Шелли. Взяв со стола маленький томик, она распахнула настежь окно, уселась на подоконнике, раскрыла книжку и сразу наткнулась на свою любимую «Мимозу». С удовольствием пробежала она глазами стихотворение, которое знала почти наизусть, и, как всегда, слегка им взволнованная, откинула голову, устремила в небо рассеянный взгляд...

Там, в небе, по-прежнему царили смута и переполох. Тучи словно состязались в беге. Они куда-то мчались, как перепуганное стадо, спасающееся от хищника; теснясь, сталкиваясь, сцепляясь и разбегаясь, они преследовали друг друга, настигали, рвали на части, взрывались и бесследно исчезали... Вон плывет в стороне, в одиночестве, белая мраморная башня. На нее взгромоздился лебедь с горделиво изогнутой шеей. Их преследует черный дракон с разверстой пастью. Сейчас нагонит... Вот нагнал, рванулся вперед, разрушил башню, проглотил лебедя... И сам рухнул, взорвался, растаял...

Сухой треск выстрела внезапно вывел Кето из задумчивости. Она вздрогнула. За первым выстрелом последовало подряд три других. Девушка высунулась из окна и увидела: сверху, с горы, бежит по улице человек; в руках у него револьвер. Вот он обернулся, укрывшись в одном из подъездов, выстрелил в своих преследователей и побежал дальше.

Солдаты гнались за ним короткими перебежками, прячась то за стволами деревьев, то в подворотнях. Предводительствовал ими офицер. Вот он остановился и пустил вслед убегающему две пули подряд.

Неизвестный бежал зигзагами. Под самым окном Кето он еще раз обернулся, спрятавшись под аркой ворот, трижды разрядил револьвер, заставил преследователей попятаться кто куда и исчез.

— Какая я дура! — сообразила вдруг Кето и отскочила от окна. — Пуля ведь слепа, не разбирает правых и виноватых!

Внезапно на лестнице послышались быстрые шаги. Кто-то взбегает наверх, трезвонит, обрывая колокольчик, взволнованно колотит в дверь.

Кето кинулась со всех ног через пустые комнаты и открыла неожиданному гостю.

Какой-то незнакомый Кето молодой человек быстро протиснулся в дверь и тут же закрыл ее за собой. Он был бледен и задыхался.

— Сударыня, — сказал он срывающимся голосом, — не пугайтесь! Я не вор и не разбойник. Я революционер. Убежал от жандармов. За мною гонятся солдаты. Если поймают — не миновать мне виселицы... Спрячьте меня, если можете!

Кето растерялась.

— Я сама — сторонница революции. Я... — залепетала она сбивчиво.

— Значит, мне повезло!

— Я где-то вас видела...

— Сейчас не время об этом!

— Напомните мне хоть вашу фамилию.

— Зачем? Слышите — они уже на лестнице. Скорей!

— Ступайте за мной!

Кето круто повернулась, промчалась через гостиную, вбежала в свою маленькую комнатку, рванула дверцу зеркального шкафа и сказала незнакомцу, следовавшему за нею спокойным, почти медленным шагом:

— Скорей сюда! Спрячьтесь среди платьев.

Не дожидаясь ответа, она побежала назад, в переднюю, откуда уже доносился звон колокольчика. Девушка открыла дверь и застыла в изумлении: перед нею на лестничной площадке стоял хороший ее знакомый, поручик Сандро Климиашвили, в полной военной форме. За спиной у него вытянулись в струнку шестеро солдат с ружьями и унтер-офицер. Поручик улыбнулся девушке и отдал ей честь по-военному.

— Прошу прощения. Разрешите войти?

— Пожалуйста. В чем дело?

— Мы ищем убежавшего преступника. Кажется, он вошел сюда.

— Здесь никого не было!

— Как нет, вот его следы! — вмешался один из солдат, указывая на пол, где виднелся отпечаток мокрой подошвы.

— Молчать! Не твое дело! — прикрикнул на него поручик и снова улыбнулся девушке: — Разрешите мне исполнить свой долг.

— Исполняйте! — ответила шепотом сконфуженная Кето, и посторонилась, пропуская офицера и солдат.

В галерее и в кабинете отца Кето никого не обнаружили. В гостиной, пол которой был застлан толстым, пушистым ковром, следы пропали. Пока солдаты, держа ружья на изготовку, шарили в зале, заглядывая под столы и диваны, Сандро толкнул дверь в комнату Кето и застыл на пороге. Девушка глянула через его плечо и в ужасе прислонилась к дверному косяку: незнакомец стоял с револьвером в руке возле ее стола, устремив на офицера горящий взгляд.

«Боже мой! Сейчас они будут стрелять!» — и Кето невольно отскочила в сторону, подальше от двери и от Климиашвили.

Но Сандро не поднял револьвера и не позвал солдат. Он спокойно закрыл дверь, повернулся и проговорил как бы про себя, но достаточно громко, чтобы было слышно его подчиненным:

— И здесь никого.

Обыскали и остальные три комнаты. Сандро расхаживал с задумчивым видом по квартире, покручивая короткие усы, и время от времени бесстрастно бросал солдатам:

— Загляните сюда... Откройте вон ту дверь! Будьте осторожны!

Поручик не раз бывал раньше в этой квартире, и не пропустил ни одного закоулка — заставил солдат обшарить каждый угол, перетряхнуть все в доме. Когда солдаты прошли на кухню, он наконец вспомнил о Кето и сказал ей, глядя в сторону, как бы чего-то стыдясь:

— Вы не боитесь оставаться вот так, одна?

Девушка чувствовала себя в самом деле пристыженной и тоже отводила взгляд.

— Нет, я не боюсь одиночества... Даже люблю... Впрочем, наши скоро вернутся. Кстати, сегодня мой день рождения...

— Да, да, я помню об этом.

— Надеюсь, вы придете к обеду?

— Непременно! Не знаю только, когда освобожусь — сегодня я командую патрулем...

Четыре солдата полезли на чердак.

Пожилой дворник торопливо поднимался по лестнице. Он вырядился по всей форме — белый передник, огромная, как блюдо, бляха на

грудь и суковатая палка под мышкой. Унтер-офицер накинулся на него и стал распекать:

— Где ты шляешься? В доме спрятался бунтовщик, а ты и в ус себе не дуешь!

Дворник оправдывался, бормоча и заикаясь. Он добросовестно исполняет свои обязанности: вовремя подметает двор и улицу, держит ворота на запоре. Когда в городе бунтуют — он на улице и вместе с полицейскими защищает порядок вот этой палкой. А если в доме происходит что-нибудь подозрительное, он тотчас же ставит в известность полицию.

Солдаты, обыскивавшие чердак, вернулись оттуда ни с чем и ожидающе глядели на свое начальство.

Кето читала в их взглядах подозрение, и ей было не по себе. В самом деле, следы вели сюда, в эту квартиру. Должен же был кто-то впустить беглеца?

— Дверь была открыта. Но я не видела никого, — нарочно по-русски сказала она Сандро. — Я сидела в своей комнате, читала книгу, и ничего не слыхала.

— Да, да. Должно быть, он незаметно пробрался через эти комнаты и... Что там за лестница? — спросил поручик.

Климиашвили собирался обыскать весь дом сверху донизу, чтобы выполнить хотя бы формально свою обязанность, но ему было жаль напрасной траты времени и труда. Неожиданно на помощь ему пришел унтер-офицер.

— Ваше благородие, — сказал он, — бунтовщик, наверно, спустился вот этим ходом во двор, потом вон по той лестнице перебрался через стену и убежал. Ушел треклятый, меж пальцев у нас проскочил!

Да, да, конечно именно так — дворы соседних домов разделены высокой стеной, и с этой стороны к стене приставлена лестница. Солдаты поддержали унтер-офицера:

— Правильно. Так. Убежал. Выскочил.

Климиашвили только этого и было нужно. Оставалось признать правоту своих подчиненных и уйти из этого дома. Но он не успел выразить свое согласие. Где-то поблизости раздался оглушительный грохот — словно ударила молния.

— Опять бомба, — сказала Кето.

— Да, опять, — Сандро торопливо направился к двери, бросив солдатам: — За мной!

Солдаты вышли быстрым шагом, оставив в комнатах грязные следы и тяжелый запах смазанных сапог.

Дворник поплелся за ними с недоумевающим видом: дважды за сегодняшнее утро он убирал эту лестницу — и оба раза кто-то снова приставил ее к стене. На его попечении три дома, живет он в третьем, самом дальнем — где у него столько времени и сил, чтобы по десять раз на дню обходить каждый двор?

Кето глядела на улицу из окна гостиной до тех пор, пока патруль не скрылся за углом. Лишь после этого она вошла в свою комнату и сказала незнакомцу, сидевшему у ее стола и спокойно перелистывавшему какую-то книжку:

— Ушли. Опасность миновала. Слышали взрыв бомбы?

Гость встал. Револьвер он успел спрятать — вместо револьвера теперь в руке у него была книга. Он улыбнулся девушке:

— Слышал. Что, испугались?

— Чего мне бояться? Я привыкла.

— Этот офицер ваш родственник? — спросил гость.

— Нет, только хороший знакомый. Его зовут Сандро Климнашвили.

Незнакомец насторожился. Девушка заметила это и сказала, отвечая на его невольное движение:

— Удивляетесь, почему Сандро не приказал вас схватить? Он просто щадил меня: ведь я тоже оказалась бы замешанной в дело!... Отпустив вас, он спас нас обоих.

— Что это за Климнашвили? Не брат ли пристава, убитого недавно в стычке при разгоне демонстрации?

— Он самый, — подтвердила Кето. — А вы разве знали несчастного?

— Откуда мне было его знать? — ответил неизвестный после минутного колебания.

— Мало ли откуда, — усмехнулась Кето.

— Правда, я борюсь за свободу, но еще никогда не убивал человека!

— Я и не обвиняю вас.

— Так или иначе, — сказал гость, — я не забуду того, что вы и этот офицер сделали для меня. Постараюсь при случае отплатить добром за добро. Скажите мне, как вас зовут!

— Я — Кетеван Ахатнели. А как ваше имя?

Гость обошел молчанием ее вопрос.

— Не родня ли вам Мариам Ахатнели?

— Это моя мать. А отца моего зовут Андро.

— В самом деле? Андро Ахатнели я знаю, хоть и издалека. Ваш отец и ваша мать — известные люди, общественные деятели... Я работал вместе с Мариам в Народном доме... обстоятельства заставили меня бросить это дело. У вас, если не ошибаюсь, три брата. Их я тоже знаю, хотя не со всеми знаком лично. Оставались только вы — вот я и с вами познакомился.

— Очень необычное и интересное получилось знакомство, — сказала Кето. — Наши с минуты на минуту вернутся, и я им расскажу всю эту историю. Наверно, они вас тоже помнят. Но я так и не знаю вашей фамилии!

Гость, однако, и на этот раз не пожелал назвать себя.

— Лучше никому не рассказывайте, как было дело, — посоветовал он девушке. — Мне ваша откровенность не причинит вреда, но на себя можете навлечь большие неприятности. Поверьте моей опытности — никому ни слова о том, что вы меня спрятали.

— Хорошо, послушаюсь вас, буду молчать. Но расскажите мне, как вы провели эти ужасные полчаса?

— Пока солдаты искали меня, я перелистывал ваши книги. У вас, оказывается, есть марксистская литература. И кто-то даже делал пометки на полях.

Девушка изумленно взглянула на гостя.

— И вы могли в такую минуту этим заниматься?

Гость улыбнулся. В иссиня-черной чаще бороды и усов блеснули белые зубы.

— Отчего же нет? Было свободное время — вот я его и использовал! Ваша комната крайняя, солдаты сюда уже не могли ворваться.

— А если бы все же вошли?

— Ну, тогда, наверное, пришлось бы оставить книги. — Незнакомец улыбнулся еще шире и добавил: — Однако, пора и честь знать. Визит мой затянулся. Я причинил вам много беспокойства. Простите меня, прошу вас.

— Еще одна минута... Скажите, почему вы не спрятались в шкафу?

— Почему я не спрятался в шкафу? — переспросил с улыбкой неизвестный. — Разумеется, очень приятно было бы укрыться среди ваших платьев, но что проку? Меня извлекли бы оттуда, да еще подняли бы на смех. Хорошо, что они так скоро убрались!

«Не захотел унизиться! Храбрый!» — подумала девушка, а вслух сказала:

— Это они из-за бомбы ушли, а то, пожалуй, обшарили бы весь дом сверху донизу.

— Значит, бомба взорвалась на мое счастье.

— Какой ужас! Сколько людей погибает!

Незнакомец снова улыбнулся.

— Вы меня еще не знаете, — обиделась Кето. — Думаете, раз я женщина, то сердце во мне трусливое? Я жажду принести хоть какую-нибудь пользу делу революции.

— Вот за это хвалю! Значит, вы и в самом деле наша сторонница! Что ж, надеюсь, если вам когда-нибудь напомнят эти ваши слова, то вы не пойдете на попятный?

— Разумеется, нет!

— Смотрите, не забывайте! А теперь до свидания.

— Еще минутку, — остановила его Кето. — Я выгляну на улицу, проверю, нет ли там шпика.

— Не тревожьтесь! Жандармы или полицейские непременно оставили бы человека для слежки, а военный патруль не станет себя этим утруждать.

— Вам, конечно, лучше знать, а все-таки... осторожность никогда не мешает...

Кето высунулась в окно, внимательно оглядела улицу и повернулась к гостю.

— Ничего подозрительного. Улица почти пуста.

Взгляды неизвестного и девушки снова скрестились. Кето не выдержала и отвела глаза. И все же она видела, чувствовала на себе острый, неотвязный, обжигавший ее взгляд. Дрожь — приятная и пугающая в одно и то же время — горячей волной пробежала по ее телу. О, конечно, мужские взгляды — восхищенные, испытывающие, оценивающие — не были новостью для Кето, она не раз ощущала их на себе. Подростком она пугалась этих взглядов, позднее — стыдилась, а в последнее время принимала их с приятным чувством гордости и удовлетворения. Но сегодня к этому чувству примешались стыд и какой-то непонятный страх...

Девушка еще раз взглянула на молодого человека и поняла причину своего испуга: широко расставленные, черные, холодные глаза незнакомца, его крепко сжатый, сильный рот и чуть подрагивающие ноздри выражали какую-то неумную жажду и огромную силу воли, — суровую, покоряющую и неодолимую. Луч этих глаз упирался прямо в грудь Кето, как острое клинка, но в глубине их девушка читала совсем иную заботу...

— Вам, наверно, нравится эта роза, — с трудом переводя дыхание, проговорила наконец девушка и схватилась за цветок, алевший на ее корсаже, словно язычок пламени.

Выражение лица незнакомца вдруг изменилось: он вышел из своей сосредоточенной задумчивости, взгляд его потеплел.

— Да, роза очень хороша... И эта белая прядь вам удивительно к лицу, — ответил он.

Кето отколола цветок и протянула его гостю. Незнакомец взял розу, понюхал ее...

— Итак, до свидания, прекрасная Кетеван. О вашем поступке я не забуду до самой смерти. Быть может, и вы запомните меня... Надеюсь, запомните. Еще раз спасибо... Большое спасибо. Прощайте.

Незнакомец задержался на мгновение в гостиной, повернул было налево, чтобы, пройдя через столовую, спуститься во двор, но потом передумал — решил выбраться тем же путем, каким вошел.

В дверях он крепко пожал руку девушке. Кето проводила его до лестницы. Вернувшись в свою комнату, она отворила окно, села у стола, взяла книгу и задумалась.

Что за странная вещь с нею приключилась! Как беспомощно она попыталась сначала солгать — следы на лестнице сразу выдали ее! Слава богу, в конце концов все обошлось благополучно. Сандро Климиашвили оказался благородным человеком. О, Кето не забудет этого и отблагодарит Сандро. Но кто же он, ее нежданный гость? Кето где-то видела его, но где — не может припомнить. Почему он так упорно скрывает свое имя? Какая, однако, у него поразительная сила воли: в минуту смертельной опасности спокойно рассматривал книги! Где-то совсем

рядом взорвалась бомба, а он и бровью не повел! Вот это — настоящий революционер!

«Нет, определенно, я где-то видела этого человека. Как это я забыла? Боже, дай мне памяти!»

Бог снизошел к ее просьбе, и она вдруг ясно все вспомнила.

Дело было в прошлом году. Марта Довлаташвили, дочь ремесленника, живущая тут же в доме, в нижнем этаже, сдавшись на неотступные просьбы Кето, согласилась взять ее Первого мая с собой туда, где собирались поднять красное знамя. Пустынная улица за каких-нибудь пятнадцать минут заполнилась народом. Все это были не совсем обычные люди — они расхаживали взад и вперед, как бы гуляя, временами бросали друг другу вполголоса два-три слова и обменивались многозначительными взглядами.

Но вот на середину улицы внезапно вырвались несколько человек, взвилось красное знамя, грянула «Марсельеза». Тотчас же сотни мужчин и женщины сбежались со всех сторон и окружили эту группу плотным кольцом. Марта устремилась туда, к знамени, и исчезла в гуще народа, а Кето прижалась к стене и глядела во все глаза на происходящее. Утром она дала честное слово, что будет держаться в стороне от демонстрации. Такое условие поставила ей Марта, чтобы оградить себя от упреков со стороны семейства Ахатнели.

Из дворов и переулков высыпали городовые, дворники, конные жандармы, казаки... Началась свалка, взметнулись дубинки, послышался свист нагаек.

При виде крови Кето чуть было не лишилась чувств. Однако она выдержала характер и не убежала — оставалась на месте, пока не кончилась вся эта кутерьма.

Знамя колебалось, падало, но тут же снова взмывало и плыло вперед. Вокруг него завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Особенно отличался один молодой человек. Он дрался, как дьявол, точно обезумев, — самозабвенно, яростно и свирепо. Младший брат Кето, Нико, и Леван, брат Марты, бились бок о бок с этим человеком, стараясь спасти подхваченное им знамя. Вся эта тройка то исчезала, окруженная нападающими, то показывалась снова. Вот они еще раз мелькнули вдалеке и пропали: дюжина храбрецов прорвала круг, оттеснила казаков и жандармов и ускользнула от погони, ушла невредимой, увлекая с собой человека со знаменем...

«Это он, это тот самый юноша!» — радостно повторяла про себя Кето.

Вдруг Кето заметила вложенный между страницами сборника стихов Шелли листок. Она тотчас же вытащила бумажку и пробежала глазами выведенные на ней печатными буквами строчки.

«Сударыня, говорят, кто подает хлеб, пусть посыплет его и солью — творя добро, доведите дело до конца. Если меня арестуют, немедленно сообщите Марте, что яблоки гниют, и надо спешно переправить их за реку. Если же мне удастся уйти, то не утруждайте себя. Заранее благодарю вас. Простите за беспокойство».

Записка, разумеется, написана незнакомцем. Ему удалось спастись, но Кето все же сделает то, о чем он просит. Она тут же вскочила, чтобы побежать вниз, к Марте. Ну теперь-то она узнает имя этого смельчака! Но что это за «яблоки»? Неужели новый знакомый Кето — торговец фруктами! Нет, нет — как она могла это подумать! «Яблоки». Круглые плоды. Ну, конечно, это бомбы! Да, да, наверное, бомбы.

Кето улыбнулась с удовлетворением: она была довольна своей

догадливостью и радовалась тому, что приобщилась к революционным секретам. Она даже оказала революции большую услугу: спасла какого-то крупного ее руководителя, а теперь спасет и оружие. Давно уже Кето дожидалась случая показать, на что она способна, и вот счастье само постучалось к ней в дверь! Сказал же этот человек, что до самой смерти не забудет ее! А теперь Кето совершит еще более геройский поступок, и имя ее будет записано в летописях революции!

В гостинной Кето столкнулась со своей матерью, только что вернувшейся с базара. По случаю дня рождения дочери Мариам решила пожертвовать собой и с утра отправилась вместе с кухаркой за провизией.

— Что за наказание господне! — воскликнула Мариам. — В деревне творится что-то невообразимое. Вчера вечером получили мы из нашего имения вино, кур и фрукты. Привез их крестник твоего отца, Лазарэ. Привез тайком и попросил никому не рассказывать — боится, как бы ему не объявили бойкот.

— Нынче революционное время, надо все терпеть, — утешила ее дочь. — Борьба за свободу — это тебе не свадебный пир!

— Причем тут, милая моя, свобода? Это настоящая война, убийство, истребление правых и виноватых! Сколько уничтожено дворян в провинции — не счесть! А кто уцелел, бежит в город сломя голову. Оказывается, и наше поместье захватили крестьяне — работников разогнали, а управляющего грозятся убить. Хорошо, что твой кузен Григол вовремя убрался оттуда и нашел службу в Тбилиси! А управляющий остался один, без помощников! Что ему делать — смотреть за скотиной, обрабатывать виноградник, собирать фрукты или сторожить посевы? Крестьяне обобрали сады, расхитили скот... Разве твой отец заслуживает такого отношения с их стороны?

— Мой отец и большего заслуживает. Он враг народа! — ответила Кето.

— Что ты говоришь, девочка?! — ужаснулась мать.

— Это не я говорю, а все, — объяснила Кето. — Слыхала бы ты, какие ему дают оскорбительные клички! Он и кровопийца, и квасной патриот, и царский лакей, и ретроград, и враг свободы!

— Что же ты отвечаешь, когда слышишь такие вещи?

— Что я могу сказать? Молчу и сгораю со стыда. Боюсь людям на глаза показываться.

Мариам в изнеможении опустилась на стул. Теперь ей наконец все ясно. Впервые Кето открыто высказалась перед нею. Воспитываешь девочку в институте, и думаешь: все, что ей нужно — это замужество. И вдруг оказывается, что у нее совсем другое на уме! Несколько вполне приемлемых женихов увиваются около Кето, а она совершенно равнодушна и даже, кажется, избегает их... Нет, довольно с Мариам того, что средний сын ее Илико оказался пьяницей и бездельником, опозорил на весь город фамилию Ахатнели! Хватит и того, что младший сын Нико, студент, ушел из дому, поселился в Нахаловке, перерядился рабочим, — даже мозоли натер себе на руках, — и связался с революционерами: шляется по деревням, бунтует крестьян! Говорят, даже в родной деревне появился и руками мужичья разорил собственное имение!

Покойный брат Андро Ахатнели назвал своего старшего сына Григолом в честь поэта Орбелиани. Правда, Григолу Ахатнели далеко до своего прославленного тезки, но хоть социалист из него не получился — и то слава богу! Григол — агроном, дай бог ему удачи! Это

человек трезвый, разумный и трудолюбивый. Образование он получил в России, а потом поселился в деревне, взял на себя заботу о родовом имении Ахатнели, арендовав у родичей их земли, и за пятнадцать лет восстановил разоренное хозяйство. Но тут подоспели революционные события и заставили его покинуть деревню, бежать в город... Здесь Григол с помощью своего дяди Андро устроился на службу в промышленном комитете и теперь дожидается конца народных волнений, чтобы вернуться в деревню и восстановить родовое поместье, пока что не потерпевшее особенного урона...

Брат Григола, Димитрий, окончил медицинский факультет. Ему уже тридцать три года, но он все еще не образумился: объявил себя социал-федералистом и желает стать спасителем Грузии. Врач он хороший, от пациентов отбоя нет — жаль только, что суется не в свое дело!

Собственные сыновья Андро Ахатнели причиняют отцу больше забот. Первенец его Акакий — присяжный поверенный. Дела Акакия Ахатнели идут хорошо, заработки у него большие, да на горе он сбился с пути, вступил в социал-демократическую партию. Правда, он примкнул к меньшевикам, но все же, не сегодня — завтра может очутиться в тюрьме...

Второй сын Ахатнели, Илья, стал позором для матери и отца — вышел из него пропойца, бездельник и мот...

Младший сын Андро и Мариам, Нико, тоже не принес утешения родителям: заделался революционером, большевиком. А теперь и эта девочка собирается пойти по тому же пути...

Бедные Андро и Мариам! Несчастливый им выпал жребий: семья лишилась мира, в ней воцарились нескончаемые раздоры, вся жизнь была отравлена. Хорошо еще, что Андро отвел каждому из сыновей и племянников отдельное помещение в своем большом доме — иначе они, пожалуй, могли бы передушить друг друга!

«Я во всем виновата, — призналась себе Мариам. — Забыла о собственных детях и вздумала воспитывать народ!»

С тех пор, как один из сыновей стал кутилой, а другой ушел к рабочим, Мариам часто раскаивалась в том, что уделяла недостаточно внимания и заботы своей семье, жертвуя ею ради общественной деятельности. Она состояла во всевозможных обществах — распространения грамотности, благотворительном, драматическом, была членом женского кружка, участвовала в народном театре и всюду работала с увлечением и энергией.

Муж часто говорил Мариам:

— Маро, поверь мне: кто гонится за всем, тот ничего не достигнет.

Но Мариам не слушала его. Произведя на свет двоих детей, она решила больше не рожать. Муж уговаривал ее:

— Маро, поверь мне: женщина, отказывающаяся от деторождения, нарушает биологический закон и непременно будет наказана потерей здоровья. Мало того, такая женщина изменяет своему народу. Статистика говорит нам: семьи с двумя детьми — это гибель, это постепенное вымирание народа. Родителей ведь тоже двое — и значит, на смену старшим рождается столько же молодых. А на самом деле, если принять во внимание детскую смертность, войны и эпидемии, получается чистая убыль. С третьим ребенком мы лишь остаемся при своих, и только четвертый составляет выигрыш, прирост населения.

В этих спорах прошло почти четверть века. За первым и вторым ребенком последовали третий и четвертый. Муж с женой постарели и оказались в духовном одиночестве. «Вот они, нынешние дети! Вот оно,

новое поколение! — сокрушалась в душе Мариам. — Революционные вожаки обливают Андрю грязью, а собственные дети не только не защищают его, но и сами рады бросить камень в отца...»

«Говорят, яблоко от яблони недалеко падает. Ложь, выдумки! Где тут закон наследственности? Велика важность, если у сына глаза, как у отца или матери! Душой и сознанием он им чужд — вот что важно, а никак не глаза...»

Так обычно жалуется Андрю, и то же самое повторяет теперь Мариам. От забот и тяжелых дум начались у нее головные боли. Вот и сейчас подступило, раскалывается голова — и до чего же некстати! Сегодня будут гости, и Мариам должна принять их, как подобает. Хотела было она рассказать дочери новость: на базаре бросили бомбу, убиты пристав и полицейские. Какой был крик, какая беготня, переполох! Мариам стало дурно, она чуть не упала в обморок. Хорошо, что рядом оказался извозчик, — она кое-как втиснулась в фаэтон и убралась подальше от беды. Но Мариам не стала рассказывать об этом Кето, а ушла на кухню.

* * *

Нижний этаж дома Ахатнели разделен на две квартиры. Одна из них, темная и сырая, не имеет выхода на улицу; чтобы попасть в нее, нужно войти в ворота и пересечь двор.

В этом помещении живут сын и дочь покойного устабаши — старшины цеха чеканщиков Антона Довлаташвили, Леван и Марта.

Сюда и направлялась Кето, но, заметив с верхнего балкона, что во дворе происходит что-то необычное, остановилась. Леван Довлаташвили стоял на верхней ступеньке, приставленной к стене лестницы. Из-за стены, отделявшей двор Ахатнели от соседнего, поднялась встрепанная голова брата Кето — Нико, а вслед за ней — воротник его полинялого студенческого мундира. В заключение показался ширскогорлый медный кувшин, который Нико передал со всяческими предосторожностями Левану. Тот медленно, осторожно спустился с лестницы и направился к своей квартире. А Нико снова скрылся за стеной.

Кето знала, что к стене с той стороны примыкает сарай; по-видимому, Нико стоял на крыше сарая.

Спустя некоторое время Леван снова вышел во двор все с тем же кувшином в руках, глянул вверх и, увидев Кето, остановился.

Девушка тотчас же отскочила от перил, скрылась за дверью столовой и продолжала наблюдать из-за занавески. С этого нового поста ей была видна лишь верхняя часть стены и лестницы. Но Кето больше ничего и не было нужно.

Через минуту над стеной опять показались головы и руки Левана и Нико. Кувшин был передан на ту сторону, а спустя еще несколько минут благополучно вернулся к Левану. Ясно было, что его переправляли туда пустым, а назад получали полным.

«Чего они так над ним трясутся? Зачем передают через стену, когда можно пронести по улице? А если это — тайна, то почему не подождут до ночи?» — спрашивала себя Кето и сама отвечала на свои вопросы: «До ночи у них нет времени ждать, потому что дело срочное. На улице они не хотят показываться — там полно солдат и полицейских. А осторожны они так потому, что кувшин наполнен «яблоками». Да, да, конечно, я угадала!» — Обрадованная своей догадливостью, девушка сбегала по лестнице и появилась во дворе в ту самую минуту, когда Леван подходил к дверям своей квартиры. Кето догнала юношу и шепнула ему:

— Осторожней, Леван! Дай, я тебе помогу!

— Оставь! Не твое дело! — коротко бросил Леван и внес в галерею.

Навстречу сконфуженной Кето выбежала сестра Левана, Марта. Она стояла в дверях и слышала этот отрывистый разговор.

— Поздравляю тебя с днем рождения, Кето! — сказала она, целуя девушку. Потом, обняв ее за плечи, ввела к себе в комнату и заперла дверь.

Небольшая чистенькая комната была убрана со вкусом: узкая кровать, застланная белым покрывалом, простой умывальник, туалетный столик с большим зеркалом, маленькая тахта, мягкое кресло, несколько соломенных стульев и стенной шкаф, а в нем — десятка два книг.

Марта славилась на весь околоток как рукодельница, и комната была полна образцов ее искусства.

Края занавеси, накидки на подушках, дорожка на умывальнике, скатерть ручной работы украшены тончайшей кружевной вышивкой.

Пол застлан большим полосатым паласом, на стене над тахтой висит ворсистый ковер, а по бокам его — два небольших пестрых шелковых коврика. Сама тахта покрыта темно-красным ковром. На ней разбросаны две мутки и несколько подушек. Все это соткано, сшито и вышито руками Марты и ее покойной матери.

— А это что такое? — спросила Кето, поднимая край накидки, которой был покрыт какой-то предмет, стоявший в углу. — Этого я еще не видела.

— Не трогай! — воскликнула Марта, бросившись к Кето.

Но было уже поздно. Затеяливо убранная грузинская колыбель как бы скинула с себя покрывало и предстала перед глазами девушки, нарядная, точно невеста.

Кето звонко рассмеялась. Улыбнулась и Марта:

— Не смейся, а то обижусь, — сказала она. И меня, и Левана, и бедную мою маму, и даже бабушку баюкали в этой люльке.

— Колыбель и впрямь старинная... Но откуда все это — тоже осталось от бабушки? — и Кето указала на убранство колыбели.

В люльке лежала небольшая кукла. Она была покрыта атласным одеяльцем с кружевной оторочкой. На перекладине висели два шибакки разной формы и малиновые бархатные лямки, которыми охватывают спеленутого младенца.

— Одеяльце и лямки сшила я сама, — отвечала Марта. — А куколку подарила мне мама, и сказала: «Не знай старости, доченька, и всегда улыбайся, как эта кукла!» Мне было тогда шесть лет, и я беспрестанно смеялась, а теперь вот уже скоро двадцать два, и...

— И никто замуж не берет, да? — прервала ее Кето. — Брось, не прикидывайся!

— Я и не прикидываюсь. Женихов у меня наберется с десятков, да только, — она понизила голос, — все не то...

— Понимаю. Сватаются ремесленники, а твоему сердцу совсем много хочется... — и Кето окинула Марту оценивающим взглядом.

И Марта и Кето родились в этом доме, научились ходить здесь, в этом дворе, росли вместе и с детства были подружками.

Кето и в голову никогда не приходило, что Марта может в один прекрасный день оказаться ее соперницей. Не думала она этого и сейчас, но сегодняшней посетитель вдруг всплыл перед ее глазами. Сразу вспомнилось, что ведь эта девушка и этот молодой человек знают друг друга, и Кето невольно стала сравнивать себя с Мартой. Она подошла к зеркалу, оглядела себя, и снова посмотрела на подругу.

Кето выше и стройнее Марты, фигура у нее изящней, волосы темной; от нее веет нежной и стыдливой девичьей прелестью.

Зато Марта — вся крепкая, налитая. Лицо у нее круглое, а волосы — почти белокурые. Глаза — голубые, светятся мыслью. Взгляд открытый, прямой и острый. Волосы густые и волнистые. И вообще в ней больше соли и перца. Но руки и ноги...

«Извините! Чтоб выточить такие ступни и такие пальцы, как у меня, нужны десять поколений!» — подумала Кето; и зависть отхлынула от ее сердца.

— Покойный отец сердился на нас, говорил, что нет в жизни опоры, вернее ремесла, — продолжала Марта. — Но мы с Леваном тянулись совсем в другую сторону, и отец сокрушался, что не имеет преемника, которому мог бы передать свое дело... Посмотри, что он мне подарил перед смертью, — и Марта указала Кето на туалетный столик.

Только сейчас Кето заметила туалетный прибор, шесть предметов, расставленные перед зеркалом: кувшинчики, шкатулки и круглые, величиной с орех, горшочки из лазурной эмали, оплетенной тонкой и частой паутиной золотых нитей.

— Какая прелесть! — воскликнула Кето. — Гораздо лучше, чем мой прибор. То — машинное изделие, встретишь его на каждом шагу, а это — уникальная вещь, работа настоящего мастера... Как ты мне до сих пор этого не показала?

— А вот еще, — Марта достала чеканный серебряный кувшин, украшенный грузинским узором и изображениями героев Руставели.

— Чудесно!

— А это?

И Марта протянула Кето серебряный поднос с шестью серебряными же чарками и рогом в серебряной оправе. Серебро было черненное, а рог усыпан мелкими рубинами, изумрудами и бирюзой.

— Это все работа моего отца. А сейчас я тебе еще кое-что покажу.

Марта выдвинула из-под кровати древний, окованный железом ореховый сундук, откинула крышку и достала оттуда, словно из волшебного ларца, диковинную старинную одежду: шубку-катиби, платья, накидку-иалкани, вуаль, кушак, вставки, мантильи и многое другое. Достала и разложила на постели, которая сразу запестрела, словно музейная витрина с образцами искусства минувших времен.

Были здесь цветные бархат и атлас, шелка и какие-то ткани с давно позабытыми названиями, вышивки всех видов — крестом и гладью, вырезные и накладные, плоские и выпуклые, прямым и косым стежком, золотой и серебряной ниткой. Рукодельницы, изготовившие все это, очевидно, обладали тонким вкусом, бесконечной настойчивостью, неистощимым терпением, безукоризненным чувством цвета и умением подбирать материал.

— Какая чудесная бабочка! — воскликнула Кето, рассматривая шелковую вышивку.

— Пешкеш! Дарю! — ответила Марта. — Сегодня твой праздник, прими эту сумочку от меня на память.

— Я у тебя в долгу, — сказала Кето, принимая подарок. — Спасибо, милая Матико.

Марта укладывала вещи в сундук. Вдруг она обернулась и спросила:

— Кстати, по какому случаю к вам сегодня приходили солдаты?

— А вот по какому, — ответила Кето, протягивая Марте записку, оставленную незнакомцем.

Марта прочла ее и спросила с изумлением:

— Откуда это у тебя?

— Раз вы мне не доверяете, и я вам ничего не скажу, — ответила

Кето вызывающе.

Марта задумалась. Потом приоткрыла дверь и тихо позвала:

— Нико, Леван, идите сюда! — и когда молодые люди вошли, протянула им записку: — Вот прочтите!

Нико и Леван изумились, взволнованно засыпали Кето вопросами:

— От кого получила? Где, когда? А сам-то он куда делся?

Кето глядела радостно и победоносно. Она уже стала участницей тайного заговора! А теперь она еще глубже погрузится в волны этой подземной реки, завораживающей ее и притягивающей, словно магнит...

— Это длинная история. Лучше, я расскажу ее подробно, — сказала она после притворного колебания и устроилась в кресле. — Но сначала поклянитесь: никому ни слова, иначе мне не миновать каторги.

— Мы давно уже связаны клятвой, и никого никогда не выдадим, — ответил ей брат. — Ну, рассказывай, не тяни!

Кето начала издалека и дойдя до появления незнакомца, принялась описывать его внешность:

— Среднего роста, плотный, лицо смуглое, темноволосый, с маленькими усами. Красивый. Да, пожалуй, красивый. Лет примерно двадцати шести. Вошел и так прямо говорит: «Сударыня, я революционер. За мной гонятся. Этим утром, когда меня вели из Метехского замка, я убежал от жандармов».

Нико не вытерпел, прервал ее:

— Это он, он! Молодчина! Храбрец!

— Конечно, он! Кто же еще? — подхватили Леван и Марта. — И почерк его. Вот, смотри... Как это мы сразу не узнали?

— Ну, рассказывай, что было дальше? — сказал Нико.

Кето продолжала свой обстоятельный рассказ. Скоро, однако, Нико снова прервал ее.

— Этого офицера я хорошо знаю. У него брата убили, сожгли дом, вырубил виноградник... Если б он мог, всех нас зубами бы разорвал! Это он тебя пощадил, он ведь твой поклонник, а то приказал бы тут же на месте пристрелить твоего гостя!

— Но тот-то, почему он поднялся к вам, вместо того, чтобы прийти сюда? — недоумевала Марта.

— Когда Нико вышел, дворник запер ворота. Вот он и не смог войти. — объяснил Леван. — Ну, дальше, дальше...

Кето продолжала рассказ. Когда она рассказала о недоумении дворника по поводу лестницы, Леван усмехнулся:

— Вот дубина! Это я оба раза снова приставил лестницу к стене. Ну, а потом?

— А потом нас выручила бомба... Иначе солдаты, пожалуй, перевернули бы весь дом и в конце концов...

Вдруг где-то поблизости снова раздался грохот взрыва. Зазвенели оконные стекла.

— Опять! — вскричали все и повскакали с мест.

Стекла долго еще продолжали звенеть.

— Что делается! — Нико рванулся к двери и на бегу бросил Левану: — Ты оставайся... Узнаю, что там случилось и тотчас же вернусь.

Но Леван не послушался и выбежал вслед за ним. Кето и Марта снова остались одни.

— Сегодня мой день рождения, и мне салютуют бомбами, — пошутила Кето.

— Рассказывай уж до конца. Когда твой гость успел написать эту записку? — спросила Марта.

— У меня в комнате, пока шел обыск в других помещениях. Написал и вложил в книгу, которую я читала. Когда он ушел, я сразу же нашла записку. Хорошо, что вы сами догадались перенести эти... «яблоки».

— Да, мы узнали, что сегодня будет обыск в том доме, где они хранились, и поспешили убрать их оттуда. Человек этот, наверно, шел сюда, чтобы предупредить нас, и невзначай наткнулся на патруль. А теперь слушай меня, Кето-джан, и хорошенько запомни то, что я скажу: если ты кому-нибудь проговоришься обо всем этом, то всех погубишь — и этого человека, и меня, и Левана с Нико, и самое себя. А поэтому...

— Знаю, знаю, — прервала ее Кето. — Буду нема, как могила. В конце концов, не враг же я себе и своему брату!

— Вот именно. Это я и говорю!..

— Будь спокойна!

— А яблоки эти спрячут сегодня же ночью или завтра утром в такое место, где их сам черт не найдет!

— Марта, милая, скажи, как зовут этого человека! Я его видела в прошлом году, когда ходила с тобой на первомайскую демонстрацию. Он тогда дрался за знамя, как лев. Но кто он такой, я не знаю.

Марта колебалась.

— Почему он сам не назвался? — спросила она.

— Откуда мне знать? Спасла человека от каторги и даже не ведаю, как его имя! — обиделась Кето. — Я ведь не спрашиваю, где он живет!

— Он нигде и не живет постоянно. Ну, хорошо, скажу. Его прозывают Барсом.

— Барсом! Неужели правда? Так это был он?

— Тебе известно, кто это?

— Всему свету известно, отчего же я должна быть исключением? Барс — это Зураб Гургенидзе. Значит, это был он... Боже, как я счастлива! Ах, если бы я знала тогда... когда он был у меня в комнате...

— Что бы ты сделала?

— Не знаю... Наверно... поцеловала бы его, что ли... Ха, ха, ха!

Марта даже не улыбнулась. С легким изумлением поглядела она на Кето и отвернулась к окошку. Кето почувствовала — тут что-то не так — и сказала как бы про себя:

— Впрочем... Такого человека, пожалуй, не очень-то интересуют объятия да поцелуи... Не до того ему! Как ты думаешь, Марта?

На этот раз Марта улыбнулась.

— Ты так меня спрашиваешь, точно я бог весть какой знаток по части объятий и поцелуев.

Обе звонко рассмеялись. Потом Кето сказала:

— Марта, милая, устрой мне встречу с Зурабом. и требуй взамен чего хочешь!

Марта ловко отклонила ее просьбу:

— Этого я никак не сумею сделать. Сказала же я, что у него нет постоянного местожительства. Я сама его встречаю изредка и случайно — то здесь, то там.

— Но ведь он и сюда приходит, правда?

— Кто тебе сказал? Он ни разу не бывал здесь! А знает он, где я живу, потому что встретил меня однажды на нашей улице.

«Скрывает, не доверяет мне. Боится», — подумала Кето, а сказала:

— Ну, ладно. Авось, сама где-нибудь его увижу. Кстати, куда делась записка? Я сохраню ее на память.

— Плохой из тебя конспиратор! — ответила Марта. — Такие записки хранить нельзя. Это все равно, что зарезать нас всех. Вот твоя записка.

Марта вытащила ведро из умывальника и показала Кето клочки бумаги, плававшие в мыльной воде.

— Хорошо, с этих пор буду знать, — сказала Кето одобрительно. — Будь моей наставницей, а я постараюсь оказаться хорошей ученицей. Согласна?

— Разумеется! — ответила, улыбаясь, Марта, но улыбка ее выражала скорее сомнение.

Кето встала.

— А теперь я пойду. Надеюсь, ты не захочешь обидеть меня и придешь к обеду?

— Спасибо, Кето-джан, но...

— Никаких «но»! — прервала ее Кето. — Смотри, рассержусь!

— Хорошо, хорошо, приду, — успокоила девушку Марта.

Она вышла вместе с Кето в галерею и выпустила ее во двор.

«Верю, верю, что ты не гордячка и снисходишь до меня, — думала Марта. — Но неужели ты не понимаешь, что нельзя мне пировать с твоими гостями?! Мы не сегодня — завтра собираемся взорвать, разнести в клочья весь их лагерь, а ты хочешь усадить нас вместе за стол!»

Услышав скрип ворот, Кето остановилась у лестницы. Во двор вошел Нико. Он подбежал с радостным видом к Кето и сказал:

— Могу сообщить приятную новость. Но за хорошие вести полагается награда. Дай мне двадцать пять рублей, когда-нибудь и я тебе пригожусь.

— погоди, сейчас принесу, — и Кето быстро взбежала по лестнице.

Утром отец подарил ей сто рублей, Кето тогда же решила дать десять рублей своему брату. Через несколько минут она вернулась с деньгами и протянула Нико сложенную кредитку.

— А теперь говори, что у тебя за новости.

Нико шепнул ей с торжествующей улыбкой:

— Только что взорвали твоего Авшарова. Поздравляю! — и направился к дверям Марты.

Он радовался потому, что Авшаров был жандарм. Но Кето была ошеломлена и не знала, радоваться ей или огорчаться. Холодная волна ударила ей в голову и пробежала по всему телу. Разум настойчиво твердил: «радуйся», но кто-то в ней, в самом дальнем, затаенном углу ее сердца, стонал и обливался слезами.

Кето давно знала Авшарова — еще с тех пор, когда он был драгунским корнетом, а она училась в институте. По воскресным и праздничным дням он приезжал проведать свою сестру, и вносил оживление в эти строгие стены некоторой свободой обращения, сияющей улыбкой и духом дурашливого веселья. На институтских балах, — которые, впрочем, бывали довольно редко, — Авшарову неизменно выпадало дирижировать танцами. Старшеклассницы и классные дамы желтели от зависти, так как избранницей Авшарова на балу почти всегда оказывалась Кето. Во всем городе не было лучшей пары в танцах. Заворажи-

вающе-плавный вальс, огненная мазурка, веселый чардаш, кокетливый падеспань, торжественный котчльон—все у них получалось так легко и красиво, что зрители не сводили с них глаз и то и дело разражались аплодисментами.

Потом Авшаров надолго исчез. Год тому назад он появился снова, затянутый в голубой мундир жандармского ротмистра. Кето дважды случайно встретила своего бывшего кавалера в обществе, а в прошлом году судьбе было угодно, чтобы они оба оказались в Боржоми и провели лето вместе.

Подавленная, с опущенной головой, поднялась Кето по лестнице, вошла в свою комнату и достала из ящика фотографию Авшарова. Красавчик-ротмистр в своем пресловутом голубом мундире смотрел на Кето с дерзкой улыбкой, как бы говоря: «Смотри, какой я молодец!» Левая рука его была лихо заложена за шнур аксельбанта. В последний раз он встретился с Кето недели две тому назад. «В ближайšie две недели я схвачу этого пресловутого Барса, Зураба Гургенидзе, — сказал он. — Если, впрочем, меня не убьют...»

«Накаркал себе конец, несчастный! Зачем же ты сам искал своей гибели?»

Кето перевернула карточку и прочла надпись: «Вспомните вечер в Боржоми 7 августа 1904 года».

Кето вспомнила тот вечер, что-то кольнуло ее в сердце, и две слезинки упали на кусочек картона. Потом она тряхнула головой, словно отгоняя назойливую мысль, разорвала фотографию на четыре части и бросила клочки в корзину. «Все! Конец! Я тогда еще многого не знала».

Да, не знала, а теперь, при помощи газет и книг, постигла и уразумела. Кетеван Ахатнели вступала в храм свободы и отбрасывала прочь всяческую ветошь.

II

Две недели тому назад дела Зураба Гургенидзе обстояли неважно. Он попался, увяз обеими ногами.

Жандармский ротмистр Авшаров предъявил ему десяток обвинений. Зураб — один из главарей бунтовщиков, он устроил тайную типографию (правда, еще неизвестно, где эта типография, но она заведомо существует!); Зураб — автор прокламаций, которые сам же и распространяет. Есть у него где-то и склад оружия. Мало того — он, Гургенидзе, организовал террористическую группу и в ответе за все, что эти люди творят.

— Террористическую группу? — переспросил Зураб с улыбкой. —

На нашей вкладке

В конце минувшего года в Израиле, в Иерусалиме побывала группа грузинских общественных деятелей в составе первого секретаря Союза писателей Грузии поэта И. В. Абашидзе, академиков Академии наук Грузинской ССР А. Г. Шанидзе и Г. В. Церетели. Главной целью их поездки было изучение материалов, связанных с именем великого грузинского поэта Шота Руставели, по преданию, скончавшегося в Иерусалиме и похороненного там в Крестовом монастыре.

Сооружение грузинских церквей и монастырей началось в Палестине еще в IV—V веках. Одно время только в Иерусалиме грузинам принадлежало до сорока церквей и монастырей... Один из них и есть Крестовый монастырь, памятник XI века (восстановленный в XVII веке его настоятелем Никифором Чолокашвили), где после тщательных поисков экспедиции грузинских общественных деятелей удалось обнаружить (на первой справа колонне) скрытый под слоем краски портрет Шота Руставели. Этот портрет мы публикуем на нашей вкладке.

შოთა რუსთაველი

Вот как? И какие же мы натворили дела — может, вы перечислите?

— Извольте! — согласился ротмистр. — Во всех волнениях и стачках видна ваша рука. Вы — заводила и организатор всех митингов и демонстраций. Недавно убили двух руководителей патриотической лиги — Союза русского народа. В третьего стреляли, но не попали. Это тоже ваших рук дело. Покушались вы и на полицмейстера, но с божьей помощью он избежал гибели. Вы подожгли железнодорожные мастерские и в тот же день застрелили одного нашего агента. Кроме того...

— Господин ротмистр, неужели этого недостаточно? — перебил обвиняемый, убедившись, что Авшаров все перепутал и валит в одну кучу и его, Зураба, и чужие дела, и правду, и выдумки. — Где у вас основания для этих обвинений? Предъявите хоть одно доказательство!

Взгляды Зураба и ротмистра скрестились. Гургенидзе спокойно улыбался, словно говоря: «Не выйдет! Не на такого напали!»

Авшаров глядел смущенно.

Он понял, что зря выложил все свои карты, что весь имеющийся у него материал — одни только общие агентурные сведения, и цена ему невелика, а главное, понял, что и арестованный догадался об этом. В самом деле, Гургенидзе весь подобрался и стал удивительно немногословен: он без конца повторял, улыбаясь, одно и то же:

— Не знаю... Не знаком... Не слышал... Не бывал там...

Наконец ротмистр извлек из ящика три старые папки и напомнил Гургенидзе некоторые его показания прошлых лет.

— Вы хотите вытащить на свет давно прекращенные дела? — спросил Зураб. — По какому праву? В силу какого закона?

— Нет, я не собираюсь их возобновлять. Но здесь о вас написано много такого, что...

— Что никогда не было доказано, — перебил ротмистра арестованный. — Иначе вы бы меня давно загнали на каторгу.

— С божьей помощью, на этот раз мы вам и каторгу покажем, — пригрозил жандарм. — Вам предъявляется еще одно обвинение: вы были трижды сосланы на свободное поселение и все три раза бежали из ссылки.

— Что правда, то правда, — признался обвиняемый. — Трижды был сослан и трижды бежал.

— Почему бежали?

— Потому что... Климат там холодный. Здешний мне больше нравится.

«Еще и насмехается!» — подумал ротмистр, и вернулся к папке с новым материалом:

— Недавно на вашей квартире состоялось заседание комитета.

— На какой квартире? По какому адресу? — тотчас же ухватился за эти слова Зураб.

Ротмистр заглянул в бумаги, прочел: «Гургенидзе не имеет определенного местожительства» и, сконфуженный, вильнул в сторону:

— Почему у вас нет постоянной квартиры?

— Потому что я человек бедный и не могу платить за нее.

— Где вы ночуете?

— На улице, в городских садах, в чужих дворах.

— Чему вы улыбаетесь?

— Так... Вспомнил один смешной анекдот.

Авшаров наострил уши и тоже невольно улыбнулся. Он и сам

был завзятым рассказчиком анекдотов и ежедневно развлекал своего начальника новыми смешными историями.

— Расскажите!

— Двух задержанных бродяг привели к судье, — начал Зураб. — Судья спрашивает одного из них: «Где ты ночуешь?» «Там, где меня застанет ночь». «А постоянная квартира у тебя есть?» «Да, скамейка в Муштаиде». «А где ты живешь?» — спрашивает судья другого. А тот отвечает: «Как раз напротив, господин судья!»

Авшаров расхохотался и повторил несколько раз:

— «Как раз напротив... как раз напротив... как раз напротив...» Превосходно! Замечательно! — Потом он вспомнил о своих аксельбантах, сразу напустил на себя строгий вид и сказал сухо:

— Значит, вы — бродяга и заслуживаете за это Сибири!

— Что ж... Так передайте дело прокурору, и суд вынесет мне приговор, — согласился с коварной улыбкой Зураб.

Жандарм сообразил, что даже свирепейший из судей, сам Ионин, не смог бы обвинить Гургенидзе в бродяжничестве, и забил отбой:

— Ну уж извините! Вы хотите легко отделаться, но это не выйдет! Да и зачем вам суд? Признайтесь, расскажите нам все, и я сегодня же освобожу вас.

Зураб весело усмехнулся и ничего не ответил. Авшаров понял, что снаивничал, и больше не заикался о «признании».

Долго еще они мучили друг друга. Жандарму не удалось узнать ничего нового о Гургенидзе. Зато Зураб узнал обо всех имевшихся против него данных и составил план защиты. «Лучше заставлю отложить допрос на несколько дней», — решил он. «Надо отложить и лучше подготовиться», — подумал Авшаров и сказал Зурабу:

— На сегодня достаточно. Я отправлю вас в Метехи. Там у вас будет достаточно времени для размышления. Советую рассказать нам все чистосердечно и откровенно.

— Я всегда чистосердечен и откровенен, — отвечал, обрадовавшись, Зураб. В душе он посмеивался: «Как же, жди! Своих цыплят корми таким зерном! Пока что судьба мне благоприятствует — вижу, птица ты нестреляная, и в голове у тебя ветер!»

«Ну, этого голыми руками не возьмешь!» — думал ротмистр. — «Это ведь такой изворотливый, выдавший виды преступник», — и он жалел, что поторопился, не изучил досконально дела Гургенидзе, а только поверхностно просмотрел его и, даже не составив плана допроса, очертя голову, бросился в бой. Сражение казалось ему заведомо проигранным.

Впрочем, не беда! Он изучит дело, вооружится до зубов и положит на лопатки этого противника, одолеет его так же, как одолевал многих других.

Вечером Авшаров доложил о деле Гургенидзе полковнику, который отсутствовал две недели по болезни и впервые в этот день явился в жандармское управление. Полковник вскинул изумленный взгляд на ротмистра, — он обычно остерегался доверять ему трудные и важные дела, — и резко спросил:

— Что? Гургенидзе? Кто поручил вам вести это дело?

— Ваш заместитель, господин полковник.

— Мой заместитель... Гм... — «Мой заместитель приехал всего два месяца назад, — подумал полковник, — и так же неопытен, как ты, дружок», — вслух он сказал: — Пожалуй, у нас нет более опасного врага, чем этот Гургенидзе. Поэтому, если ему, паче чаяния, удастся

отвертеться от каторги, надо будет загнать его к белым медведям, чтобы он там сгинул бесследно!

— Так точно, господин полковник. Загоним. Непременно отправим его к белым медведям.

Зураб прекрасно знал, что его ожидает, и полностью использовал предоставленные ему две недели: наладил из Метехи необходимые связи, уничтожил всякие следы, составил план защиты и во всеоружии стал дожидаться следующего допроса.

Однажды Зурабу передали с воли весть: завтра его поведут на допрос. Ворота дома, в котором помещается мастерская Довлаташвили, будут открыты. Если он сумеет вбежать во двор, ворота тотчас же захлопнутся изнутри, а его встретит надежный друг.

Наутро в самом деле явились за ним в Метехи два статных, длиннобородых жандарма. Гургенидзе посадили в фаэтон и повезли. Он намеренно сел с правой стороны. Один из жандармов поместился рядом с ним, другой — напротив, на переднем сидении.

Улицы были полны народа. Фаэтон миновал Сионский собор и покатил вдоль Серебряных рядов. Зураб сидел, откинувшись на спинку, и как бы дремал; на самом деле он уже издали заметил дощатые ворота и перед ними — Левана Довлаташвили в старинном наряде тбилисского горожанина — карачохели: в остроконечной смушковой шапке и широченных шароварах. Через минуту Леван исчез во дворе, оставив ворота приоткрытыми. Фаэтон поровнялся с воротами.

Внезапно экипаж стал заметно легче. Арестованный исчез на глазах у жандармов. Тот, что сидел впереди, увидел мельком, как Гургенидзе вбежал во двор и захлопнул за собой ворота.

Ошеломленные жандармы соскочили с фаэтона, вытащили свои огромные пистолеты и бросились за беглецом. Но ворота уже были крепко заперты изнутри на засов.

Зураб и Леван пересекли бегом маленький дворик, взобрались по приставной лестнице на невысокую стену, вытащили за собой лестницу и соскочили в соседний двор. Тем временем жандармы ломались в ворота, крича во все горло:

— Открывай!.. Держи!.. Лови!..

Ни ловить, ни открывать было, однако, некому. Осоловевший от водки дворник валялся в дощатой камерке, на соседнем дворе, и хрипел, точно умирающий.

Беглец и его пособник тотчас же разошлись в разные стороны.

Через час Зураб был уже осведомлен обо всем, что делалось в городе. А еще немного спустя он появился, вооруженный револьвером, в верхней части города, чтобы спасти склад оружия, добытого ценой стольких трудов и опасностей.

По пути он заглянул к трем своим товарищам, но ни одного не застал дома. Тогда он направился к Левану и неожиданно наткнулся на военный патруль, которым командовал Климиашвили.

Сейчас Гургенидзе сидит в комнате тетушки Нино и ждет, чтобы стемнело. Эта комната и удобна и в то же время опасна. Сын тетушки Нино, Ражден, — уже полгода в метехской тюрьме, и никому не придет в голову сызнова обыскивать его жилище. Но комната находится в дальнем конце двора, не имеет второго выхода и видна из всех окружающих квартир, как на ладони.

Зураб прошел через маленький двор, низко опустив голову, сколь-

знул в комнату Раждена и прежде, чем поздороваться с тетусшкой Нино, выглянул в окошко, внимательно осмотрел балконы и галереи обеих этажей. Всюду было пусто. Тогда Зураб повернулся к хозяйке, стоявшей в изумлении посреди комнаты, и заключил ее в объятия.

— Здравствуй, тетусшка Нино!

— Зураб, сынок!.. Откуда ты взялся? С неба свалился, или вылез из преисподней?

— Вырвался из Метехи и принес тебе привет от Раждена. Твой сын только и делает, что лежит, спит, гуляет и толстеет. Чего тебе еще надо?

— Врагу твоему, сынок, пожелаю толстеть, как Ражден! Садись и расскажи все, как есть на самом деле.

Зураб садится и рассказывает. Раждену за то, что он набирал и печатал прокламации, угрожает трехлетнее тюремное заключение или бессрочная ссылка. Но Гургенидзе успокаивает тетусшку Нино:

— За Раждена беспокоиться нечего. Если не выпустят его царские слуги, то в ближайшем будущем освободит победоносная революция.

— Что там еще будет, никому не известно, а я за эти шесть месяцев дошла до последней крайности, — пожаловалась Зурабу старуха. — Продавать больше нечего, и ноги отказываются служить, а ведь надо хоть раз в три дня отнести в тюрьму передачу...

— Не унывай, тетусшка Нино! Подсобим тебе, поможем пережить это время. Удружи мне только еще разок. Знаешь, где живет Леван Довлаташвили?

— Знаю.

— Ступай сейчас туда и скажи Левану или его сестре Марте, что яблоки гниют и надо скорее перенести их в другое место.

— Что это еще за яблоки?

— А это уж не твое дело. Ступай, разыщи их и возвращайся с ответом. Скорей, не задерживайся.

Зураб накинул старухе на голову черный платок, взял ее за плечи, легонько подтолкнул к выходу и закрыл за нею дверь.

Сколько приключений за одно утро! Зураб почувствовал вдруг, что напряжение этого дня измотало его. Он прошелся по комнате, потом прилег на тахту и незаметно задремал. Через некоторое время он вдруг открыл глаза и сразу вскочил: рядом на тахте сидели Леван и Нико, терпеливо дожидавшиеся пробуждения спящего.

— Здравствуй, Нико! — протирая глаза, приветствовал товарища Барс.

— Здравствуй, Зураб! Как поживаешь?

Все трое расцеловались.

Леван уже успел рассказать Нико со всеми подробностями о побеге Зураба. Нико все еще не мог успокоиться. Сияя радостью, бегал он по комнате, пощипывал редкие усики и восклицал:

— Герои! Ей-богу, герои! Оба — настоящие барсы! Я и раньше знал, что вы — отчаянные ребята, а сегодня окончательно в этом убедился и полюбил вас еще больше!

— Ладно, ладно, — прервал его Леван, прочесывая всей пятерней спутанную черную бороду; верный признак того, что восторги друга пришлись ему по душе.

Зураб тоже был доволен, но не подавал виду.

— А как яблоки? — спросил он. — Почему вы ничего о них не говорите?

— О яблоках не тревожься, — ответил Леван. — Ни одно не под-

гнило. Скоро я упрячу их в такое место, что, пожалуй, и сам не сумею потом найти.

— Молодец, кинто! — похвалил его Зураб.

— Опять — кинто! — обиделся Леван. — Сколько раз тебе говорил: я — не кинто, а удалой карачохели! Кинто — трус, похабник и забияка, он коварен, двоедушен и нечист на руку!

— Ладно, ладно. Забыл. Прости меня! — И Зураб ласково потрепал друга по черной бороде. — А теперь расскажи, что еще случилось за прошлую неделю?

Леван и Нико заговорили, перебивая друг друга:

— В палача-полицмейстера стреляли еще раз. Арестовано восемнадцать человек. «Патриоты» из союза русского народа ходили к Ширинкину жаловаться и угрожают нам.

— Старая история! Ничего они нам не сделают!

— Состоялось заседание городской управы. Потребовали созыва государственной думы.

— Дураки! Нас сейчас даже демократическая республика не может удовлетворить, а они за думу ратуют! Но оставим это. Что за переполох в городе?

— Час тому назад мне сказали, что убит жандармский ротмистр Авшаров.

— В самом деле? Очень жаль! — сказал Зураб. — Этот Авшаров был настоящим сосунком в своем деле. Теперь следствие обо мне передадут Руничу или Циссу, и если меня снова арестуют, я буду в проигрыше. Да нет, я шучу. Расскажите лучше, что слышно из деревни.

Оказалось, однако, что он не знал только нескольких мелочей. Новости просачивались сквозь толстые стены Метехского замка, как вода сквозь песок...

— Удивительный ты человек! — сказал Зурабу Леван. — Хоть в землю тебя зарой, все равно сумеешь наладить почту и телеграф и будешь лучше нас знать все, что делается на свете!

— Да, да, вот именно! — присоединился к нему Нико. — А вообще, не слишком ли круто пошли события?!

Зураб поглядел на него с изумлением.

— Ты не должен так говорить! Что, товарищи, уж не дрогнули ли ваши сердца?

— Тебе показалось! Не время сейчас для сожалений, — воскликнули Леван и Нико. — Три четверти пути уже пройдено — поздно нам теперь колебаться!

Зураб взглянул каждому из них в глаза.

— Ну, хорошо, — сказал он успокоенно. — Верю, что вы говорите от чистого сердца. Но напомню еще раз: если почувствуете, что души ваши ослабели или сердца размякли, тотчас же расскажите мне — я постараюсь вас вылечить, а если не сумею — разойдемся в разные стороны. Иначе мы окажемся изменниками, погубим общее дело и погибнем сами.

Зураб прошелся из угла в угол, потом остановился посредине комнаты и прочел с чувством:

Восстал народ!

— Так говорит поэт... Я спасся от жандармов и так счастлив, что, пожалуй, расцеловал бы самого ротмистра! Но...

Разве может солнце светить,
Коли властвует тьма.

— Что ты хочешь сказать? — воскликнул в недоумении Леван. —
Что за свет, и причем тут мрак?

— Не догадываетесь? Вот черти! Вытащили из огня и бросили в полымя! Что это вы — извлекли меня из тюрьмы, чтобы уморить голодом? Бессовестные вы люди после этого!

— Фу, какой я недогадливый, — вскричал Леван, вскакивая. — Ну и растяпы же мы! Сейчас побегу. Тут поблизости живет один мой дружок... может, у него найдется лишняя трехрублевка.

— Пстой! — удержал его Нико.

Он извлек из кармана студенческой куртки четвертной билет и протянул его Зурабу.

— Молодец, Никуша! Если в кассе у нас не гуляет ветер, завтра же получишь обратно, — воскликнул Зураб и обратился к старухе: — Тетушка Нино! Из этих денег пятнадцать рублей потрать на себя, а заодно поддержи Раждена; пять рублей отдай мне, а на остальные купи нам две бутылки вина и всякой всячины... Да поскорее, а то еще немного, и из меня дух вон! — Он снова повернулся к товарищам: — Когда человек сыт, у него и голова умней, и руки верней. А теперь признавайся, Нико, у кого ты вырвал эти деньги?

— Сестра дала. Я попросил у нее награды за добрые вести. Сначала взял деньги, а потом порадовал бедняжку тем, что ее вздыхатель Авшаров взлетел в воздух.

— Ее вздыхатель? — удивился Зураб.

— Да, Авшаров ухаживал за Кето, — пояснил Нико. — Правда, безуспешно, но очень усердно.

Зураб прошелся в задумчивости по комнате и проговорил как бы про себя:

— Жалко! Неужели такая чудесная девушка достанется жандарму?

— Да, жалко, — согласился с ним Леван.

— Лично я, например, перед нею в неоплатном долгу...

— Знаем, знаем, она все рассказала, — прервал Зураба Нико. — Сознанием Кето тянется к нам, да только обеими ногами увязла в болоте своего класса.

— А ты-то на что? — возразил Зураб. — Почему не помогаешь сестре выбраться из болота? Перетяни ее в наш лагерь!

— Нико-джан, знаешь, что я тебе скажу? — вмешался Леван. — Давай породнись с Зурабом. Зять у тебя будет такой, что сам граф Воронцов позавидует!

— Не болтай вздор! — прикрикнул на него Зураб. — Нельзя же скоморошничать по всякому поводу!

— Да я так, просто сказал, пошутил!.. — сконфуженно оправдывался Леван.

— Хороши шутки! Что общего между мной и дочерью Андро Ахатнели? Да к тому же настоящий революционер вообще не имеет права обзаводиться семьей. Убьют тебя казаки или отправишься на каторгу — а жена и дети помирай с голоду? Нет, это не дело!

— Говорю тебе, я пошутил! Позволил себе лишнее один раз, а впредь остерегусь. И за мной немало хорошеньких девушек бегают, да я стараюсь держаться от них подальше. А все же... — Леван лукаво улыбнулся и ткнул пальцем Зурабу в грудь: — А все же голову дам на отсечение, что эта роза у тебя от нее!

— Эта роза?.. — Зураб даже бровью не повел. — Я взял ее у одного парнишки на улице.

— Не выдумывай, не верю! Не до роз тебе нынче! Чтобы за челове-

ком гонялись жандармы, а он думал о цветах? Не может этого быть!

— Значит, такие люди, как мы, вообще не должны жениться? спросил Нико.

Зураб прошелся по комнате, подумал и снова остановился.

— Жена должна быть прежде всего товарищем мужа; она должна вместе с мужем впрячься в работу, стать таким же слугой революции, как он. Если мужа арестуют, жена должна продолжать его дело. Если будет нужда в куске хлеба, она должна заработать на пропитание; если муж пойдет в ссылку, она последует за ним!

— Где же найти такую женщину? — изумился Леван. — Что ж, значит, мне так и оставаться холостяком?

— Хватит об этом, — ответил Зураб. — Я не сваха, чтобы подбирать для вас жен. Скажи лучше, Леван, ходишь ли ты по-прежнему в воскресную школу?

— Хожу, конечно!

— Чему вас там учат?

— Рассказывают, что делается на небе, как кружатся солнце и луна.

— Ну, так послушай меня! Солнце и луна с пути не собьются, будут кружиться, как раньше, а мы с тобой лучше подумаем о том, как бы раскрутить колесо революции! Можешь ты наладить маленькую типографию, а заодно при ней склад оружия?

— Отчего же не могу? На то я и мастер!

— С добрым товарищем не пропадешь! Так вот, обдумай это и принимайся за дело!

— Чох яхши¹! Обдумаю и все тебе доложу.

Зураб дал обоим товарищам поручения на неделю вперед и в заключение сказал:

— ...Значит, так, друзья: Авшаров — человек для нас полезный, и если слух о его гибели окажется ложным, лучше его поберечь.

Товарищи изумленно взглянули на Барса, но не сказали ни слова.

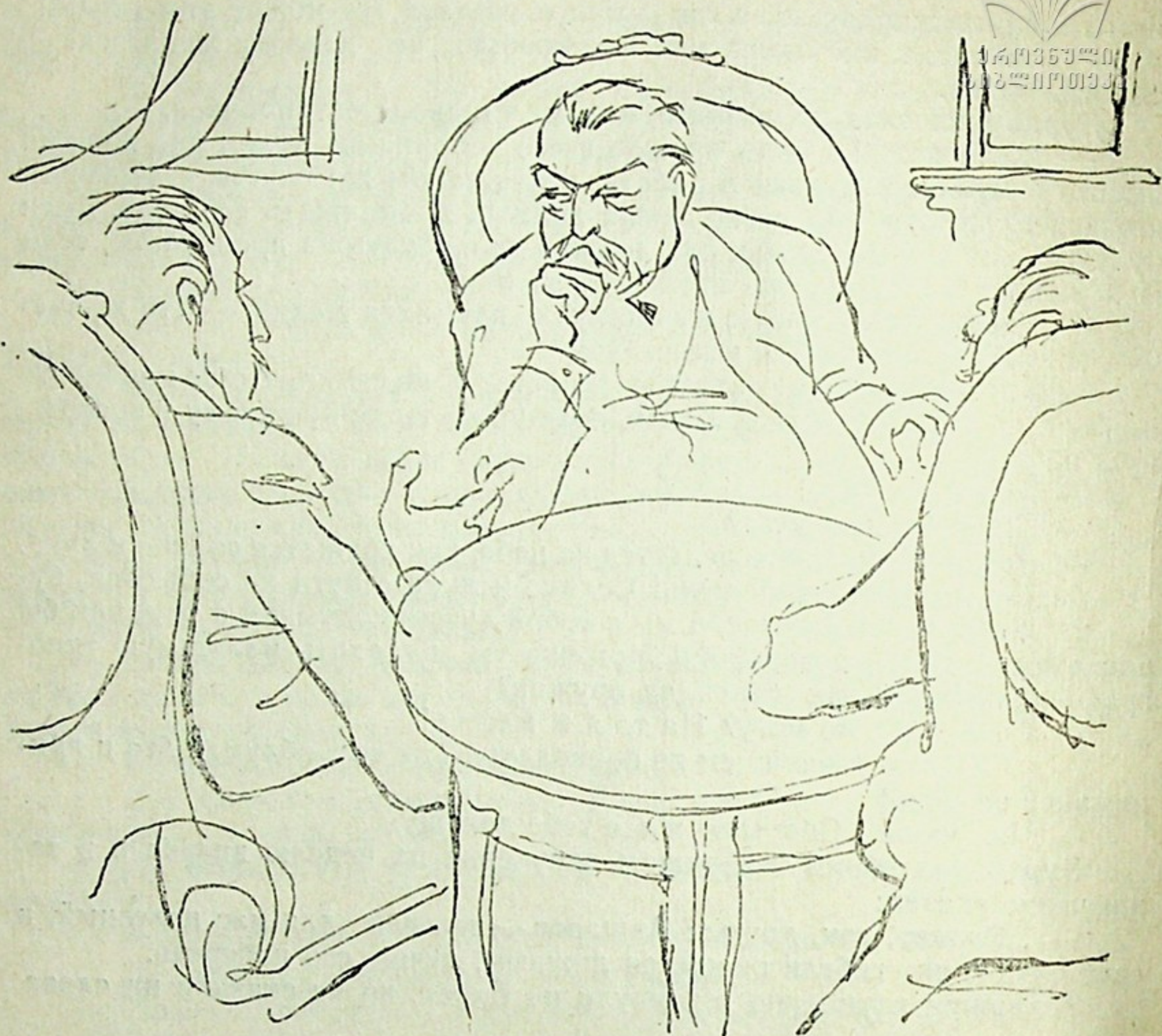
III

Гостинная Андро Ахатнели устарела, как и ее хозяин. Цветы на обоях полиняли и превратились в расплывчатые красно-желтые пятна. На стенах, над фотографиями членов семьи, родственников и друзей Ахатнели висели семь больших и малых картин кисти тбилисских художников: Габашвили, Занковского, Зоммера, Башинджагяна, Мревлишвили, Шарлеманя и Фогеля. В подборе этих картин не чувствовалось никакого определенного художественного вкуса; ясно было, что хозяева попросту гонялись за известными именами, дабы любой посетитель мог убедиться, что в этом доме знают и ценят прославившихся ныне живописцев.

Мебель и убранство гостиной также не отличались единством и выдержанностью стиля. Маленький столик модерн был окружен темно-красными, низкими и широкими креслами — казалось, огромные, свирепые псы обступили перепуганную собачонку. Вдоль стен были расставлены рядами такие же громоздкие стулья — ореховые и дубовые, с бархатными и плетеными соломенными сидениями. Только две вещи из обстановки этой комнаты были по-настоящему красивыми и ценными: рояль и огромный старинный персидский ковер, закрывавший больше половины пола.

В этих старомодных, неуклюжих и неудобных креслах сидели трое мужчин: один пожилой, такого же старомодного вида, а двое других — средних лет.

¹ Чох яхши (турецк.) — очень хорошо.

Первый, Андро Ахатнели, хозяин дома, расположился посередине. Это был человек осанистый, грузный, солидный — казалось, громоздкие кресла и покрытая темным ковром тахта сколочены в расчете на его вес и размеры.

Этот крупный человек занимал крупные должности в губернском правлении, в дворянском съезде и в земельном банке, где в последнее время приобрел очень большое влияние и даже был избран председателем наблюдательного комитета. Сегодня, как обычно, он был в черном мундире с красным кантом и со Станиславом на груди. Над орденской звездой топорщились белая, подстриженная лопатой борода и пышные усы.

Ахатнели уже перевалило за шестьдесят, но выглядел он, несмотря на свои седины, моложе своих лет: живые темные глаза, вдумчивые и пронизательные, черные, сросшиеся над переносницей брови, полные, румяные щеки и чистый, без единой борозды, лоб — по мнению его друзей, вместилище недюжинного, искушенного и чрезвычайно образованного ума.

Андро Ахатнели считался человеком неразговорчивым. Он любил размышлять, слушать и читать, но сам высказывался очень редко. Полжизни участвовал он в дворянских съездах, но лишь несколько раз коллегам довелось услышать его выступление. Да и тогда он лишь коротко и четко изложил свое мнение, чтобы снова надолго замолчать. Редакция

«Иверии» получала от него одну-две статьи в год, причем он каждый раз требовал от редактора клятвенного заверения в том, что тайна его псевдонима «Арагвели» ни в коем случае не просочится наружу.

Вот и сейчас Ахатнели, по своему обыкновению, внимательно слушал коммерсанта Якова Цверадзе, занимавшего половину верхнего этажа в его доме. У Цверадзе была контора в старом городе и десяток служащих, которые непрерывно разъезжали по провинции, что-то покупали, что-то продавали, преследовали должников, переписывали векселя, подмазывали чиновников, надували клиентов и хозяина, а иной раз и сами оставались в дураках.

Цверадзе был уполномоченным ряда больших фирм и сам владел немалым капиталом. Через его руки проходило множество самых разнообразных дел и великое множество товаров: мука, сено, сахар, железо, цемент, зерно, страхование и транспорт, просроченные векселя и заложенные на землю, аренда и сложнейшие банковские операции—он ни от чего не отказывался, всюду поспевал и почти от каждого дела к его рукам хоть что-нибудь да прилипало.

Вместе с тем Цверадзе усердно занимался и общественной деятельностью: был членом всевозможных обществ, которым платил взносы в десятикратном размере, выписывал газеты и журналы, поддерживал нуждающихся поэтов, содержал в России трех студентов—своих родственников, основывал союзы мелких торговцев и предпринимателей, помогал им, ободрял их и неустанно сражался с иноземными дельцами, которые, по его словам, забрали весь город в свои руки.

— Завладели они нашим Тбилиси, сударь, — жаловался Цверадзе и считал по пальцам: там выстроили новый дом, здесь купили участок земли, за рекой устроили две мастерские, на этой стороне открыли еще три магазина, на Вере-речке взяли в аренду фруктовый сад, в винных рядах положили начало новой фирме...

— Но и мы не сидим без дела, — и Цверадзе перечислял все те предприятия, дома, аренды, сады и земельные участки, которые за эту неделю ему и его друзьям удалось отвоевать.

Ахатнели присоединил к сетованиям Цверадзе и свои жалобы: Арамянц, Манташев и прочие приобрели в Борчало, в Кахетии и в других областях страны огромные поместья, а местные помещики, сбывшие эти земли, промотали вырученные суммы за один-два года. Да и открытый недавно властями крестьянский банк тоже скупает землю...

— Скоро нас объявят чужаками и пришельцами в собственной нашей стране, и мы все станем батраками у новых хозяев! — говорил с горечью Ахатнели.

— Прекрасно сказано! Что правда, то правда! — подтвердил Цверадзе, поглаживая светлые усы.

— Но вы—деловые люди, не должны ничего бояться,—продолжал Андро. — Знайте, что торговля, промышленность, и сельское хозяйство—такое же национальное, патриотическое дело, как наша литература и искусство, как наука, как самоотверженная защита родины на поле брани, как правильное воспитание детей и всякие другие виды полезной деятельности. Мы с вами — неразъединимые союзники: вы должны вернуть нации отнятые у нее города, а мы — сохранить в своих руках землю. Враг пробил не одну брешь в стенах нашей крепости, и если мы не изгоним его и не остановим его проникновения, то нам ничто не поможет: ни федерация, ни автономия.

Помолчав немного, Ахатнели добавил:

— Эх, мой милый Яков, мы тут строим планы, а Мито слушает, да

улыбается! — И он положил руку на плечо своему племяннику ^{Димитрию}, сидевшему по другую руку от него и усмехавшемуся ^{в усы}.

— Человек предполагает, а бог располагает, — ответил ^{Димитрий}. — Это дело с большим успехом, чем вы, сделает революция. Только социализм может уничтожить национальную рознь и ненависть.

Ахатнели скептически покачал головой и тихо проговорил: — Блаженны верующие, ибо они унаследуют землю.

Димитрий встал и подошел к окну. Сходство между дядей и племянником теперь особенно бросалось в глаза.

На Димитрии были длинный сюртук и брюки в полоску. Жилет закрывал его грудь почти до самой шеи; в узком вырезе виднелись только черный галстук и белоснежный воротничок. Племянник был одного роста с дядей, но не так грузен и прямее в плечах. Темные усы и борода были у него подстрижены точно так же, как у Андро, и брови так же сходились на переносице. Густые и длинные волосы были всегда в беспорядке. Золотое пенсне, казавшееся совсем малюсеньким, еле держалось на его носу. Оно то и дело сваливалось, особенно в пылу беседы, и болталось на тоненькой цепочке, прикрепленной к отвороту его сюртука; хозяин пенсне обычно даже не замечал этого и продолжал горячо спорить, отстаивая свое мнение.

Дядя и племянник не стали на этот раз углублять спор. Он давно уже им наскучил — ничего нового они не могли друг другу сказать.

* * *

Димитрий Ахатнели был врачом. Он окончил университет лет десять тому назад и поселился в доме своего дяди, на втором этаже. Первое время пациенты разве что случайно заглядывали к нему. Он, впрочем, и не старался залучить к себе пациентов, так как был холост, столовался у дяди и не испытывал недостатка в карманных деньгах.

Молодой доктор чувствовал, что знаний у него недостаточно, и старался пополнить свое образование. С самого начала он засел за бактериологию, полюбившуюся ему еще со студенческих лет. Особенно увлекала его теория необнаруживаемых болезнетворных микробов. Для занятий ему нужны были ультрамикроскоп и много других приборов. Дядя еще раз раскошелился, даже взял дополнительно заем в банке и потратил три тысячи на квартиру и лабораторию для своего племянника.

Димитрий с увлечением принялся за изучение кори, бешенства, оспы, балтийской лихорадки и всяких других болезней, возбудителей которых или совсем нельзя было обнаружить или удавалось видеть только с помощью ультрамикроскопа. Вскоре он убедился, что по ту сторону видимой вселенной находится целый огромный неведомый мир, — мир, в глубинах которого скрывается первоначальная тайна жизни.

И вот, Димитрий оказался на перепутье: он должен был или окончательно стать биологом, или пойти торной дорогой — превратиться в практикующего врача и позаботиться о расширении своей практики. Поколебавшись в течение года, он выбрал второй путь, причем не постеснялся прибегнуть к кое-каким испытанным рекламным приемам, и вскоре у него уже не было отбою от пациентов.

Вначале Димитрий не был сторонником какой-либо партии; не примыкал он и к направлению своего дяди. На короткое время он ударился было в сепаратизм, но вскоре остепенился. Мечта о полной независимости родной страны стала казаться ему беспочвенной, он перекинулся на сторону федералистов, стал даже членом их главного комитета и отдавал политике уйму времени и денег. Андро Ахатнели настойчиво советовал сыновьям и племянникам не ввязываться в политику, но на-

конец замолчал, убедившись, что политикой проникнуто все и вся во-
круг, что ее вдыхают вместе с воздухом.

Вначале Димитрий боролся, главным образом, против старшего поколения и тянул партию влево. С недавних пор вызывали в нем тревогу и анархисты, приехавшие из-за границы и толкавшие в пропасть его кровное, национальное дело. Но больше всего забот причиняли Димитрию социал-демократы.

Димитрий работал во всех общественных организациях; особую энергию проявлял он в Обществе распространения грамотности. И вот теперь социал-демократы пытаются проникнуть и в эту крепость, перетянуть на свою сторону даже рабочих партийной типографии!

В тот день у Димитрия и его друзей было бурное заседание. К тысячам старых забот прибавилась еще и новая: в Баку, Ереване, Нахичевани имели место кровавые столкновения между армянами и татарами; резня могла возникнуть в любую минуту и в Грузии. Армяно-татарскую вражду публично все приписывали «Шайтану», но Мито пытался утвердить в своей партии совсем другую точку зрения. На сегодняшнем заседании он напомнил друзьям, что до появления дашнаков между кавказскими народами царил мир. Если зажженный дашнаками пожар охватит и Грузию, мы должны огонь отразить огнем, маузеру противопоставить маузер, говорил Димитрий. В этом с нами будут согласны наш народ и другие народы Кавказа. Само правительство одобрит нас. А история полностью нас оправдает. Поверьте, друзья, что одной этой угрозы будет достаточно, дашнаки возьмутся за ум, и кровопролитие тотчас же прекратится.

Выступление это вызвало шум. Оратора забросали репликами.

— Какая история?.. Неужели вам не стыдно искать одобрения правительства?.. Так вот каков ваш социализм!.. Да это же программа вашего дяди Андро Ахатнели! — слышалось со всех сторон.

Больнее всего укололо Димитрия последнее замечание, так как оно выявило истину, лишив ее всяких прикрас. Неожиданно для самого себя, он повторил ход мысли Андро Ахатнели, чем удивил и возмутил товарищей. Димитрий хотел было оправдаться, смягчить сказанное, несколько раз воскликнул:

— Друзья, постойте... Выслушайте меня!..

Но кое-кто из присутствующих решительно не желал его слушать. И тут, в эту самую минуту, где-то совсем близко, шагах в двухстах, не больше, грянул взрыв бомбы. Зазвенели стекла, собравшиеся повскакали с мест. За взрывом последовала частая стрельба.

Заседание прервалось. Всякое «сборище» сейчас подвергалось опасности — в любую минуту могла нагрянуть полиция. Члены комитета разошлись по одному.

Димитрий направился к дому кружным путем. Поднимаясь в гору по Давидовской улице, он столкнулся с Авшаровым.

Этого жандармского офицера в дом Ахатнели ввела Кето. Братья и кузены отравили ей за это жизнь упреками.

Как-то Андро сказал Димитрию:

— Мито, у тебя есть своя собственная квартира — так не путайся же в дела моей семьи. Я принимаю у себя всякого, кто мне по душе. Я глубоко убежден, что Авшаров порядочный человек, и потому...

— Авшаров — жандарм! — прервал его Димитрий.

— Я не суеверный человек и не трус, — ответил Андро. — Жандарм для вас — исчадие ада, дьяволово порождение. А для меня он совсем

другое. Он оберегает наш сон, наш труд, нашу жизнь, собственность, закон, культуру.

— Даже культуру? — воскликнул Мито.

— Да, культуру, — повторил Ахатнели. — Сколько раз я говорил тебе: наш Нико поступил логически более последовательно, чем ты и Акакий. Он отказался от семьи и собственности и пошел молиться своим святыням, — переселился в рабочий район и живет, как рабочий. А ты хочешь сохранить все, что имеешь, и в то же время уничтожить правительство, власть, верного стража твоей жизни и твоего имущества! Выбери или то или другое.

— Существует и третий путь.

— Неправда, это все ваши выдумки! — Ахатнели повысил голос. — Спаси нас бог от этого, но, может, ты еще и убедишься на горьком опыте: то, о чем ты говоришь, в условиях самодержавия не реальность, а фантазия, заблуждение, обманчивый призрак и ничего больше. Как бы эти ваши сладкие сны не кончились кусанием локтей и скрежетом зубным!

— Успокойся, дядя, Авшаров — твой гость, и мне до него нет дела.

Этот разговор произошел месяца три тому назад. С тех пор Авшаров не показывался в доме у Ахатнели, и Дмитрий в этот день впервые встретил его на улице. Ротмистр остановил Дмитрия и протянул ему руку.

— Вы нигде не встречали Гургенидзе? — спросил он.

— По-моему, он в Метехи, — ответил с изумлением молодой Ахатнели.

— Да, был в Метехи — но сегодня убежал.

— Дай бог ему удачи! — улыбнулся доктор. — Если бы я и знал, где он, то постарался бы сбить вас со следа!

— Извините, я забыл, что вы и сами за революцию! — насмешливо сказал Авшаров и пошел своей дорогой, бросив: — Всего лучшего.

Через короткое время раздался второй, а затем и третий взрыв. Дмитрий находился в это время у приятеля. Там до него и дошла весть о покушении на Авшарова.

Сейчас Дмитрий думал о том, надо ли сообщить эту новость дяде. В конце концов он решил ничего не говорить. Не хотелось ему в день рождения Кето огорчать старика, который считал Авшарова порядочным человеком и выгодным женихом. Нет, нет, и Кето ничего не должна знать, иначе праздник будет для нее отравлен.

День этот не был удачным и для старшего сына Андро Ахатнели Акакия. У него так же было заседание, но в другом конце города, на Бере. И здесь бурно столкнулись две группы, два непримиримых мнения. Одна группа требовала более энергичной борьбы, более мощного натиска на самодержавие.

Большинство комитета, однако, колебалось. Акакий был сторонником направления именно этой, умеренной группы. Но он взял себе за правило никогда не ввязываться в острые дискуссии и обычно выступал в роли примирителя.

— Рабочие и небольшая часть крестьянства несомненно пойдут за нами, но этого слишком мало, — говорил Севастий. — Войска на стороне правительства, и нескольких батальонов будет совершенно достаточно, чтобы задушить слишком рано вспыхнувшее восстание и погубить наше великое дело. Нам достоверно известно, что генерал Грязнов, Ширинкин и иже с ними денно и нощно мечтают о том, чтобы

мы перешли в наступление раньше времени, пока наше движение еще не набралось сил. И вот, Грязнова поддерживают некоторые наши товарищи!.. Эти товарищи вольно или невольно делают дело врага и берут на себя роль провокаторов!

Левое крыло было охвачено возмущением. Поднялся шум, слышались гневные возгласы:

— Какое бесстыдство! Какая гнусность! Ты сам провокатор!

Севастий тщетно пытался закончить — ему не дали говорить:

— Прекратите! Не хотим слушать! Немедленно принеси извинение!

— Горячий человек Севастий! Испортит нам все дело! — с улыбкой шепнул соседу Акакий, пощипывая рыжую бороду.

Шум продолжался довольно долго. Его прервал грохот отдаленного взрыва. Тедо немедленно воспользовался этим.

— Неужели и этот гром не вразумил вас? — воскликнул он. — Борьба обостряется с каждым днем, нажим реакции усиливается, облавы, стычки, вооруженные столкновения — все чаще... Быть может, и сейчас кто-нибудь из наших товарищей валяется на улице, разорванный на части взрывом или изрубленный казаками, а вы называете его провокатором! Стыдитесь!

— Стыдитесь! Позор! — поддержали его другие.

Севастий попросил извинения, но при этом добавил:

— Я склоняюсь перед героями, и все же скажу, в сотый раз скажу, что каждое выступление, каждая стачка и демонстрация должны быть согласованы с комитетом. Мы неоднократно выносили это постановление, но вы не подчиняетесь нам, и ставите нас в невозможное положение. Вы преждевременно объявили правительству войну, жертв уже немало, а ствет придется держать нам.

— Кому это — вам? — тотчас же подал реплику Тедо.

— Партии и большинству нашего комитета, — ответил Севастий.

— Большинство партии представляем мы, а не вы! — в один голос заявило левое крыло.

Разгорелся старый спор. Тедо и его группа твердо стояли на своем:

— Большинство во всероссийском центральном комитете принадлежит нам, и не вы, а мы являемся настоящими представителями центрального руководства партии. Попробуйте, отделитесь и организуйте свою социал-демократическую партию вокруг Кавказского комитета! Думаю, не осмелитесь!

— Пусть попробуют! Пусть осмелятся! — поддержали Тедо его товарищи.

Нет, не осмелятся! Это ведь было бы изменой тому общему делу, которое делают совместно русский и грузин, украинец и армянин, азербайджанец и белорус! Нет, большинство не попадет на эту удочку!

Продолжение следует

Илья Эренбург

Люди, годы, жизнь...

...В соляных озерах северной части Крыма добывается поваренная соль; добывалась она и до революции. Наверно, я об этом узнал в третьем или четвертом классе гимназии, но школьные познания быстро забываются. Притом я никогда не интересовался происхождением соли, которая стояла на столе. И вот соль, притом крымская, сыграла важную роль в моей жизни.

1920
1920
Путь из Феодосии в Москву лежал тогда через меньшевистскую Грузию, которая торговала с белым Крымом и где было советское посольство. Из Феодосии в Грузию отправлялся ценный товар — поваренная соль. Я говорю об его ценности отнюдь не шутя: в то время соль продавалась на рынках стаканами, как потом сахар.

Один предприимчивый феодосиец решил доставить в Потю соль; ею нагрузили большую дряхлую баржу. На буксире должен был отправиться владелец соли. После длительных и сложных переговоров, в которых мои покровители говорили и о поэзии и о рублях, капитан буксира и владелец соли согласились взять на баржу меня, Любу и Ядвигу. Белые, разумеется, осматривали уходящие суда, и мы должны были прибыть на баржу накануне, а до того, как выйдем в открытое море, сидеть тихо в душном трюме, где лежала драгоценная соль. Это не

было самым приятным местом, но нам дали хлеб и помидоры, а соли было сколько угодно, и мы не роптали.

Пришлось пережить несколько неприятных минут: над нами прогрохотали сапоги офицеров, проверявших, нет ли на барже пассажиров. Я вспомнил строчку Волошина: «Застыть, как соль» и, кажется, застыл. Шаги стали приглушенными, как уходящая гроза.

Буксир взял курс на юг, будто мы шли к берегам Турции. Объяснялось это тем, что в Новороссийске была Советская власть и владелец соли боялся, как бы большевики не захватили его товары. А баржа была предназначена только для небольших рейсов вдоль берега; притом, как я сказал, у нее был возраст, малоподходящий для авантюры.

Был конец сентября, то есть время, когда на Черном море часто бывают штормы. Мы проплыли несколько часов среди идиллии; сияло солнце, белели барашки волн, и баржу лениво покачивало. Мы радовались, что вырвались из Крыма, и ели хлеб с солью. Шторм начался внезапно; мы не поняли, что происходит, когда высокая волна переплеснула палубу. Мы легли в самом защищенном месте и покрылись брезентом. Шторм крепчал; навалилась быстрая южная ночь.

На барже было три или четыре матроса. Они нам сказали, что де-

ла плохи: мы находимся далеко от берега, вода попала в трюм и груз теперь чересчур тяжелый. Они ругали капитана буксира, владельца соли и вообще все на свете.

Мы пробовали уснуть, но это было невозможно — несмотря на брезент, нас заливало; хотя баржа, по словам матросов, была перегружена, ее швыряло, как крохотную лодку. А волны росли. Я старался припомнить различные смешные истории, и мы не унывали.

Самое неприятное было, однако, впереди. Капитан буксира решил бросить баржу: боялся, что она может разбить буксир. Нам это прокричали в рупор и предложили по канату добираться до буксира; мы были, однако, не спортсменами, а людьми, сильно отощавшими от супа на перце (Люба незадолго до путешествия перенесла сыпняк); перейти на буксир среди сильных волн мы, разумеется, не могли, и решили остаться — будь, что будет.

Я не раз в жизни замечал, что страх — капризное чувство, зачастую не связанное с рассудком. Мой друг, писатель О. Г. Савич в Испании совершенно спокойно беседовал о поэзии под нестерпимыми бомбежками, но я помню, что, когда мы с ним ехали из Бельгии во Францию, он смертельно боялся таможенного осмотра, хотя не вез никакой контрабанды. Я был в Толедо с испанским художником Фернандо Хераси; он был тогда офицером и не раз удивлял товарищей храбростью. В толедском Алькасаре сидели фашисты и время от времени лениво, для приличия, постреливали в анархистов. Фернандо мне признался, что не хочет лезть со мной на крышу дома — боится; фронт это фронт, а в Толедо он поехал со мной за компанию, и здесь ему страшно. Ни я, ни мои молоденькие попутчицы не испугались от мысли, что мы останемся в разъяренном море на дырявой барже и пойдем ко дну вместе с драгоценной солью. Мы разговаривали, шутили и если дрожали, то не от страха, а от холода: промокли насквозь.

Капитан все же не бросил баржи. Когда мы благополучно причалили к Сухуми, он сказал Любе, что пожалел ее. По-моему, это было во-

сточным комплиментом: на буксире находился владелец соли, и он стоял свой товар.

Сухуми нам показался невыразимо прекрасным; это действительно красивый город, но дело было не только в его живописности: в то яркое солнечное утро мы восхищались возвращенной жизнью. Нам казалось, что все трудности не только путешествия в Москву, но и жизненного пути — позади. Какой-то незнакомец предложил нам обменять деньги, и вот мы сели в кафе прямо на улице, пили турецкий кофе, кейфовали. Было жарко, как летом, и мы не думали ни о цене соли, ни о цене человеческой жизни. Мы развлекались: нам троем вместе было меньше лет, чем теперь мне одному.

Потом мы снова спали на барже, но эта была обыкновенная спокойная ночь: вдоль берега мы шли на Потю. Оттуда поездом добрались до Тбилиси. Куда идти? Где посольство? И где Москва? Мы несколько растерялись в чужом городе без документов, без денег.

Бывают все-таки в жизни те счастливые случайности, на которые иногда ссылаются писатели, приклеивая к безвыходной истории благополучнейшую развязку. Навстречу нам по Головинскому проспекту шел Осип Эмильевич Мандельштам. Мы обрадовались ему, он — нам. Он уже чувствовал под ногами почву и деловито сказал: «Сейчас мы пойдем к Тициану Табидзе».

Мандельштам рассказал нам о своих злоключениях. В Батуми опасались эпидемии чумы, и квартал, в котором нашли комнату Осип Эмильевич и его брат, был оцеплен. Мандельштам гадал, от чего он умрет: от романтической чумы или от вульгарного голода. Его размышления были прерваны меньшевистскими охранниками, которые отвели Осипа Эмильевича в тюрьму. Напрасно он пытался еще раз объяснить, что не создан для тюремного образа жизни: это не произвело никакого впечатления. Он говорил, что он — Осип Мандельштам, автор книги «Камень», а ему отвечали, что он — агент и генерала Врангеля, и большевиков. Достаточно было взгля-

нуть на Осипа Эмильевича, чтобы понять, насколько он мало походил на агента — не только двойного, но и обыкновенного. Однако у охранников не было времени для размышлений: они выполняли, может быть, перевыполняли план. (Автор даже самого вздорного приключенческого романа, и тот заботится о некоторой правдоподобности, а полицейские не ломают себе головы — предпочитают проламывать чужие головы).

Случайно в Батуми приехали грузинские поэты и прочитали в газете, что «двойной агент Осип Мандельштам» выдает себя за поэта. Они добились освобождения Осипа Эмильевича.

Рассказав нам все это, Мандельштам не стал философствовать над особенностями эпохи, а повел нас к Тициану Табидзе, который восторженно вскрикивал, обнимал всех, читал стихи, а потом побежал за своим другом Паоло Яшвили.

С Паоло Яшвили я познакомился в Париже, в «Ротонде»; было это в 1914 году. Паоло тогда был худым и порывистым юношей (ему было двадцать лет). Он расспрашивал меня: «А в каком кафе сидел Верлен? Когда сюда придет Пикассо? Правда, что вы пишите в кафе? Я не мог бы... Посмотрите — как они целуются! Возмутительно! Меня это чересчур вдохновляет»... Увидев Паоло в Тбилиси, я ему обрадовался, как однополчанину, хотя наша встреча в Париже была случайной и беглой.

Не успели мы сесть за стол, как Паоло и Тициан объяснили нам, что они — основатели поэтического «ордена «Голубые рога». Я подумал, что это не имеет никакого отношения к обеду: есть ведь журнал «Голубой всадник», выставки «Голубой розы». Но духанщик притащил огромные рога (правда, не голубые). В рог, который Паоло поднес мне, он налил кварту вина. Рог не стакан — на стол его не поставишь, я подержал его несколько минут, а потом в отчаянии выпил вино залпом. Если вспомнить, что в Коктебеле я сильно отоцал, то легко догадаться, чем это для меня кончилось. Грузинские друзья зачем-то поволокли меня на концерт знаменитого виртуоза. Я смутно помню,

как я валялся в одной из комнат консерватории среди арф и лент от венков.

На следующее утро я пошел с Мандельштамом в советское посольство. Нас ласково приняли, обещали переправить в Россию; придется, однако, подождать неделю — другую.

Паоло устроил нас в старой замызганной гостинице. Свободных комнат в городе не было, и нам пришлось поместиться в одном номере: братья Мандельштамы, Люба, Ядвига и я. Осип Эмильевич от кровати отказался — баялся клопов и микробов; спал он на высоком столе. Когда рассветало, я видел над собой его профиль; спал он на спине и спал торжественно.

Мы прожили в Тбилиси две недели; они показались мне лирическим отступлением.

Каждый день мы обедали, более того, каждый вечер ужинали. У Паоло и Тициана денег не было, но они нас принимали с роскошью средневековых князей.

Никогда дотеле я не бывал на Востоке, и старый Тбилиси мне показался городом из «Тысячи и одной ночи». Мы бродили по нескончаемому Майдану; там продавали бирюзу в смоле и горячие лепешки, английские пиджаки и кинжалы, кальяны и граммофоны, пахучие травы и винтовки, портреты царицы Тамары и доллары, древние рукописи и подштанники. Торговцы зазывали, торговались, расточали цветистые комплименты, клялись жизнью многочисленных домочадцев.

Мы побывали в серных банях: на меня взобрался огромный банщик и облепил меня чудодейственной грязью, которая уничтожила растительность. Паоло пресерьезно уверял, что я похож на Нарцисса.

В древних храмах мы глядели на каменных цариц, к которым ласкались барсы. Мы восхищались в духанах картинами Пиросманишвили, грузинского Руссо, художника-самоучки, который за шашлыки и вино расписывал стены погребков. Он был прост, патетичен, поражал умелой композицией и полнотой цвета.

Тбилиси был случайным полустанком, на котором остановился поезд времени. Глава меньшевистского правительства Ной Жордания,

в прошлом сотрудник различных марксистских журналов, ссылался то на Каутского, то на царицу Тамару. Каутский писал, что меньшевистская Грузия — государство с будущим, а петербуржцы и москвичи, застрявшие на полустанке, торопливо упаковывали чемоданы: одни спешили на север, другие за границу. Некоторых из них я встретил. Артист Н. Н. Ходотов собирался домой в Петроград. Поэты Агнивцев и Рафалович ждали французских виз. Жители Тбилиси ругали меньшевиков, говорили, что их песенка спета.

Различные века сосуществовали в этом удивительном городе. Я увидел праздник мусульман-шиитов «шахсей-вахсей». На носилках, украшенных цветистыми коврами, несли безликих персианок. Вокруг сновали молодые люди: костюмированные всадники нещадно хлестали их кнутами. За ними следовали сотни полуголых мужчин, ударявших себя в спину железными цепями. Гремела музыка. Главными актерами были люди в белых халатах: раскачиваясь, они выкрикивали «шахсей-вахсей» и били себя саблями по лицу. На ярком солнце кровь казалась краской. Самоистязание было поминками по сыну халифа Хусейну, который погиб в битве тысячу четыреста лет назад...

А на соседней улице мастеровые читали листовку: «Красное знамя Советской власти реет над Баку. Не сегодня — завтра оно взвьется над Тифлисом...»

Мне подарили «Сборник тифлисского цеха поэтов». Эта книжка случайно у меня сохранилась. Среди авторов — много поэтесс с поэтичными фамилиями: Нина Грацианская, Бель-Конь-Любомирская, Магдалина Де-Капрелевич. Поэты «тифлисского цеха» писали сонеты о Свароге, Эросе, Суламите, Санаваллате, Монфоре и о других, столь же близких персонажах.

Впрочем, я не заглянул тогда в сборник: все время я был с новыми друзьями, которых сразу полюбил: с Паоло Яшвили и Тицианом Табидзе.

Они были связаны между собой не только общими поэтическими воззрениями, но и крепкой дружбой: эта дружба оказалась долговечней литературных школ; и погибли они

вместе. А до чего они не походили один на другого! Паоло был высоким, страстным, чрезвычайно энергичным, умел все организовать и декларацию «Голубых рогов» и обед в духане. Стихи у него были живые, умные, крепкие. А Тициан поражал мягкостью, мечтательностью. Он был красив, всегда носил в петлице красную гвоздику; стихи читал нараспев, и глаза у него были синие, как горные озера. Трудно понять поэзию в переводах. Я слушал стихи и по-грузински. Тициан, помню, сказал мне, что поэзия — обвал. Много лет спустя я прочитал в переводе его стихотворение, где были строки: «Не я пишу стихи. Они, как повесть пишут меня, и жизни ход сопровождает их. Что стих? Обвал снегов. Дохнет — и с места сдышет, и заживо схоронит. Вот что стих». Кажется, в этих словах раскрытие Тициана, его чистоты, приподнятости: был он прежде всего поэтом.

Яшвили и Табидзе прекрасно знали, любили русскую и французскую поэзию. Пушкина и Бодлера, Блока и Верлена, Некрасова и Рембо, Маяковского и Аполлинера. Они сломали старые формы грузинской версификации. Но трудно, кажется, найти поэтов, которые так бы любили свою родину, как они. Их можно было глубоко порадовать, сказав, что то или иное грузинское слово выразительно, заметив горный цветок или улыбку девочки на проспекте Руставели. О том, что они были прекрасными поэтами, можно теперь прочитать в любом справочнике. Мне хочется добавить, что они были настоящими людьми. Я приехал снова в Тбилиси в 1926 году, приехал к Тициану и Паоло. Потом я встречался с ними в Москве: дружба выдержала испытание временем.

В конце 1937 года я приехал из Испании, прямо из-под Теруэля, в Тбилиси, на юбилей Руставели. Паоло и Тициана не было. О том, что с ними случилось, скажу словами Гурара Асатиани, автора книги о Тициане Табидзе: «Табидзе, как и его замечательные сверстники, известные советские писатели П. Яшвили, М. Джавахишвили, Н. Мицишвили и другие, стали жертвами преступной руки заядлых врагов народа». В Тбилиси я нашел только поэта

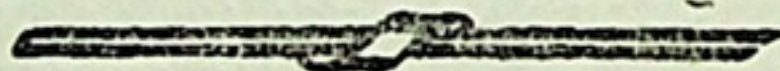
Г. Леонидзе, с которым познакомился в 1926 году. Он позвал меня к себе под Новый год. Вдруг тосты оборвались: мы подняли стаканы и ничего не сказали — перед нами были Тициан и Паоло... Я часто думаю о стихах Яшвили, написанных за несколько лет до трагической развязки: «Не бойся сплетен. Хуже — тишина, когда, украдкой пробираясь с улиц, она страшит, как близкая война и близость про меня сужденной пули».

Тициана и Паоло любили многие русские поэты — и Есенин, и Пастернак, и Тихонов, и Заболоцкий, и Антокольский. А мы были первыми советскими поэтами, которые нашли в Тбилиси не только душевный отдых, но романтику, ощущение высоты, толику кислорода — я говорю и о горах и о людях, — нельзя ведь отделить Паоло и Тициана от окружавшего их пейзажа. Я писал после поездки в Грузию в 1926 году: «Условимся: горы не только астма альпиниста, не только семейные охи любителей каникулярной красоты. Это еще некоторое беспокойство природы, ее требовательность, которая глубоко соответствует человеческому естеству... Звери и лозы Ананурского монастыря резвятся, зреют, живут. На них любовно смотрят па-

стухи и звезды. В Верийских садах зурна плачет, как любимая женщина, голос которой нельзя не узнать и через тысячу лет. Пусть поэты «Голубых рогов» любят Рембо и Лотремона; неискушенные души повторяют их стихи доверчивым девушкам возле могилы Грибоедова, когда в одно сливаются созвездия астрономов, огни Солосак и взволнованные зрачки. А на стенах духанов истекают кровью арбузы, написанные Нико Пиросманишвили»...

Альпы во Франции — спорт, туризм, санатории, лыжи, гостиницы, рюкзаки, открытки. А без Кавказа трудно себе представить русскую поэзию: там она отходила душой, там была ее стартовая площадка.

Но я сейчас пишу всего навсего о двух коротких неделях — осени 1920 года, когда грузинские друзья приютили, пригрели нас. Друзей этих уже нет; остается поклониться горам Грузии. Яшвили и Табидзе проводили нас по Военно-Грузинской дороге до первого привала, и сейчас еще в моих ушах звучит высокий, пронзительный голос Тициана: «На холмах Грузии лежит ночная мгла: шумит Арагва предо мною. Мне грустно и легко; печаль моя светла; печаль моя полна тобою»...

Георгий Гегешидзе,
первый секретарь
ТК КП Грузии

В преддверии славного юбилея

Недалек день, когда народы нашей страны торжественно отметят 40-летие со дня установления Советской власти и создания Коммунистической партии в Грузии.

«Над Тифлисом реет красное знамя Советской власти. Да здравствует Советская Грузия!» Так телеграфировал В. И. Ленину и И. В. Сталину Серго Орджоникидзе 25 февраля 1921 года.

Рабочий класс и трудовое крестьянство под руководством ленинской партии, с помощью великого русского народа свергли ненавистное простому люду меньшевистское правительство, и над Грузией взошло яркое солнце прекрасного грядущего.

За 40 лет в братской семье советских народов грузинский народ прошел путь героической борьбы и славных побед. За это время, твердо следуя ленинским заветам, он осуществил великие социалистические преобразования.

Словно в сказке, преобразилась грузинская земля: на ней выросли новые заводы и фабрики, открыли людям свои богатства недра, расцвели культура и наука, с каждым днем улучшается благосостояние трудящихся. Только за годы Советской власти промышленное производство в нашей республике возросло в 38 раз!

На примере расцвета экономики и культуры Тбилиси ярко видны замечательные плоды мудрой ленинской национальной политики нашей Коммунистической партии.

Известно, что царское правительство последовательно осуществляло колониальное угнетение народов; препятствовало оно и развитию промышленности на одной из окраин империи — Грузии. Буржуазия метрополии, изыскивая новые рынки для сбыта своей продукции и опасаясь конкуренции, была заинтересована в том, чтобы Грузия, как и другие окраины страны, являлась потребителем, а не поставщиком готовой продукции.

Большой упадок испытала промышленность во время господства меньшевиков. В период 1918—1921 гг. остановилась значительная часть фабрик и заводов — из 304 тбилисских предприятий работало только 222, рабочие и служащие увольнялись массами. Промышленность города выпускала значительно меньше продукции, чем в довоенное время.

Только после установления в Грузии Советской власти создались условия для мощного подъема промышленности Тбилиси. В течение одной лишь первой пятилетки выпуск продукции возрос почти в три раза. За последующие пятилетки темпы раз-

вития стали еще выше. Особое внимание уделялось развитию тяжелой промышленности. Были построены такие мощные предприятия, как станкостроительный завод имени Кирова, завод «Центролит», авторемонтный завод и другие. В результате общий объем промышленного производства Тбилиси увеличился с 1929 по 1941 год почти в 6 раз.

Ответственные задачи стали перед промышленностью города с началом Великой Отечественной войны. Бесперебойно работали фабрики и заводы, самоотверженным трудом тбилисцы вносили свою лепту во всенародное дело разгрома немецко-фашистских захватчиков. О том, как значительно возросла мощь промышленности города за эти годы, говорят следующие цифры: стоимость продукции (в ценах 1926—27 гг.) достигла 567,4 миллиона рублей.

Новый подъем промышленности наступил после окончания войны. Были построены локомотиворемонтный завод, впоследствии реконструированный в электровозостроительный, заводы «Пластмасс», эмалированной посуды (ныне «Газоаппарат»), коньячный, кондитерский комбинат и другие. В 1955 году Тбилиси вырабатывал около 37 процентов всей промышленной продукции республики.

Широкие перспективы открылись перед промышленностью города после реорганизации, проведенной в управлении народным хозяйством. Были созданы новые заводы электротехнической и приборостроительной промышленности, — «Электродвигатель», «Электроавтомат», «Электропускатель», «Электросварка», «Тбилприбор» и другие. Промышленность города обслуживает не только нужды народного хозяйства республики. Металлорежущие станки, электродвигатели и точные приборы, текстильное и винодельческое оборудование, шерстяные и шелковые ткани, обувь, марочные сухие вина, шампанское, чай и другая продукция идут во многие районы Советского Союза и в зарубежные страны. В 1959 году промышленность Тбилиси выпустила продукции в 62 раза больше, чем ко вре-

мени установления Советской власти в Грузии.

Росли и растут люди. Рабочие города смело овладевают новой техникой, всегда горячо откликаются на патриотические начинания новаторов труда и в условиях широкого развертывания социалистического соревнования ломают старые, отжившие нормы производства. Не один труженик нашего города отличился, откликнувшись на почин Гагановой и движение бригад и ударников коммунистического труда. Двумстам бригадам присвоено высокое звание коллектива коммунистического труда, свыше пятисот борются за право так называться. И за пределами республики широко известны имена машиниста электровоза Г. Богверадзе, работницы шелкоткацкой фабрики Э. Соломония, слесаря электровозостроительного завода имени Ленина Г. Чадунели, бригадира шлифовальщиков завода «Электроавтомат» З. Русия и многих других.

Огромное значение для дальнейшего мощного подъема всех отраслей промышленности города имеет осуществление намеченных июньским Пленумом ЦК КПСС мероприятий по ускорению технического прогресса в промышленности и на транспорте. В результате проведения ряда важнейших мероприятий по техническому перевооружению достигнуты серьезные успехи в области реконструкции и расширения механизации и автоматизации заводов и фабрик.

В ускорении технического прогресса, внедрения новой техники и технологии большую роль сыграло творческое содружество научных учреждений с производством. За последние годы в Тбилиси создано восемь новых научно-исследовательских институтов и специальных конструкторских бюро, которые ведут плодотворную деятельность по разработке и внедрению в производство новейших достижений науки.

Огромные перспективы развития промышленности города открыл семилетний план.

Особое внимание обращено в нем на специализацию предприятий и планомерное кооперирование между ними. Чтобы удовлетворить потребность предприятий машиностроитель-

мой и электротехнической промышленности в литье, необходимо в ближайшее время закончить реконструкцию завода «Центролит». Надо увеличить более чем в четыре раза выпуск металлорежущих инструментов с расширением номенклатуры на инструментальном заводе. Для дальнейшего развития электротехнической промышленности очень важно ускорить строительство и ввод в эксплуатацию новых производственных площадей на действующих предприятиях. Учитывая особое значение применения вычислительных машин в народном хозяйстве, следует улучшить работу по их проектированию, чтобы в течение семилетки приступить уже к серийному их производству. Большие задачи стоят также по специализации и укрупнению предприятий текстильной и легкой промышленности города.

Все это даст возможность ускорить внедрение поточных методов производства, механизацию и автоматизацию технологических процессов, что резко увеличит производительность труда и послужит дальнейшему мощному росту промышленности Тбилиси.

Выполняя исторические решения XXI съезда КПСС и июльского Пленума ЦК КПСС, труженики города ведут значительную работу по дальнейшему развитию жилищного и культурно-бытового строительства. С каждым годом увеличивается объем выделяемых на это средств. Создаются мощные индустриальные базы строительных организаций. За срок лет Тбилиси вырос в несколько раз, появились новые жилищные и промышленные районы. Наш город продолжает расти. Темпы жилищного строительства по сравнению с 1951 годом увеличились по линии государственных капиталовложений в 12 раз.

Неузнаваемо изменился за эти срок лет облик тбилисского транспорта. В 1921 году город получил в наследство от царского самодержавия и меньшевистского правительства разбитые трамваи с наружными ступеньками, изношенные и разрушенные трамвайные пути общей протяженностью в 39 километров и крайне неудовлетворительную систему электроснабжения. На линиях Тбилиси работало тогда ежедневно 29

вагонов. В настоящее время длина трамвайных путей составляет 100,8 км, 276 трамвайных вагонов, 105 троллейбусов, из них 21 с прицепным вагоном, 210 автобусов перевозят ежедневно 700.000 пассажиров. По городу курсирует около 600 такси.

За семилетие намечено построить ряд подвесных дорог, которые соединят город с пригородным курортом Цхнети, парк Ваке с озером Кус-Тба и т. д. Будет сдано в эксплуатацию 12 км новых трамвайных путей в Навтлуги, до станции Авчала и поселка Электровозостроительного завода имени В. И. Ленина, проложено 9 км новых линий троллейбусов в сторону молодого жилого массива Дигоми, от Ортачала в сторону Соганлуги.

В 1921 году город снабжался водой только по одному Авчальскому водопроводу: мощность его составляла 200 литров в секунду. В настоящее время тбилисцы получают воду из 6 источников общей мощностью 4.500 литров в секунду.

До 1921 года только одна Сололакская улица (ныне имени Кирова) имела бетонное покрытие; остальные центральные улицы имели каменное покрытие, а окраинные оставались грунтовыми.

С 1932 года началось асфальтирование городских улиц. Протяженность их увеличилась в 1,7 раза и составила 501 км. В 1960 году заасфальтировано около 505 тыс. кв. м. проезжей части улиц и тротуаров и замощено 115 тыс. кв. м. дорог.

Только за последние три года построены и реконструированы дорога Ваке—Сабуртало, улицы Павлова и Пекинская, Октябрьский и Московский проспекты и др. Полностью благоустроено 85 процентов городских улиц.

Необычайно красив и пышен стал зеленый наряд Тбилиси. Трудящиеся города получили за 40 лет около 320 парков, садов, скверов, газонов. Сейчас озелененная площадь составляет 3.100 гектаров — в 140 раз больше, чем в 1921 году.

Дореволюционное электрохозяйство Тбилиси состояло из 23 частных тепловых электростанций общей мощностью 3.500 лошадиных сил.

В 1921 году город потреблял всего 1,2 млн.киловатт-часов электроэнергии. В соответствии с ленинским планом ГОЭЛРО началось строительство гидроэлектростанций. В 1927 году была введена в эксплуатацию первая очередь Земо-Авчальской гидроэлектростанции имени Ленина. Впоследствии были построены новые гидро- и теплоэлектростанции — мощная энергетическая база города. За одни сутки 1960 года город потреблял энергию в полтора раза больше, чем за весь 1921 год.

В настоящее время идут работы по реконструкции и расширению электрохозяйства Тбилиси. Генеральный план реконструкции города предусматривает внедрение автоматизации и создание наиболее экономичных схем, обеспечивающих бесперебойность электроснабжения.

Но самое замечательное завоевание республики — это небывалый духовный рост людей, воспитание нового человека — активного строителя коммунистического общества.

За прошедшие 40 лет достигнуты большие успехи в народном образовании. Тбилиси с его некогда полуграмотным населением превратился в город сплошной грамотности. Количество школ от 89 в 1922 году выросло до 127 в 1959 году, а число учащихся увеличилось почти в 4 раза. В сегодняшнем Тбилиси успешную учебно-воспитательную работу ведут также десятки школ рабочей молодежи и специальные технические училища.

Только с установлением Советской власти фактически начинается история высшего образования в Грузии. Только с 1927 по 1958 год вузы города дали стране свыше 85 тысяч специалистов, за этот же период технические и специальные средние училища города выпустили 19,4 тысячи молодых специалистов.

Из года в год улучшается благосостояние трудящихся. Если в 1939 году товарооборот составил 1.118,5 млн. рублей, то в 1960 году он вырос до 3.855 миллионов. В конце же семилетки товарооборот достигнет 5.314,3 млн. рублей (в ценах 1960 г.).

К сорокалетию со дня установления Советской власти и создания Коммунистической партии в Грузии мы готовимся в обстановке небывало-

го всенародного подъема трудовой и политической активности масс, настойчивой борьбы за выполнение задач коммунистического строительства. Претворяя в жизнь исторические решения июльского пленума ЦК КПСС, грузинский народ достигнет замечательных успехов в труде. Тбилисцы досрочно — к 14 декабря выполнили план промышленного производства 1960 года и до конца года дали стране на несколько сот миллионов рублей сверхплановой продукции.

Какие подарки получит к славному юбилею, 40-летию Грузии, столица республики? К празднику откроется новая благоустроенная улица — Авчальское шоссе — протяженностью 6 километров и шириной 45 метров.

В районе Сабуртало завершится благоустройство нескольких улиц. Трудящиеся города получат еще одну канатную дорогу, которая соединит два района — Дидубе и Сабуртало.

Чтобы обеспечить безопасность пешеходов, по улице Ленина (напротив ул. Белинского) и на площади Ленина построены подземные переходы.

Город украсится новыми памятниками — Грибоедову, Гурамишвили и 300 арагвинцам.

После реконструкции моста имени Карла Маркса левый и правый берег в Октябрьском районе города будут связаны мостом шириной в 30 метров.

Вырастет торговая сеть; полностью будет переоборудован ряд магазинов, откроются новые.

Решая грандиозные задачи семилетки, трудящиеся столицы нашей республики видят главный залог своих дальнейших побед в мудром руководстве нашей славной Коммунистической партии, в еще большем укреплении дружбы народов нашей великой Родины.

Оглядываясь на пройденный путь, тбилисцы, как и все трудящиеся Грузии, с чувством гордости и радости отмечают свои выдающиеся достижения.

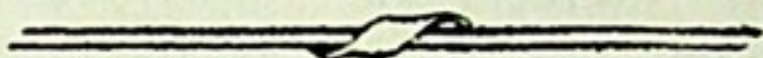
Но мы не склонны почитать на лаврах, мы хорошо понимаем, что у нас все еще много недостатков в работе.

Коммунисты, все трудящиеся Тбилиси, хорошо помнят указание великого Ленина о том, что лучший способ отпраздновать юбилей — это сосредоточить внимание на нерешенных задачах.

Поэтому городская парторганизация принимает все меры для мобилизации усилий коммунистов и всех трудящихся города на успешное выполнение задач, определенных историческими решениями XXI съезда КПСС и семилетним планом развития народного хозяйства СССР.

Праздник 40-летия Грузинской ССР и Коммунистической партии Грузии трудящиеся Тбилиси встречают сплоченными, как никогда, вокруг славной Коммунистической партии, ее Ленинского Центрального Комитета.

Под знаменем великого Ленина, под водительством Коммунистической партии трудящиеся нашего города, вместе с трудящимися республики, всей нашей необъятной страны идут вперед, к торжеству коммунизма.

Николай Тихонов

Перевод и оригинал

Хочу затронуть несколько чисто практических вопросов.

В начале тридцатых годов, когда у нас уже началось переводческое движение, к одному русскому поэту явился молодой поэт из национальной республики и говорит: «Вот вы все переводите известных наших поэтов, а меня никто не переводит...» Русский поэт сказал ему: «Ну, хорошо, принеси свои произведения, посмотрим...». И он принес подстрочник. Поэт заинтересовался, начал переводить. Перевел, сдал в печать, понравилось. И тогда писатели этой республики заинтересовались вновь открытым национальным поэтом и сказали: «Мы хотим его печатать сами, дайте нам оригинал». Стали требовать оригинала. Однако выяснилось, что оригинала — нет...

Этот молодой человек правильно рассчитал. Он сказал поэту: «То, что вам будет непонятно, я объясню». И он объяснил это так, что поэт перевел. И стихи были неплохие. Но что здесь делать? Как это назвать? Это же вопрос серьезнее, чем вы думаете. Если бы теоретики спросили: кому принадлежат эти стихи — ведь оригинала нет, значит, поэт-переводчик имеет полное право считать их своими? Откуда он взял материал, это его личное дело!

Выступление на всесоюзном совещании по вопросам художественного перевода.

Вопрос этот встает и сегодня, хотя в несколько иной плоскости.

Во время похвальной дискуссии в «Литературной Грузии» обнаружилась разница между переводом и оригиналом в некоторых вещах. Так, например, был сделан перевод талантливым молодым поэтом Е. Евтушенко. Он оказался интересным переводчиком, но характерным является то, что с ним произошло.

Критики, которые заинтересовались переводом стихотворения Амисулашвили, решили посмотреть оригинал. И оказалось, что в сборнике Амисулашвили им удалось найти только два слова, взятых оттуда переводчиком: «Материнское благословение» и «винтовка», — все остальное было другим.

Стихотворение, написанное Е. Евтушенко, — неплохое, но здесь возникает другой вопрос. Все большее количество стихов наводняет у нас сборники переводов. Переводчики считают, что они добавляют серебро в этот медный сплав. Но какое это серебро? Имеет ли право давать переводчик такой перевод, если его сближает с подлинником только два слова: «материнское благословение» и «винтовка?» Если каждый будет идти по такому пути, появятся стихи, не имеющие никакого отношения ни к данному языку, ни к поэту данной республики...

Есть и другое положение, которое еще более сложно. Скажем, у

того же Евтушенко есть стихотворение, которое было встречено грузинскими читателями с еще большим удивлением. Это было стихотворение Важа Пшавела на смерть Ильи Чавчавадзе. Когда читатели с удивлением прочли перевод этого стихотворения, то они решили: не получили ли мы перевод доселе неизвестного стихотворения. Оказалось, что это то самое историческое стихотворение, разница была только в том, что поэт взял оттуда только пять строчек, а все остальное было добавлено. Но так как стихотворение имеет известное историческое значение, тот же критик должен был написать: эти строчки «вряд ли... в состоянии восполнить всю философскую глубину произведения Важа Пшавела...»

Поэт может оттолкнуться от чего хотите, но тут спорно — стоит ли так компенсировать своим домыслом и текстом тексты классических поэтов. Эти вопросы сегодня чрезвычайно важны. Вспомните, как на проходивших декадах, когда начинался разбор стихов, сразу проявлялись два момента: «момент серебра», когда от стихотворения остаются два слова, и момент компенсации от переводчика, который, может быть, не ухудшает стихотворения, может быть, хорошо подает его и делает более звучным по-русски, но это уже не то. Здесь мы из области перевода идем в область поэзии, которая разрешает себе что хотите. Когда мы говорим, что подстрочник — неизбежное зло, это правильно. Надо достичь такого момента, когда каждый Бернс будет иметь своего Маршака.

Но возвратимся к «несчастному» моменту, который называется подстрочником. Может ли быть добрый подстрочник, если можно так выразиться?

Хочу сделать небольшой экскурс в историю русской литературы. Как известно, Л. Н. Толстой, неизвестно почему (даже биографы не могут это выяснить) уделял особое внимание своему последнему произведению «Хаджи-Мурат», которое не закончил и которое было опубликовано после его смерти.

Я подчеркиваю, что он уделял этому произведению сверхъестест-

венное внимание. Он интересовался, например, какой масти был конь у Хаджи-Мурата. Так как ему было необходимо, чтобы горцы где-то пели песни, он специально выписал подстрочник трех горских песен и, поскольку сам он не был поэтом, он послал этот подстрочник Фету для переложения в стихи.

Как известно, Фет был далек от Кавказа, никакого отношения к нему не имел, но перевод так ему понравился, что он не только стихами изложил песню, но прибавил к этому еще стихотворение, посвященное Л. Толстому, где говорил, что чувствовал себя ястребом, который рвал свежее мясо. В образах этой песни перед ним кипела кровь, которую мы называем поэзией. И он заканчивал словами: «Спасибо, порадовал ты старого ловца...».

Посмотрите, какое получилось чудо. Один поэт нашел, а другой почувствовал это, как «свежее мясо», которое порадовало ястреба. Именно кровь, которую мы зовем поэзией, дала ему возможность превратить подстрочник в стихи.

Так вот, такая «кровь» и должна лежать в основе подстрочника, чтобы мы, как и Фет, могли сказать, что мы полакомились «свежим мясом», когда попадают такие вещи.

И надо любить стихи, которые переводишь. И надо жить жизнью, которой живет оригинал.

Такие чудеса возможны и в прозе. Когда читаешь книгу финского писателя М. Лассила «За спичками», которую перевел М. Зощенко, то чувствуешь, как здесь сохранен весь финский юмор. Здесь он, очевидно, так же, как и Фет, был зажжен этим материалом. Причем надо сказать, что это была трудная работа, так как финский юмор высечен на камне. Здесь это было передано.

Но что-то у нас действительно много стало переводов слабых и средних. Это горе, которое нас беспокоит. Такие переводы понижают и качество литературы, которую представляют переводчики...

Дело в том, что эти переводы не только снижают качество вещей, но они принижают и качество литературы, которую представляют пере-

водчики, не говоря уже о том, что они дезориентируют читателя в отношении больших поэтов, потому что, когда этот поэт является в таком, я бы сказал, скучном виде, он произвести впечатление не может.

Что нам делать, какие меры принять для того, чтобы выправить положение?

Во-первых, надо максимально приблизить перевод к первоисточнику. Скажу по своему опыту. Когда мы с Пастернаком занимались грузинской поэзией, мы старались прежде всего сохранить биение грузинской крови. Мы считались, к примеру с тем, что там привлечена женская рифма, и мы не навязывали несвойственного грузинским стихам. Я не говорю о том, что надо держаться точности, специфики, которая свойственна каждой поэзии, а ведь они очень различны... Надо максимально сохранить ту сущность, которая составляет особенность языка. Можно даже оставить интонационную передачу, которая будет свидетельствовать о том, что тут имеется разница в скульптуре стиха. Мне кажется, этот момент сейчас редко соблюдается. Я уверен, что сейчас есть такие явления, когда берут подстрочник, без учета ритмических и фонетических особенностей, и делают, что хотят. Я уверен, что такие вещи сейчас есть, потому что это делается в спешке — к декадам, к юбилеям, а в это время даже самый лучший переводчик ничего не понимает. Конечно, он может выйти из положения и сделать хорошее русское стихотворение, но оно не будет иметь ничего общего с оригиналом. Нельзя брать то, что под рукой. Здесь сидят переводчики, которые много потрудились и знают, что они создали в иных случаях переводы великолепного классического плана. Скажем, перевести Абовяна или Важа Пшавела — это не шутка.

Относительно того, что переводчик должен знать язык и т. п. К этому мы, несомненно, придем, но, к сожалению, мы, старики, должны вспомнить в этом случае слова Некрасова: «Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе», потому что это быстро не наступит. Есть уже определенные шаги в этом направлении, есть успехи,

есть достижения, но так быстро к этому мы не придем.

Но если будет строгое отношение к подстрочнику самого поэта, которого переводят, — это другое дело. Такое отношение должно быть обязательно. Поэта можно было бы назвать редактором подстрочника. Но, к сожалению, наши поэты по-разному относятся к подстрочнику и к переводам. Одни — заинтересованы и связаны тесной дружбой со своими переводчиками, — хорошей, большой литературной дружбой. Но бывают случаи, когда поэты выражают такое мнение: переводы, как хочешь! Они боятся настаивать на чем-то, боятся поспорить с переводчиком, чтобы тот не ушел от них и т. д. Это, конечно, нельзя считать правильным. Поэт должен взять самый жесткий контроль над переводом.

Во время декад у нас зачастую люди спешили и переводили как попало. В спешке все сходило, но после декады оставались в плане творческих накоплений вещи, которые никому не были нужны. И товарищам надо помнить, что с каждой вашей слабой книгой вы теряете в глазах читателя.

И следует сказать еще об одном. Долг редактора — трудный долг. Если назвать таких людей, как Гогоберидзе, или Микаэлян, или Агн. Гидаш, которая делала венгерскую антологию, — она не пропустит ни одного стихотворения, которое случайно туда попало. Редактор имеет большое значение в деле чистки переводов. Об этом забывать нельзя.

И надо помнить еще одно: переводчик должен хорошо знать страну, о которой идет речь в переводимом им произведении. Должен знать, какого цвета там реки. Если он будет говорить: «голубая Нева» или «голубая Аму-Дарья», — ничего хорошего из его работы не получится. Между тем очень часто такого представления о красках у переводчика нет, и он меняет цвета так, как хочет.

И Союзы писателей на местах должны взять наблюдение за тем, что выходит. На местах должны проверяться переводы. Это также поможет повысить требования к переводчикам. Во время декад бывало так, что

привозят полсотни сборников, и двадцать из них издается в последние месяцы. Но что происходит затем? Они ставятся на полки, а потом неизвестно куда уходят, так как их просто неудобно было разбирать всерьез. Все понимали, что это просто подарок к празднику, не больше!

Издательства тоже должны относиться к этому серьезнее. Пропагандировать лучшие переводы надо, конечно, в печати. Мне кажется, не представляет особых трудностей подготовка ежегодника, в котором в первой части будут лучшие переводы года, может быть, какая-то часть ежегодника будет отведена архиву, где могут быть замечательные переводы стихов, возможно, уже забытых, но которые, как образец, могут быть воскрешены. В этом ежегоднике должен быть разбор переводов года, с указанием их достоинств. Тут должно быть представлено то, что является победой на переводческом фронте. Далее, здесь может быть предоставлено место теории.

Мне кажется, такой ежегодник просто необходим, именно ежегодник, а не отдельные журналы, потому что правильно говорилось о том, что каждый переводчик должен иметь его на полке, чтобы это был спутник в его работе, куда он мог бы писать о своих специальных делах. Может быть, там должен быть специальный раздел «Письма переводчиков».

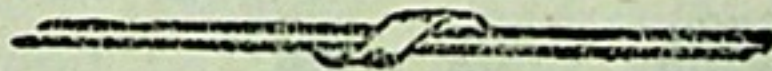
Вопрос о подготовке молодых сил. Если им не заниматься, он сам всплывет, потому что жизнь требует этого. В литературных институтах республики имеются люди, которые знают два языка. Может быть, такое положение, когда в прозе так подго-

товлен перевод, что нужен только редактор — хороший русский прозаик, который прошел бы своим опытным пером по этому переводу. Я не знаю, какую роль играли русские переводчики в том или ином переводе, но там, где вы чувствуете настоящий язык, там видно приложение опытного пера редактора. Мне кажется, никто из русских прозаиков не откажется принять участие в этом благородном деле.

Затем надо время от времени созывать совещания, причем не общего характера, а по отдельным литературам, например, по среднеазиатским литературам в Ташкенте, Ашхабаде, Сталинабаде, по закавказским литературам — в Тбилиси, в Ереване, Баку. Если мы ограничимся только тем, что собрались здесь и поговорили, это, конечно, эффекта не даст.

Наращение «мелководья», о котором здесь говорили, это значит — ослабление действенных сил наших литератур. Не забудьте, что с русского языка переводят очень много произведений за границей. Если будет наводнение слабыми, плохими переводами, это будет урон нам всем. Когда переводчики будут проникнуты духом действительно высокой дружбы, высокого сотрудничества, тогда не будет таких недостойных явлений, как халтура, умаляющая и искажающая характер поэзии, и, отбрасывая все плохое и слабое, мы снова и снова будем утверждать почетное право переводчика и будем разделять его радость все новыми и новыми открытиями в наших национальных литературах.

Надо упорядочить дело перевода как можно скорее, как можно серьезнее найти средства ему помочь.

Георгий Джигладзе

Лео Киачели

Статья первая

I

Бальзак писал в предисловии к «Человеческой комедии», что величайшим романистом мира является случай. Это, может быть, и верно, но

появление самых величайших романистов мира никогда не бывает случайным. Иначе трудно было бы связать их творения с исторической закономерностью, с социально-экономической и политической действительностью. А такая связь не только существует, но именно она и определяет, собственно, величие этих тво-

рений! Творчество великого писателя поражает нас поэтому не случайностью своего возникновения, а закономерностью своего существования. И здесь случайность является лишь формой проявления закономерности. Каждый великий художник так ярко и убедительно выражает и отражает свою эпоху, что творчество его остается образцовым и неповторимым ее памятником в сознании и памяти поколений.

Бальзак говорил и о том, что он был лишь секретарем французского общества, а Историю писало само общество. Его же собственная роль, как писателя, сводилась лишь к тому, что он должен был отобрать наиболее значительные общественные явления, объединить разрозненные черты схожих характеров, создать типы и таким путем записать забытую многими историками Историю. Великий писатель сознавал, что необходимо обратить внимание на ежедневные, постоянные, иногда окутанные тайной и скрытые факты. Он решительно признавался: «Постоянным, ежедневным, скрытым фактам, впечатлениям и событиям индивидуальной жизни, их причинам и основаниям я придаю такое же значение, какое до сих пор историки придавали явлениям общественной жизни народов». Для автора «Гобсека» трагедия Бирото была трагедией всего человечества, а все женщины олицетворялись для него в образах Ла Фосез или госпожи Граслен. И не случайно, что создание им в «Человеческой комедии» двух-трех тысяч

человеческих образов гениальный романист расценивал как создание истории всего французского общества. И сама эта история была итогом глубочайшего изучения его нравов.

Такого рода художественные здания являют пример очень сложных сооружений, и творческие лабиринты их чрезвычайно многообразны и запутаны. Тем не менее они дают возможность выделить ряд четких общих характерных признаков творчества многих и многих художников. Гоголь отмечал, что он обладает способностью увидеть особенный характер каждого человека — от самого маленького до великого, а затем так представить его, что созданный им образ живо запечатляется в сознании читателя. Это не помешало автору «Мертвых душ» заявить, что слишком близкое подражание натуре так же приторно, как переслащенное блюдо. Здесь отвергается не необходимость взаимосвязи действительности и искусства, а нарушение меры в их соотношении, поглощение одного другим.

У нас немало прозаиков: среди них мы видим мастеров, которые смогли органически претворить великие творческие принципы литературного мышления в реалистическое изображение действительности, от которых не ускользнули жизненные интересы и движущие силы не только давно минувших эпох, но и современности. Они воистину выполнили роль секретарей общества и создали его историю на основе пристального изучения нравов. В каждом герое видели они отражение всего общества, видели лицо целой эпохи. И они лепили и ваяли именно это лицо, именно этот образ. И если к кому-нибудь из современных беллетристов можно применить такую оценку, то одним из первых должен быть назван **Лео Киачели**.

Грузинской художественной прозе издавна свойственна главная традиция каждого подлинного искусства — традиция отображения современности, показа ее движущих сил, положительных и отрицательных явлений, изображения живых людей эпохи. В творчестве Лео Киачели мы видим продолжение этой

традиции. В этом сила воздействия его таланта.

Немногие из наших беллетристов после Ильи Чавчавадзе, Александра Казбеги, Давида Клдиашвили и Эгнате Ниношвили смогли так глубоко проникнуть в живую сущность человека, так всесторонне раскрыть перед нами все тревожения, всю красоту и порочность, все великое психологическое единоборство между «я» и «не я» человеческой души, как это смог сделать Лео Киачели. Он достиг в своем творчестве тех подлинных высот мастерства, которые доступны лишь избранным и откуда жизнь видна, как в зеркале, во всем своем ослепительном величии, подобно нашему Мкинвари в ясную, солнечную погоду. Ничего не может быть легче простой передачи содержания в произведении, если автор вообще «располагает» хоть каким-то содержанием, подлежащим передаче. Но нет ничего сложнее задачи **показа этого содержания**. Целая пропасть лежит между изложением и изображением, между рассказом и показом, между передачей и воплощением, хотя для многих, к сожалению, этой границы не существует и, оба эти качественно разные явления стоят в одном ряду. Сколько нам приходилось видеть (да и сейчас сколько их!) романистов, которые с легкостью необычайной передают и излагают содержание, но ничего не могут показать. Они рассказывают нам длинные и скучные истории, а иногда и не скучные, где, казалось бы, все на месте, но вот рассказ или роман прочитаны, и ничто у вас не остается, кроме чувства сожаления о напрасно истраченном времени, ибо при всей вашей читательской добросовестности произведение ничего не дало вашей душе, ничем не обогатило ее. Если бы художественное произведение сводилось к более или менее умелому изложению содержания, тогда любая история, услышанная нами из уст отличных иногда рассказчиков и импровизаторов, могла бы претендовать на звание художественного шедевра! А разве мало романов или рассказов было написано у нас хотя бы за последние два десятилетия? Но кто решит-

ся, положив руку на сердце, утверждать, что все они относятся к художественной литературе или, как говорили раньше, к изящной словесности? Многие из них лишены того необходимого художественного видения, того редкого качества, которое, грубо говоря, отличает интересное от неинтересного и в силу которого иногда даже самая, казалось бы, примитивная и на первый взгляд тривиальная фабула обретает удивительную притягательность. Поэтому рассказ и показ, изложение и изображение в искусстве — явления далеко не равнозначные. В художественной прозе показ является таким же высшим законом, как действие в драматургии.

Этот высший закон полностью постигнут Лео Киачели и постигнут в такой степени и с таким мастерством, что в этом отношении редко кто из современных грузинских беллетристов может с ним сравниться.

Этому высшему закону подчинены у Л. Киачели не только общепризнанные шедевры его прозы, в которых талант художника раскрылся наиболее полно и с наибольшей силой, но даже его ранние модернистские новеллы, написанные задолго до создания им замечательного романа о советской деревне — «Гвади Бигва». Знакомясь с этими новеллами, мы видим как бы совершенно другого писателя, с иным вдохновением, с иным идеологическим верованием, которому реализм как основа основ художественного метода явно чужд. Но во всех этих новеллах все же заметен один штрих, по которому можно узнать будущего автора «Крови». Это психологическая глубина в обрисовке действующих лиц, стремление к композиционной собранности фабульного материала, к завершенности сюжетного построения, в то время как модернистская литература принципиально отрицала в этом жанре фабульную последовательность и сюжетно-композиционную завершенность: эта «операция» целиком доверялась читателю, который волен был с помощью своей фантазии завершить незавершенное, докончить недоконченное, дорисовать недорисованное. (Такую форму отстаивал в свое время утонченный

мастер грузинской прозы **Нико Лордкипанидзе** — писатель исключительно острого поэтического видения). Но эта внутренняя противоречивость творчества Лео Киачели являлась, по существу, симптомом и выражением другого противоречия, которое делит его творческий путь на два этапа. При этом очень важно отметить, что было бы глубоко неправильным рассматривать их в отрыве друг от друга. Уже первый этап содержит в себе зародыши второго, именно в нем начинались тропки второго этапа творческого пути замечательного писателя. А происходило это потому, что Лео Киачели никогда не был только символистом. Достаточно вспомнить, что на первом этапе своего творчества создал он такое от начала до конца реалистическое произведение, как роман «Тариэл Голуа», продолжив затем работу над модернистскими и импрессионистическими новеллами. А во-вторых, даже в этих новеллах он не был ортодоксальным символистом, импрессионистом и модернистом. Создается впечатление, что писатель, — будучи реалистом по самому существу своего творчества, отдает по тем или иным причинам дань господствующим в то время литературным течениям. Перечитайте его «Стефанэ», «Детей греха», «Оскорбленного», «Маленькую историю», «Escalade», «Убийство на Кохта-горе», «Искандера» и вы убедитесь, что в этих новеллах стремление писателя к воплощению реальной действительности превалирует все же над его склонностью к изображению отвлеченного, выдуманного, фантастического мира. Первые три новеллы с достаточной силой говорят нам о жизни дореволюционного села и дореволюционного студенчества. «Маленькая история» — до конца реалистическая новелла и в ней нет даже признака модернизма. Идеалистическая концепция «Оскорбленного» продолжена в символических масках пессимистической «Escalade», но уже «Убийство на Кохта-горе» сближает с символической новеллой лишь завязка-мотив фантастического убийства. «Искандер» же нам представляется таким произведением, в котором автор (еще до «Закрытых дверей») сжег мосты,

связывающие его с модернизмом, хотя и оставил себе пока еще небольшой «брод». Заключительные слова эпилога этой новеллы являются, по существу, явным отрицанием того творческого и философского кредо, которому писатель следовал в своих новеллах.

В этих новеллах была фрагментарно дана скептическая философия, родственная пессимистическим настроениям автора. Тезис «любая действительность лишь мое представление и любое мое представление — действительность» — распространялся на весь мир, и даже борьба человечества за лучшее будущее ставилась под сомнение, а высокие его идеалы объявлялись глупостью. «Как тебе нравится моя идея? Не напоминает ли она тебе картину всего человечества, его борьбы, его жизни? Великолепно! Разве не так же тщетно борется человечество? Самозабвенно цепляется за какие-то идеалы, которые, в конечном счете, оказываются такой же глупостью, как моя маска или красно-желтый плащ, висящие на дереве?». Мир раздваивался в представлении писателя. Он видел, ощущал свое «я» и одновременно еще «два я» вне своего существа. Между ними в совершенно фантастических и трагических формах протекала нескончаемая борьба. Трагедии не видно было конца, так как каждое ее завершение оказывалось в то же время и началом. Вот эту философию обреченности, отчаяния и трагического дуализма проповедывали герои тех новелл, где автор проявил сравнительно более заметную склонность к философии и творческим принципам символизма. В «Оскорбленном» через одного из своих персонажей (Илико) Лео Киа-чели приемлет основную проблему трансцендентальной философии Канта. Илико начинает свою беседу с друзьями как раз попыткой постановки и разъяснения этой проблемы. «Существует ли мир сам по себе, «*an sich*», как говорят немцы, или он плод нашей фантазии? Каков он сам по себе и каков он в качестве продукта нашего воображения?» Чтобы иметь ясное представление о том, как понимает Илико сущность этой философской проблемы и на-

сколько он разбирается вообще в идеалистической философии, знатком которой рисует его автор, стоит несколько ближе познакомиться с его теоретическими рассуждениями и аргументацией. «В повседневном мышлении и обыденных рассуждениях иллюзию и действительность, как правило, противопоставляют друг другу. Если мы держим карандаш перед собой в воздухе, он нам кажется прямым, но стоит его опустить в воду, как он становится кривым. В последнем случае говорят: карандаш кажется кривым, но в действительности он прям. Но на каком, скажите, основании, мы считаем один факт действительностью, а другой — иллюзией? Какой из них достовернее? Если будете судить об этом философски, то наверняка окажетесь в тупике и не сможете дойти до окончательного вывода. Но если смотреть на вещи просто, можно сказать, что оба факта одинаково достоверны».

Читатель не может не заметить, что все это рассуждение свидетельствует о весьма слабых познаниях Илико в философии. К ноуменам и феноменам Канта приплетает иллюзию, тогда как сам Кант совершенно иначе толковал понятия опыта и чувственного мира. Но Илико здесь руководствуется одной основной идеей и как раз это и интересует автора: то, что мы часто принимаем за действительность и истину, является лишь иллюзией, точно так же, как в студенческие годы шорох ветра в окне Илико принял за шелест женского платья. Этот свой «опыт» Илико обобщает и приходит к выводу, что «все, что так привлекает нас в жизни, что так волнует и возбуждает нас, а часто толкает и на жертвы, само по себе ничего не стоит и так же незначительно, как шелест оконной занавески, колеблемой дуновением ветерка». Илико невдомек, что если человеческому познанию и свойственно ошибаться, существует критерий практики — верное средство проверки истины. Илико начинает сомневаться даже в реальности жизни в целом, в реальности самого человека. Он не доводит до конца этой своей мысли, но намекает и на такую «возможность». «А быть может, и эта жизнь и сами мы... Нет,

мы не должны давать права говорить об этом... Лучше молчать. Тем более, что никто не знает подлинной истины.»

Автор мог бы возразить своему герою, что все это глубоко неверно, что он безо всяких оснований отрицает величайшие научные достижения и грандиозные открытия человечества, проверенные и подтвержденные опытом, практикой, претворенные и воплощенные человеком в своей жизни, что он объявляет иллюзией все те изумительные достижения, которые открыли перед человеком гигантские возможности покорения природы, углубили его знания, неизмеримо расширили его представления о предметах и явлениях природы. Но автор не обратился к своему герою с такой репликой — он сам говорил его устами.

Были ли органичны эта философия и эти настроения для Лео Киачели, хотя бы в тот период его творчества? Соответствовали ли они его творческому пути и природе его дарования? Когда мы перечитываем его новеллы, некоторые из них вызывают лишь понятное чувство досады оттого, что человек такого творческого дара тратил свою энергию и время на пустяки, тогда как он мог дать литературе настоящие шедевры. Но, как говорится, нет худа без добра. Иногда и ошибка служит невольно открытию истины. Эти новеллы все же имели известное значение для работы писателя над некоторыми литературными образами: они сыграли определенную роль в формировании его стиля, в росте его мастерства. Путь писателя не был легким и отнюдь не был усыян розами. Это был путь **внутренней борьбы, творческого горения**. Писатель преодолел на этом пути многие препятствия, ему пришлось испытать серьезный духовный кризис, его раздирали противоречия и мучила раздвоенность, но победа все же осталась в конечном счете за **художественным реализмом**. В «Закрытом спектакле» он в последний раз отдал дань своим старым настроениям, подвел итог целому периоду своего творчества и поставил над ним точку. Он как бы собрал воедино все эти навязчивые идеи, которые влекли его своей при-

чудливостью и долго не давали ему покоя. Эти настроения явно мешали писателю выйти на путь, ^{приведший} его к «Тариэлу Голуа» и «Крови». «Закрытый спектакль», эту своего рода исповедь, автор заканчивает словами: «Я рад, что отныне уже не вернусь к ним». Время подтвердило, что Лео Киачели действительно не возвращался более к этим своим **поверженным кумирам**.

2

Нам уже пора перейти к анализу **реалистических романов** Лео Киачели, которые и принесли ему, собственно, славу большого писателя.

В грузинскую художественную прозу роман «Тариэл Голуа» вошел как большое эпическое полотно, в котором реалистически была отображена жизнь грузинской деревни в период первой русской революции. Грозный 1905 год на селе впервые был показан именно в этом романе. Такие черты романа, как народность, простота, искренность и убедительность, четкая очерченность типов, реализм — сразу завоевали его автору славу выдающегося беллетриста. Произведение это было создано в 1915 году. В нем впервые в полную меру проявился талант Лео Киачели, его редкий художественный дар, читатель впервые увидел в нем великолепного бытописателя, вдохновенного реалиста, глубокого знатока грузинской действительности. Герои этого романа были нарисованы так живо, четко и непосредственно, с таким мастерством, что сразу же встали в один ряд с лучшими ярчайшими образами, созданными великими беллетристами XIX века, образами, порожденными новой действительностью и действующими на фоне новых общественных отношений.

Тариэл и Леван Голуа, Давид и Тина, Гайоз Гадалендия, Бежан и Бачуа — мастерская обрисовка стольких социально значительных **типов** в одном произведении — уже знаменовала победу писателя. Каждый из этих типов явился вместе с тем закономерным развитием тех человеческих образов, которые за **несколько** десятков лет до этого были показаны нашими классиками в условиях

своего времени. У романа были и другие достоинства. Сюжет его развивался так естественно, композиция его была настолько завершённой, детали в такой степени разработаны и «взвешены», язык так прост и ясен, а быт — деревенский фон, сельская повседневность, нравы и обычаи крестьян — показан с такой живостью и непосредственностью, что «Тариэл Голуа», как мы уже сказали, сразу же занял место в ряду классических произведений грузинской прозы. Здесь не было и следа той **фрагментарности**, которая бросалась в глаза в **модернистских новеллах** Лео Киачели. Исчезли **бесперспективность** и **пессимизм**, свойственные ему уже со времени литературного дебюта. «Тариэл Голуа» прозвучал как героическая песнь борьбы и самоотверженного служения делу революции и народного счастья, и песнь эта не могла не привлечь к себе массового читателя, не могла не запасть ему в сердце и душу, не могла не стать любимым произведением народа. Герои этого романа до сих пор волнуют, пленяют и привлекают нас, а их чувства и мысли, радость и горе мы воспринимаем как свои, личные, кровные переживания.

Что же пленяет нас в Тариэле Голуа? Что привлекает в Леване? Что вызывает такую симпатию к Тине? Почему так близки нам Бежан, маленький Гио и отчего так жалеем мы несчастного Бачуа? Что возмущает нас до глубины души в Гайозе Гадалендия и что питает нашу ненависть к Давиду?

На все эти вопросы, не декларативно, а логикой самих художественных образов, отвечает весь роман, и мы, разумеется, можем лишь дать краткую характеристику каждого из этих персонажей, вкратце передать содержание романа, исходя из логики его художественного развития, рассказать о том, что в романе показано, изложить то, что в нем изображено.

Вот перед нами 65-летний крестьянин Тариэл Голуа — старожил села Н. Он стоит перед своим новым домом, в неизменной черной сванской шапке и оглядывает окрестность. От своего маленького племянника Гио он узнает, что в дерев-

не совершено преступление и его участники прикрывались именем «движения». Похищена дочь замкнутого дворянина Давида — Тина. Похититель — его единственный сын Леван — признанный вождь революционного движения в деревне.

С эпической сдержанностью и спокойствием повествует автор о волнении, которым охвачен Тариэл. Он рисует и сцену похищения Тины. Перед нами раскрывается душевная тревога одного персонажа за другим. Крестьянин-революционер Бежан сообщает Тариэлу о местонахождении Левана, его товарищей и девушки. Бежан просит старика о помощи. Все эти картины написаны с такой внутренней экспрессией, что читатель сразу же вводится в самую гущу драматической коллизии. Тариэл Голуа с первых же строк романа вырастает перед ним как мужественный, спокойный, сдержанный, по-народному мудрый человек, способный трезво разобраться в сложившейся обстановке. Если в обычных обстоятельствах Тариэла не покидает чувство легкого юмора, то в минуту суровых испытаний он не теряет равновесия и ясности духа. В этом отношении особенно примечателен диалог Тариэла, идущего на встречу с сыном, с азнауром Давидом. В этом диалоге Тариэл Голуа полностью проявляет все те качества цельной, монолитной личности, которые мы заметили с первых же штрихов его портрета. Уже ими художник наметил такую вполне определившуюся по своему характеру картину, что дальше он мог рисовать своего героя, не отклоняясь от первоначального образа, давая ему лишь возможность проявляться в разных обстоятельствах. «Клянусь богом, Давид, я безмерно сожалею, что мой сын причинил тебе такое горе. И огорчен я вдвойне — как твой сосед и как отец единственного сына». Это, действительно, не только переживания отца. Здесь чувствуется беспокойство человека, предвидящего общую, общественную беду. Поэтому его слова и впрямь имеют двойной смысл. Естественно, что читатель с напряженным интересом ждет встречи с сыном такого человека. Автор сделал все, чтобы интерес этот был неослабным. Он великолепно подго-

товил заранее психологический момент встречи отца с сыном. И вот перед нами впервые предстает Леван. Мы пока еще не знаем его. Но автор сразу же находит в его обрисовке такие лирические штрихи, что симпатии читателя уже навсегда обеспечены. «Конечно, никто кроме него не отнял бы у меня девушки! — сказал Леван, вскакивая с места». Читатель видит, что суть дела здесь не только в высоких личных достоинствах, в силе и непрерываемости авторитета Тариэла Голуа, а в том, что сын его — бесстрашный юноша, который нигде и ни перед кем не отступил бы, нежно любит отца, глубоко уважает его, сознает свой сыновний долг перед ним, понимает, что его-то нельзя обидеть и оскорбить непослушанием, и что поэтому — «все кончено»...

Коротко и немногословно обращение отца к сыну: «Знаешь, Леван, я должен отвести девушку к отцу. Я дал слово».

Действительно, все кончено. Если Тариэл дал слово, его нельзя не сдержать. Это не было для Левана неожиданностью. Но виноват ли в чем-нибудь Леван? Ведь Тина сама говорит Тариэлу: «Виновата во всем только я. Если это необходимо, я вернусь к отцу. Лишь бы у Левана было все ладно». Это говорит дочь дворянина, которую, якобы, насильно похитили.

Мы не будем выяснять, насколько был прав или неправ Леван, похитив у отца Тину, но одно ясно: на юношу, который взялся за большие общественные дела и поставил перед собой высокие цели и идеалы, поступок этот не мог не бросить тени, независимо от того, что девушка сама на этом настояла и целиком взяла вину на себя.

Леван принадлежит к числу той передовой молодежи, которая решительно встала на сторону революции, но ему еще многого недостает, чтобы стать профессиональным революционером и вожаком народа. Это чувствует и Тариэл. Поэтому он и говорит сыну: «Ты ошибся, Леван... Разве так нужно начинать борьбу за новую жизнь?... Я не говорю, что ты виноват... Нет! Но ты поступил опрометчиво. Плохо рассчитал, не додумал... Не виноват, но ошибся... В де-

ревне все считают тебя застрельщиком в нашей борьбе за свободу и землю... Но одного такого промаха достаточно, чтобы народ перестал тебя уважать... Я вижу, ты и сам сейчас это понял... Жизнь куда сложнее, чем ты это себе представляешь. Одним ударом мотыги даже кукурузный росток от сорняка не очистишь».

Это слова человека, прошедшего суровую жизненную школу и оставшегося на высоте своего человеческого достоинства. Лишь несколькими скупыми штрихами рисует нам автор предысторию семьи Голуа, показывая, что борьба за правду, стойкая защита справедливости всегда была неотъемлемой особенностью этой трудовой семьи. Такая предыстория делает еще более убедительными события, разворачивающиеся в романе, действия его главных героев, одинаковую преданность отца и сына общенародному делу. «Движением у нас пока что буду руководить я, а ты жди своего черед. На этот раз буду действовать я!.. Не бойся, без дела и ты не останешься, такая борьба — наш общий крестьянский удел. Мне тоже завещал отец, что пробьет и мой час. Знал старик, что не он первый, не он последний». Это твердое решение Тариэла. В коротком диалоге, завязавшемся между отцом и сыном, раскрывается далее вся сюжетная подоснова романа, определяются главные решения героев, которые и будут двигать дальше сюжет:

«— Давай, будем друзьями, Леван! Мы должны с тобой договориться».

— Разве я был когда-нибудь непослушным сыном, отец?

— Я вынужден поставить тебе условие: пока мы боремся за народную власть, ты и думать не смей о дочери Давида.

Леван вздрогнул — этого он не ожидал.

— Я ни за что не откажусь от этого своего требования. Иного выхода нет. Сам знаешь, что скажут люди, — и они будут правы. Леван-де воспользовался подходящей минутой, чтобы с нашей помощью устроить свое личное счастье. Этого достаточно, чтобы бросить тень на наше доброе имя... на всю нашу семью. Поду-

май хорошенько, разве я не прав? Давид богат. Тина — его единственная дочь, других наследников у него нет... Да и помимо того надо быть чистым и бескорыстным, когда берешься за общее дело... Не надо примешивать к нему личные интересы. будь это даже любовь! Я не хочу ни обидеть тебя, ни унижить, говоря это, — напротив, уверен, что народ оценит твою жертву и воздаст тебе сторицей... Личное счастье, Леван, иначе не построишь, для счастья необходимо доброе имя, уважение и сочувствие народа, а то какое же это будет счастье.

Леван слушал отца с глубоким вниманием. Все, что советовал отец, было так тщательно продумано и взвешено, что возражать не приходилось. Леван разумом не мог не принять доводов Тариэла, а где-то в глубине души, втайне, восставал против сурового решения.

— Обдумай, сынок, все, что я тебе сказал, утром еще потолкуем. А в остальном будь спокоен: народ у нас в деревне прямодушный, храбрый, верный, он не даст своих в обиду».

В этом диалоге — вся сюжетная экспозиция романа, все скрытые пружины, которые будут двигать в нем действие, ибо здесь, как в капле воды, отразились характеры главных героев, а что, как не характеры, их взаимоотношимость и их столкновение с внешними обстоятельствами, должны определять сюжетное развитие в реалистическом, психологически правдивом и социально-достоверном повествовании?

...Движение начало захватывать деревню. Староста Ростом Генейшвили насторожился. Он и пишет донесения о действиях Левана Голуа и заигрывает с народом, боясь взрыва. Мы видим слабость царских прислужников и властей перед лицом могучего народного движения. Репрессии только придают ему силу, сообщают еще больший размах. «Прорвались наружу таившиеся под слудом чувства. Волна народного подъема, охватившего всю страну, докатилась и до селения Н... Сознание своей силы придало народу смелость; и стар и млад поддались общему настроению. Каждому хотелось высказать полным голосом свои сокровенные мысли и проявить свою

волю. Это стремление еще не вылилось в определенные формы, но так или иначе сказывалось во всем: в речах, в делах, в новых интонациях. Люди тянулись друг к другу, между односельчанами устанавливалась более тесная связь, их желания и воля сливались в едином порыве».

Здесь очень точно и ярко показана подготовка революционного взрыва в сердцах тружеников; показано, как пробуждает революционный подъем инициативу не только народа в целом, но и каждого человека, каждого участника движения, и как он укрепляет человеческую солидарность. На наших глазах зреет народный гнев, и мы впрямь убеждаемся, что «зрелость гнева есть мятеж».

Тариэл Голуа яснее многих понимал значение нарастающих событий, сознавал, что всеобщее возбуждение уже неизбежно требовало решительных действий.

«— Погляди, Леван, как быстро созрела наша нива! Опытный жнец не упустит время, — сказал Тариэл своему сыну. А Леван давно уже кипел от нетерпения, и нужен был лишь незначительный толчок, чтобы он открыто перешел к действию. И в решительном ответе сына Тариэл сразу прочитал и то, что с мучительной внутренней борьбой покончено, что Леван смог преодолеть свою страсть. «Я принял твои условия, отец, и полностью доверился тебе, — говорило взволнованное лицо сына. — Пламя борьбы за народное дело охватило меня. Пусть стору — себя мне не жалко! Я готов принести в жертву даже свою любовь!»

Мы видим, как закаляет революция человеческую душу, как она выковывает характер. Леван растет и мужает на наших глазах. Он готов забыть и пережитые страдания, и свои ссоры с отцом — этого требует общее благо, народное единство, движение. «Он весь, до глубины души, всем своим сознанием был во власти той великой силы, которая приводит к единству тысячи людей с их разнообразными судьбами и противоречивыми характерами. Так ручьи, сбегая с горных склонов, сливаются в единый поток и в общем русле устремляются к далекой желанной цели. Левана увлекла эта сила, и он

отдался ей всецело, сознавая и предчувствуя, что в ней его спасение, что только она одна может даровать ему и личное счастье». И Леван сообщает своей возлюбленной в письме: «В этом сложном и трудном положении я не могу связывать твою судьбу со своей. Старый мир скоро рухнет, и новая жизнь вознаградит нас за пережитые страдания... Еще немного терпения, и народ возьмет власть в свои руки, что же тогда может помешать нашему счастью?»

Сюжетное напряжение в романе постепенно нарастает, градации сюжета неожиданны, они могут стимулировать порой с совершенно непредвиденной стороны. Так вторгается в сюжет Гайоз Гадалендия — темный человек из дворян, дружок Давида, а фактически его приживальщик и прислужник. Мы его и раньше встречали, как будто даже догадывались, что он влюблен в Тину и мечтает на ней жениться, но появление его на авансцене все же застаёт нас врасплох. Все мастерство писателя здесь как раз в этом сочетании полнейшей реалистической мотивированности и, вместе с тем, неожиданности сюжетного поворота. Такого рода коллизии, мастерски разработанные писателем, — несомненно, один из главных «плюсов» романа.

Ярко и убедительно нарисована в романе расколота на два лагеря деревня. На одной стороне — революционное крестьянство, на другой — оплот царской реакции на селе, дворянско-помещичье сословие. Но и здесь нет никакой схемы, единоборство этих двух станов принимает весьма сложный характер, поскольку кое-кто из дворян поддерживает революцию, а кое-кто из крестьян прислуживает помещикам. Это очень сложное переплетение социальных сил и индивидуальных судеб, но любое переплетение и любые градации светотени в романе не затушевывают, а лишь подчеркивают главное в картине, нарисованной писателем, — острую, напряженную, непримиримую классовую борьбу, масштабы и логика которой подчиняют себе и, с точки зрения общей широкой перспективы социального движения, поглощают сложность и многообразие индивидуальных судеб.

Для обрисовки расстановки сил в деревне большое значение имеет описанный в романе ночной митинг революционных крестьян на берегу реки Брония. Здесь собрались и старики и молодежь, здесь мы видим и 12-летнего Гио и одного из главных действующих лиц романа — немого Бачуа, образ, аналогичный которому был намечен еще в модернистских новеллах Лео Киачели, но который обрел здесь совершенно иную, реалистическую, социально-осмысленную и психологически оправданную функцию. Писатель рисует его с большой симпатией, хотя и в трагических тонах, и смерть несчастного глубоко переживается читателем, который уже увидел в нем олицетворение справедливости и чести, всего того невысказанного, нераскрытого, непроявленного, что живет в душе простых тружеников, той могучей потенциальной силы, которая еще нема и скована, но которая уже рвется наружу и готова смести все препятствия. Бачуа уже многое понимает, хотя и не может высказать, и это свое понимание и свою пробудившуюся силу он обретает в революционном движении, в товарищеской среде, в народе, в стане Тариэла, Левана и их друзей, где он впервые почувствовал человеческое тепло, любовь, дружбу, уважение — то есть подлинную человечность. И неудивительно, что он готов пожертвовать собой во имя этой обретенной им человечности, во имя народа. На упомянутом нами сельском сходе Бачуа ощущает в себе большую внутреннюю силу и с поразительной чуткостью, как барометр на смену погоды, реагирует на весь ход собрания.

«Собрание началось. Его открыл Тариэл и предоставил затем слово «молодому поколению» — в лице Левана.

Все стихло.

— Товарищи... — начал Леван, но так глухо, что многие не расслышали. Он почувствовал, что голос ему изменяет, и откашлялся.

Народ ждал, затаив дыхание, — ведь это была первая речь на первом тайном собрании. А Леван медлил. Башлык мешал ему, бурка связывала движения, слова, казалось, выпали из памяти; овладевшее им чувство

растерянности передалось собранию, и всем стало как-то неловко.

А дело было в том, что агитаторы, особенно прибывшие из города, выступали обычно на народных собраниях с закрытыми лицами, чтобы их не узнали враги. Левану нравилась эта таинственность, поэтому, идя на сходку, он решил не отступать от правил, хотя у трех лип собрались одни только односельчане, и все знали заранее, кто будет выступать с речами...

«Что с ним?» — обеспокоился Гариэл и решил было подбодрить сына, но как раз в эту минуту Леван снял башлык, откинул бурку, выпрямился во весь рост и смело обратился к собранию:

— Братья мои и товарищи!

Голос Левана сразу окреп, речь полилась свободно. Он толково объяснил крестьянам, для чего нужна народу революция и как изменится жизнь, если народ установит новые порядки. Леван увлекся, забыл о ранее намеченном плане, но речь его от этого нисколько не проиграла, напротив, ему удалось всколыхнуть умы и сердца односельчан. В заключение Леван, призывая братьев к непримиримой борьбе с угнетателями, напомнил им о том, сколько горя и унижений приходится терпеть крестьянину от царских властей и помещиков.

Голос его звучал все увереннее, мысль, облеченная в четкие, ясные формы, захватила слушателей. Народ с восторгом отозвался на страстный призыв встать на защиту прав трудящихся.

Не успел оратор закончить свою речь, как в толпе раздалось:

— Да здравствует свобода!

Бачуа не сводил глаз с Левана. Он безошибочным чутьем угадывал, что Леван говорит о великом народном деле. Когда же раздался крик: «Да здравствует свобода!» — и толпа всколыхнулась, у Бачуа просветлело лицо, он всплеснул руками, раскрыл рот и из уст его вырвались звуки, которыми он, как умел, выразил свою радость».

Здесь вызывает интерес не только реакция Бачуа, но и поведение самого Левана. Трудно с большей убедительностью выразить психологическое состояние, которое испытывает человек, впервые выступающий

перед народом с революционной речью.

Деревня восстала. Начали действовать и уездные власти с казаками. В романе хорошо нарисовано непокорное село, отказавшееся явиться на назначенное начальником уезда собрание. Картины эти как бы взяты из самой жизни. Ничего лишнего, все просто и строго, как это видел и пережил автор — сам активный участник революционного движения. И таких живым оком подсмотренных картин в романе немало. Нам остается лишь повторить, что жизнь грузинской деревни периода первой революции Лео Киачели нарисовал реалистически правдиво, живо и увлекательно.

Одним из центральных действующих лиц романа становится Гайоз Гадалендия — олицетворение злой и опасной человеческой природы. Это, вместе с тем, натура двойственная и, быть может, как раз в силу этого особенно опасная, ибо от двойственности до двуличия — один шаг. Лишь такой человек мог пойти на коварство, жертвой которого оказался Леван. Вот он якобы покидает Давида, присоединяется, будто бы, к восставшему народу, принимает его правду и раскаивается в прошлых ошибках. Вся эта роль сыграна Гайозом мастерски, и она вполне могла ввести в заблуждение честных и прямодушных крестьян. Автор отлично рисует эту сцену, находит своему замыслу такое тонкое воплощение, что и читатель не сразу замечает двойную игру Гайоза и его черные замыслы. Приход Гайоза к народу и включение его в революционное движение кажется вполне естественным и психологически оправданным. Здесь нет ни одного штриха, который заставил бы нас усомниться в его искренности, известная нам двойственность его природы пока не воспринимается как двуличность, а двойственность эта сама по себе могла разрешиться и так, могла привести человека и к такому выходу. Послушаем его. Разве хоть что-нибудь не убеждает в его словах (а до этого он инсценировал стычку с Давидом, был ранен и «бежал» из его дома):

« — Я не прошу вас, господа, принять меня в ваше товарищество. —

уже смелее продолжал Гайоз, — Хочу только, чтобы вы сказали: «Был он дурным, никудышним человеком, но вот эртоба¹ вразумила его, в нем заговорила совесть, во имя свободы он отказался от прежней жизни, эртоба вывела его наконец на правильный путь...» Только об этом и прошу я вас! Дайте хоть на краю могилы почувствовать ваше теплое, сердечное ко мне отношение... ничья ласка уже не согреет мое сердце...

— Господа и... бра... («братья», хотел он сказать, но не докончил). Впрочем, господа, да господа! — начал он снова жалобным голосом. — Недостойн я ни жалости вашей, ни помощи! Я заслужил все, что со мной случилось, иначе и быть не могло... Я всегда был беспутным человеком, и вот приходится расплачиваться за грехи. Нет, не стану я просить ни прощения, ни милости. Кому нужна такая жизнь. Эртоба по заслугам преследует меня, народ не пощадит. Против меня и небо и земля. Вот мое ружье! Вот патроны! И вот я сам, окаянный, перед вами! Застрелите меня сами. Ничего другого я не заслужил. Но не хочу, чтоб меня прикончил этот предатель, лютый наш враг... О горе, горе мне, злосчастному...»

Крестьяне приняли Гайоза в свою среду. И его раненая рука, и весь его облик — все это было в их глазах лишним свидетельством хищнической, зверской природы господствующего, режима вообще и Давида в частности. Лишь гораздо позже становится нам ясным подлинное лицо Гайоза Гадалендия, замаскированного врага народа, человека без чести и совести, человека без человечности.

Большой жизненной правдой дышат и страницы романа, посвященные более поздним событиям на селе — разгулу реакции, обыскам и арестам, экзекуциям и расправам. И эти картины увиденны острым глазом художника, переданы с безупречным мастерством.

И на этот раз повествование о судьбах народа умело перемежается с продолжением и завершением рассказа о судьбах человечества. Первое явля-

ется обобщением и выводом из второго. Второе ярко иллюстрирует общее положение. В этой напряженной и трагической обстановке Давид и Гайоз решают покончить с Леваном. Здесь играет роль и личный момент. Давид решает выдать дочь за Гайоза, но он понимает, что пока жив Леван, этому не сбыться. Осуществить решение, внушенное Гайозом, он поручает ему же. Тина узнает о грозящей Левану опасности и пытается его предупредить с помощью Гно. Но уже поздно.

Скрывающийся в соседней деревне у родственников Тариэл также узнает о готовящемся преступлении. До этого он был свидетелем варварской расправы палачей над деревней, видел вместе с женой, как горел его дом. Трудно наблюдать гибель того, с чем сросся, что строил и создавал своими руками, что стало частицей твоей души. Этого не забыть, от этого не отрешиться, пока глаз видит, пока сердце бьется и мысль работает. «Ведите меня домой! В мой дом! Лучше сгореть вместе с ним!» — причитала жена Тариэла Барбале. Так же сильно горе Тариэла, хотя выразилось оно иначе. «Рука его дрогнула и сама собой опустилась, по лицу старика пробежала мрачная тень, по длинной седой бороде скользнула слеза». Но, «услышав рыдания Барбале, Тариэл тотчас овладел собой. — Не убивайся, жена! — сказал он строго. — Горит созданное человеческими руками. Будем живы — построим себе новый дом».

И вот теперь к этому несчастью прибавлялось еще большее горе — сыну грозит опасность. Его подстерегает измена Гайоза Гадалендия. Отец спешит на выручку к нему, но застает лишь его труп на тропинке.

И опять, вслед за большой личной драмой, писатель рисует душераздирающие картины мучений, выпавших на долю народа. Но занавес не опускается на этом. В сентябрьские дни 1905 года с новой силой вспыхнуло революционное движение. Тариэл в это время сидел в уездной тюрьме. Его освобождает октябрьский манифест. В деревне на голом месте, он вновь, с помощью односельчан, строит себе небольшой домик и поселяется в нем вместе с женой. И вот на селе показывается некий юноша в

¹ Эртоба (груз.) — единство.

студенческой форме. Он агитирует население создать отряд для борьбы с царской реакцией. На сельском сходе поначалу никто не откликается на его призыв.

«— Я иду! — раздался наконец чей-то мужественный голос.

Не спеша вышел вперед Тариэл Голуа — весь в черном, в своей неизменной сванской шапочке. Старик несколько оправился от пережитых невзгод и снова обрел величавую осанку. Из-под низко надвинутой на лоб шапки выбивались седые волосы, отпущенные в знак траура по сыну.

Гул удивления прошел по рядам. Молодой агитатор несколько растерялся, увидев перед собой убеленного сединой старика. Он с недоумением оглядел крестьян, но ничего не мог прочесть на их сосредоточенных лицах — юноша не знал истории Тариэла Голуа и его семьи...

— И я! — звонко крикнул Бежан и стал плечом к плечу с Тариэлом.

— Дайте же дорогу, друзья! Позвольте и мне стать рядом с Тариэлом вместо несчастного Бачуа! Все мы помним, каким он был храбрым, — говорил Тагу, пробираясь сквозь ряды односельчан.

Все сразу оживились, заволновались, задвигались. Народ подался вперед, молодежь окружила Тариэла.

— Все мы с тобой, Тариэл!

— Ты наш отец!

— Ты наша честь и совесть!

— Идем же, идем! — раздавались восторженные крики защитников народной свободы.

Тариэл стоял среди юных своих соратников, возвышаясь, как вековой дуб, с ветвями, кое-где обломанными бурей, но все еще сильный, могучий, с глубоко уходящими в землю корнями.

Это логическое завершение не только романа, но и судьбы его главного героя — Тариэла Голуа. Это логический вывод из всей его жизни, вернее, в этом логика всей его жизни. Все отдал он общему делу, все принес в жертву народному счастью — сына, семью. А теперь готов отдать последнее, чем еще может располагать человек, — собствен-

ную жизнь. Вот и она брошена на алтарь народа и отечества.

Тариэл Голуа — необычный литературный тип. Он остается не только в книге, но и в сознании читателя. Это образ, изваянный рукой мастера, образ, который продолжает нас волновать, привлекать, становится неотделимой частью нашего существования.

Но Тариэл Голуа, хотя и главный, но отнюдь не единственный герой романа. В романе рядом с ним действуют и другие живо очерченные персонажи. С некоторыми из них мы уже познакомились. Еще два образа запоминаются в романе навсегда — двенадцатилетний Гио и крестьянин-революционер Бежан.

Гио не может не пленить читателя своим благородством, искренностью, твердостью характера и непоколебимостью веры в общее дело. Глубоко уязвленный и оскорбленный Давидом и Гайозом Гадалендия, он окончательно убедился, что они за птицы, и еще глубже возненавидел их. Это он указал Бежану место, где тот мог бы встретить поступившего в стражники и идущего в деревню Гайоза.

Бежан преграждает дорогу стражнику. Нет, не из засады собирается он уничтожить врага, а громко окликает его, чтобы расправиться с мерзавцем лицом к лицу. Но происходит странная вещь — Гайоз покорно и молча подчиняется приказу Бежана, сходит с лошади и, даже не дотронувшись до оружия, предстает перед ним. Казалось бы, еще менее убедительны слова Гайоза:

«Делай свое дело, Бежан, — тихо, почти спокойно ответил Гадалендия и посмотрел Бежану в глаза. В этом взгляде не было ни страха, ни укора. Гайоз только чуть побледнел от волнения... Еще минута, и Гайоз сам просит Бежана о смерти: «Кончай скорее!».

Как это могло произойти? Как мог так безропотно пойти навстречу смерти этот коварный и жестокий убийца? Убедительно ли это психологически? Конечно, автор тысячу раз прав, выбирая для Гадалендия именно такую фатальную «позу». Ведь с самого начала он показал нам, что определяющей чертой характера Гайоза Гадален-

дия было его непреодолимое всепоглощающее стремление **добиться своего**, в данном случае добиться любви Тины или хотя бы обладания ею, как женой. Во имя этого он был и жесток и коварен. Никакие другие идеалы, взгляды, расчеты или даже инстинкты не двигали им. Но Тина не только отказала ему во всем, она даже после смерти Левана оставила дом собственного отца и переселилась к Тариэлу Голуа, поставив тем самым последнюю точку, перечеркнув окончательно все надежды, все возможные расчеты Гайоза Гадалендия. И этот последний лишился точки опоры, у него исчез движущий стимул, его **воля** и характер оказались **сломленными**, ненависть же и злоба, кипящие в его сердце, лишившись цели и «точ-

ки приложения» как бы обратились на него же самого — Гайоз **возненавидел** себя, и **собственная жизнь** ему стала постылой. И вот он **стоит** перед Бежаном, будто ждущий в оковах сурового приговора. И лишь заметив замешательство и нерешительность врага, взводит он курок пистолета, но не для того, чтобы выстрелить, а чтобы вызвать в нем решимость, ускорить свой конец. И он холодно, безразлично встречает этот конец. Тот, кто знает **всю** жизнь Гайоза Гадалендия, — тому этот конец не покажется **исубедительным** и **неоправданным**, и для него совершенно иначе — горькой иронией — прозвучат слова случайной старухи, увидавшей его бездыханное тело: «Какой молодец. Этот несчастный, и как он красив!..»

Н. Думбадзе

КАК ВОСПИТАТЬ РЕБЕНКА

Рис. Г. Цирцхалава

Дорогой читатель! Труд, предлагаемый твоему вниманию, не ставит целью сказать новое слово в педагогике, но в этом труде содержится много такого, что поможет тебе в воспитании ребенка. Нижеперечисленные положения разработаны в результате долгих наблюдений и неустанныго труда...

Воспитание ребенка надо начинать с колыбели.

Как только ребенок появится на свет, родители должны выбрать ему оригинальное имя. Так, например, для мальчиков рекомендуется: Медикамент, Стадион, Форд, Шекспир, Шиллер, Гамлет, Шопен. Для девочек: Аврора, Анжелика, Милиция, Антенна, Мерседес, Дульцинея, Флоренция, Бандероль. Последнего ребенка, независимо от пола, можно назвать Точка.

Скажем, у вас четверо мальчиков. Од-

ного зовут Шекспир, второго — Шопен, третьего — Шиллер и четвертого — Гамлет. Допустим, Шекспир, Шопен и Гамлет играют во дворе. Вы зовете их. Они не идут, особенно упрямится Гамлет. Вы, естественно, сердитесь и отдаете распоряжение: «Шиллер, беги во двор, передай Шекспиру, чтобы немедленно притащил за ухо Гамлета и напомнил Шопену, что у него в 4 часа урок музыки». Хорошо звучит, не правда ли?

Существует еще одна категория имен — «синтетические имена».

Синтетическим именем называется имя, созданное на основе объединения имен родителей. Приведем несколько примеров: Архимед (родители Архип и Медся), Сержант (родители Сережа и Антенна), Кабан (отец Калистрат, мать Бандероль). Пантелеймон и Татьяна могут назвать свою дочь Панта, Резо и Зина — Резиной. Здесь же можно было бы рассказать о том, как во время игры в «ловитки» Сержант поймал Архимеда, как налетел на них Кабан и т. д., но об этом в другой раз.

Выбрав имя, вы имеете законное право начинать воспитание ребенка на основе следующих положений:

1. Если ребенок будет упрямится, напугайте его бабайкой. Если он все же не испугался, купите ему игрушку производства тбилисской артели.

2. Старайтесь, чтобы ребенок в период кормления его грудью не начал курить папиросы (то же относится и к сигаретам).

3. С пятилетнего возраста приучайте ребенка пить (конечно, из рога) за здоровье друзей, родных и близких и, вообще, знакомьте его с застольными порядками.

4. Если десятилетний ребенок ругается без основательного к тому повода,

объясните ему, в каких именно случаях надо это делать.

5. К 12 часам ночи укладывайте ребенка в постель. Если он не заснет, ложитесь сами. Возможно, подражая вам, заснет и он.

6. Заставляйте ребенка присутствовать при всех семейных скандалах. Ребенок с детства должен уметь разбираться, кто прав, кто виноват.

7. Называйте ребенка талантливым. Если у него возникнут по этому поводу какие-либо сомнения, убедите ребенка в своей правоте, поставив его в угол.

8. Не позволяйте угнетать ребенка враждебно настроенному учителю, который по каким-то личным мотивам ставит вашему ребенку плохие отметки. На учителя пожалуйте в Министерство

просвещения, а ребенка срочно переведите в другую школу.

9. Не протестуйте, если ребенок научится свистеть при помощи четырех пальцев. Это пригодится ему как на стадионе, так и для того, чтобы позвать вас.

10. К 15 годам купите ему «Волгу» (покупать «ЗИЛ» не рекомендуется, так как чадо ваше не сумеет дотянуться ногами до педалей).

11. В связи с окончанием десятилетки желательно сделать ребенку неожиданный подарок — золотую или, в крайнем случае, серебряную медаль.

Если после всего вышесказанного кто-либо назовет вашего ребенка невоспитанным, не вмешивайтесь: ребенок сам достойно ответит клеветнику.

О РЕЛИГИИ

Не подумайте, что я стремлюсь к популяризации набожности. Я только хочу помочь богу в восстановлении подорванного авторитета.

О том, что отец небесный — важная персона, свидетельствует хотя бы тот факт, что попасть к нему невозможно. Ну, что делать, если он немного бюрократ и оторвался от масс. Вовсе не обязательно говорить с ним лично. Существует специальная организация — Главное управление почты и телеграфа при Министерстве связи с богом — церковь. Отсюда вы свободно можете послать богу заявление, жалобу, справку, характеристику, письмо, телеграмму, объясни-

тельную записку... можно и анонимку...

Например: вас провалил на экзамене преподаватель, и вы хотите обрушить гнев всевышнего на голову этого безбожника. Поступайте следующим образом: входите в церковь, снимаете шапку, приобретаете три или четыре марки — свечи, стоимостью в три рубля каждая, вставляете в подсвечники и зажигаете, затем жертвуете деньги на почтовые расходы, приближаетесь к портрету божьего сына, падаете перед ним на колени, бьетесь головой об пол, осеняете себя крестом и начинаете составлять текст телеграммы:

«Господи, прокляни моего лектора, не дай ему увидеть свет завтрашнего дня». Еще раз хлопаетесь головой об пол, и телеграмма отправлена. В один прекрасный день ваш преподаватель обязательно скончается.

Можно привести множество примеров милостивого отношения бога к жалобщику. Например, одного моего знакомого, пьяного, как говорится, в дым, принесли домой и в бесчувственном состоянии положили на постель.

«Ох, чтоб тебе заснуть и не проснуться, анафема», — проклинала его жена, и я могу подтвердить, что мой знакомый не просыпался целых два дня.

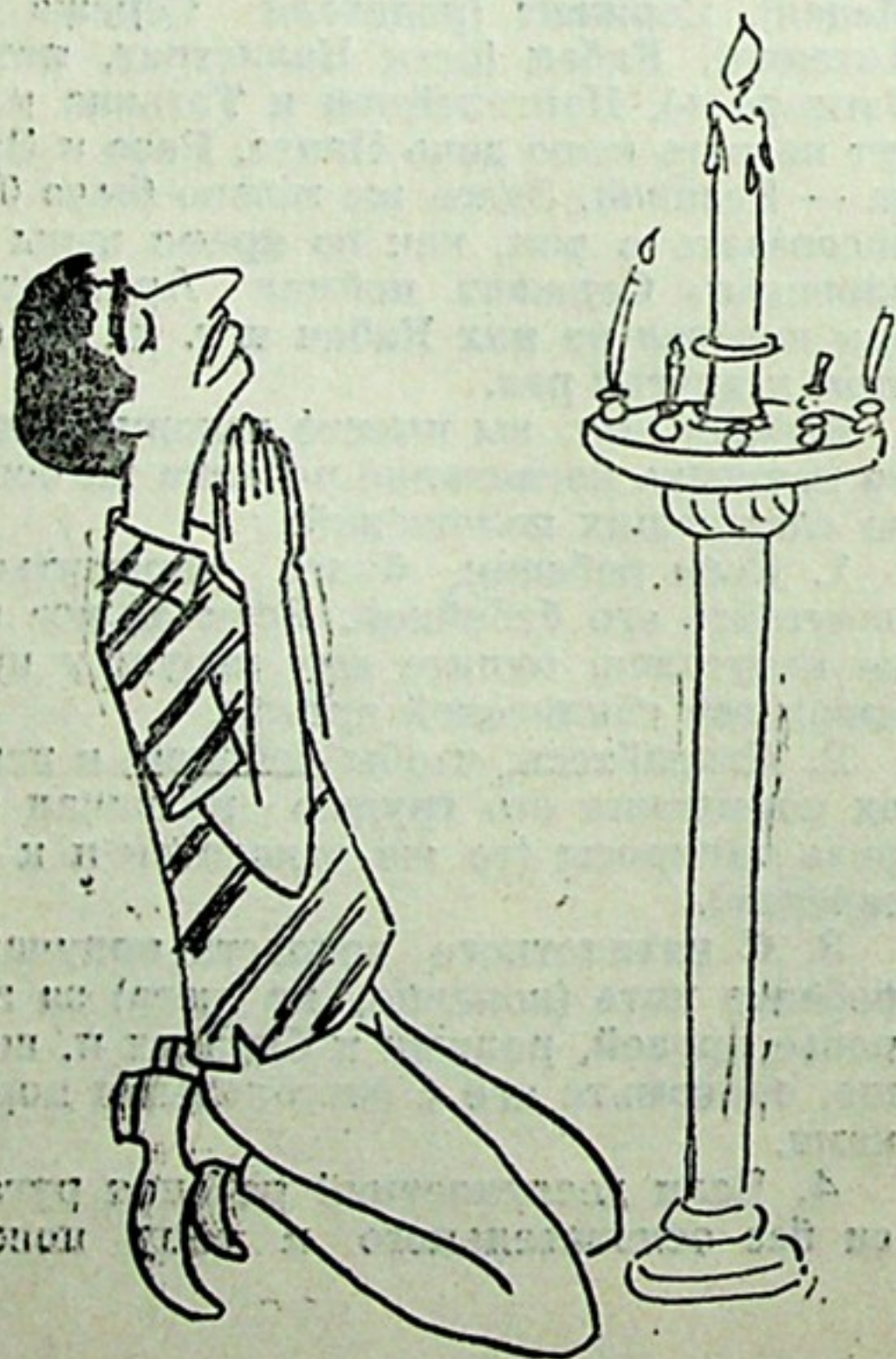
Это ли не перст божий?

Как же после этого не верить в бога?

Разве не выполнил бог просьбу Цицино, когда ее покинул возлюбленный — Нугзар?

«Господи, закрути Нугзара так, чтобы он совсем с ума сошел, чтобы каждый день менял возлюбленных», — молила она бога.

Пусть в вашей жизни так сбывается все хорошее, как сбылось это проклятие. Нугзар, действительно, свихнулся. Брюки себе сшил такие узкие, что лодыжки просвечивали, волосы растрепал так, что голову его можно было принять за во-

ронье гнездо, возлюбленных оставлял одну за другой, учиться перестал, и из университета его за неуспеваемость исключили. Шатается он день и ночь по улицам и ресторанам и до дому все не доберется.

Будь благословенна, боже, сила твоя и справедливость!

Или вот вам еще пример:

Тысячу раз говорил я нашему управ-
дому:

— Дом рушится, отремонтируй.

— Оставь меня в покое, мне сейчас не до этого.

— Пока не отремонтируешь, не будет тебе покоя.

— Боже, развали дом тому, кто мне покоя не дает, — взмолился управдом.

И что же вы думаете? Еле успел я вы-
скочить из дому, чуть не завалило меня
обломками.

Ну, что вы теперь скажете? Нет бога?

Молодые люди! Почаще обращайтесь к милосердию божьему. Используйте бога при провале на экзамене, исключении из школы, болезни, неразделенной любви, крещении ребенка, а также для упорядочения других дел.

Если не получите своевременно соответствующей помощи, — не ругайтесь, не отпугивайте ангелов. Помните, что богу тоже нелегко. Вас много, а он один, вы — на земле, а он с сотворения мира по сей день мается в небе. И да поможет вам бог!

Перевод с грузинского
М. Пясецкого.

МОНОГРАФИЯ О ГРУЗИНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Литература по вопросу о формировании и развитии грузинской социалистической нации исчерпывалась до сих пор лишь отдельными статьями и брошюрами. Поэтому книга доцента Г. В. Брегадзе «К истории грузинской социалистической

нации», являющаяся первой попыткой создания большой монографической работы на эту тему, вызывает особенный интерес у читателей.

Впервые в грузинской историографии Г. В. Брегадзе дает научную периодизацию сложного исторического процесса становления социалистической нации.

В первой главе, рассматривая Грузию дореволюционного периода, автор выявляет исторические предпосылки формирования грузинской социалистической нации. Это — консолидация грузинской буржуазной нации, возникновение и развитие промышленного пролетариата Грузии и его авангарда — интернационалистской Коммунистической партии, последовательная борьба большевиков против буржуазных националистов, за марксистско-ленинское решение национального вопроса.

Во второй главе рассматривается формирование грузинской социалистической нации в период строительства социализма (1921—1936 гг.). Автор убедительно доказывает, что за это время грузин-

ская нация в процессе своего коренного социалистического преобразования прошла два основных этапа. Первый этап охватывает 1921—1925 гг., когда в условиях ломки старой буржуазной государственной машины и создания новой, социалистической государственности в Грузии в основном ликвидируются характерные особенности буржуазной нации, возникают и утверждаются особенности, присущие социалистической нации. На этом этапе создаются политические, экономические и культурные условия для перехода к новому, завершающему этапу формирования грузинской социалистической нации.

В период от 1926 по 1936 г. происходят коренные изменения в классовой структуре нашего общества, во всех отраслях экономики и культуры нашей страны, полностью ликвидируются остатки националистических партий. Все это обусловило завершение формирования грузинской социалистической нации.

Г. В. Брегадзе приходит к выводу, что формирование грузинской социалистической нации явилось глубоким революционным переворотом, скачком от старого качественного состояния нации к новому, осуществившимся за полтора десятка лет, тогда как становление грузинской буржуазной нации длилось более столетия. Столь короткий срок для такого сложного исторического процесса обусловлен закономерностями развития советского общества и является одним из ярких доказательств преимущества социализма перед капитализмом. Большое значение для дальнейшего развития и совершенствования советской национальной государственности закавказских республик имело их самостоятельное вступление в СССР.

Третий период развития грузинской социалистической нации совпал с процессом завершения в нашей стране строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. Характеристике этого периода посвящена третья глава монографии. Автор приводит здесь интересные материалы, характеризующие мощный подъем экономики и культуры как в Грузии в целом, так и во входящих в ее состав Абхазской АССР, Аджарской АССР и Юго-Осетинской автономной области.

Г. В. Брегадзе. «К истории грузинской социалистической нации». Тбилиси, «Сабчота Сакартвело». На грузинском языке.

В книге подробно характеризуется развитие грузинской социалистической нации в процессе строительства коммунистического общества, особенно после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Автор подчеркивает, что война явилась величайшим испытанием жизнеспособности и сплоченности социалистических наций СССР, с честью ими выдержанным.

С большим интересом читается четвертая глава, в которой подытожены результаты великих достижений строительства социализма и коммунизма, изложены важнейшие изменения в содержании основных черт грузинской нации — в общности языка, территории, экономической жизни.

Хорошо освещается в монографии роль грузинской советской литературы в формировании нового, социалистического психического склада нации.

Одним из бесспорных достоинств рецензируемой книги является то, что в ней верно и убедительно раскрывается роль мудрой ленинской национальной политики партии, которая, руководя борьбой народа за построение социализма и коммунизма, тем самым направляла сложный процесс формирования и развития всех социалистических наций СССР, и в том числе — грузинской.

Книга Г. В. Брегадзе написана на высоком идейно-политическом и научном уровне. Однако кое-что в ней вызывает наши замечания. Так, о признаках социалистической нации говорится в разных частях книги. Лучше было бы сформулировать где-то в одном месте полное определение социалистической нации с перечислением всех ее основных признаков. Третью главу, охватывающую период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму, целесообразнее было бы разбить на параграфы и показать развитие грузинской социалистической нации по этапам, как это сделано во второй главе.

Недостаточно широко освещается в монографии вопрос о ликвидации неравенства наций в СССР, колоссальная роль, которую сыграла в этом процессе ленинская политика рационального размещения производительных сил в нашей стране.

И еще одно: в тексте, к сожалению, встречаются корректурные ошибки.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы ценное исследование по такому важному вопросу, каким является история грузинской социалистической нации, было издано и на русском языке.

Л. БАРАМИЯ,
Г. МЕГРЕЛИШВИЛИ,
А. АГЛАДЗЕ,
С. ЧХАРТИШВИЛИ.

Трудно писать о творчестве поэта, которого знаешь лично, которого видишь почти каждый день, с которым беседуешь, споришь. Эта близость порой мешает верной оценке его стихов. Иной раз прочитаешь между строк то, чего там нет, что-то преувеличишь, что-то сам додумаешь за него, или, наоборот, не заметишь того,

чего не знаешь за ним в жизни, но что живет в нем подспудно и проникает в его стихи.

Естественно, что в первом стихотворном сборнике Джансуга Чарквиани заметен сложный процесс брожения, процесс становления поэтической манеры автора, поиски собственных тембра и интонаций. И все же мы видим здесь почти определившееся лицо молодого поэта — темпераментного, порывистого, послушного более голосу сердца, чем разума.

Сборник называется «В ночной тиши». Но фигура поэта редко появляется в нем на таинственном фоне ночи, почти всегда освещена она горячими лучами солнца. Поэт и его лирический герой полны жизни, энергии, и ни в одном стихотворении сборника нет ноток грусти, усталости. Джансуг Чарквиани воспекает всех тех, «чье сердце горит и светит, как костер, кто полон светом земли и великого неба».¹

Широко открытыми глазами смотрит он на мир и на все увиденное отзывается чутким, горячим сердцем.

Все, что живет на свете и расцветает, что смеется и горит душой,

все это вдохновляет его, наполняет его поэзию ощущением богатства, разнообразия мира. Нетрудно заметить тесную связь поэзии Джансуга Чарквиани с природой. Почти все осмысливает поэт через природу, самые различные жизненные явления, в том числе и глубоко личные переживания. Любимая женщина прильнула к его груди, словно лоза, вос-

Джансуг Чарквиани. «В ночной тиши». Издательство «Сабчота мцeralи». Тбилиси. На грузинском языке.

¹ Перевод стихов здесь и далее подстрочный.

вспоминание пришло неожиданно, как ливень.

Обращают на себя внимание стихи Джансуга Чарквиани о Рача-Лечхуми и Сванетии. Здесь проявилось присущее ему чувство формы, найдены новые краски и своеобразный ритмический строй стиха.

Свежи и впечатляющи стихотворения «Пустыня Давида Гареджи», «Важа», в котором Джансуг Чарквиани создает лаконичный и четкий образ великого грузинского поэта Важа Пшавела.

В сборник включено несколько стихотворений о Тбилиси. В них чувствуется глубокая любовь поэта к родному городу. Но, надо сказать, что в этих стихах он пока еще слишком традиционен и видит столицу Советской Грузии скорее глазами старых поэтов, нежели глазами нашего современника. Между тем, и о городе Джансуг Чарквиани может сказать иначе — в том случае, если не довлеют над ним традиции. В качестве примера можно назвать стихотворение «Будапешт» из цикла «Бусы Дуная», навеянного венгерскими впечатлениями.

Мы уже отмечали одно из привлекающих нас качеств поэзии Джансуга Чарквиани — ее светлый юношеский оптимизм.

Пусть хоть снег заносит дороги жизни,
Под снегом все же — зеленая весна! —

убежденно восклицает он.

В стихах молодого поэта звучит вера в собственные силы, ощущается жажда «большой песни» — той, о которой настоящий поэт мечтает, как альпинист — о покорении высочайшей вершины мира, а пилот — о достижении самого высокого «потолка».

И чтобы эта «большая песня» пришла к нему скорее, поэту необходимо задуматься над тем, что подчас излишнее подчинение традиционным художественным приемам обедняет его поэзию. Консерватизмом формы и мысли отмечены такие его стихотворения, как «Почему отдаляюсь...», «Волосы нам пусть развеивает совсем тихий, горный ветер...» и др.

Но самое основное, что отличает творчество Джансуга Чарквиани, — это жизнелюбие автора, чувство истинной поэзии, которое в нем заложено, его беспредельная вера в творческие возможности человека.

Г. ХУХАШВИЛИ.

ОТКЛИКИ НА ТРУД ГРУЗИНСКОГО УЧЕНОГО

Издательство Академии наук Грузинской ССР три года назад выпустило работу проф. П. Гугушвили «Развитие промышленности в Грузии и Закавказье», т. I.

В советской печати было опубликова-

но много рецензий, дающих высокую оценку исследованию грузинского ученого.

Рецензент журнала «Экономические науки» (орган Министерства высшего образования СССР) отмечает, что в труде П. Гугушвили «...решение теоретических проблем основывается на серьезном изучении и правильном обобщении многочисленных историко-экономических материалов... эти вопросы представляют особый интерес... и имеют важное значение... не только для решения многих спорных проблем хозяйственной организации дореволюционной России, но и для более полного и правильного решения вопросов истории хозяйственного развития многих стран Запада и Востока... Работа П. Гугушвили способствует более полному и правильному освещению ряда назревших и спорных вопросов истории развития народного хозяйства СССР».

Рецензия и отзывы, дающие высокую оценку работе проф. П. Гугушвили были напечатаны также в грузинском журнале «Мнатоби» (1959, № 7), в армянском журнале «Айастан жоговордакан тентесутюн» («Народное хозяйство Армении», 1959, № 3, стр. 124—127) и в других.

Работа П. Гугушвили нашла широкий отклик и в зарубежной печати.

Рецензент органа чехословацкой Академии наук «Politická Ekonomie» пишет: «Изучение трудов проф. П. Гугушвили может стать для нас важным источником знаний», эти «исследования основаны на критическом изучении огромного количества материалов и дают цельное, вполне обоснованное представление о первоначальных стадиях индустриального производства в Закавказье и успешно освещают целый ряд фундаментальных вопросов».

Венгерский рецензент Т. Фельди в органе венгерской Академии наук «Közgazdasági Szemle», излагая содержание книги П. Гугушвили, отмечает, что общие выводы и научный анализ экономических явлений рецензируемого исследования представляются ему достижением науки не только в деле изучения конкретных условий Грузии и Закавказья, но и для уяснения процессов развития форм промышленности вообще, в аспекте всемирной истории.

В заключении говорится, что «в исследовании проф. П. Гугушвили находят свое отражение все теоретические точки зрения политической экономии... оно показывает взаимосвязь экономического и политического развития... и представляет картину малоизвестного нам мира, а с точки зрения методики исследования представляет образец, которым непосредственно могут пользоваться венгерские специалисты по экономической истории и политической экономии».

«Настоящая книга, — пишет немецкий ученый Г. Гейнингер, — является наглядным доказательством того, какие условия и предпосылки существовали для развития всех отраслей экономической и культурной жизни в отдельных социалистических национальных республиках, и какие усилия прилагаются для полного, исчерпывающего развития всех возможностей. В этой связи следует особенно подчеркнуть, что автор данного труда излагает экономическую историю не только одной нации, а многонациональной территории.

Составной частью истории развития всего человечества является труд и жизнь народов и народностей (национальных групп), которые имеют многовековую и весьма интересную историю. Особенно четко это прослеживается в отношении Закавказья, которое расположено на стыке Европы и Азии. Поэтому исследования по истории этого края вообще, так же, как его экономического развития, придают данной работе особую значимость и прелесть, так как этим путем мы можем проследить различные непосредственно связанные друг с другом, или переходящие одно в другое формирование общих закономерностей общественных взаимоотношений».

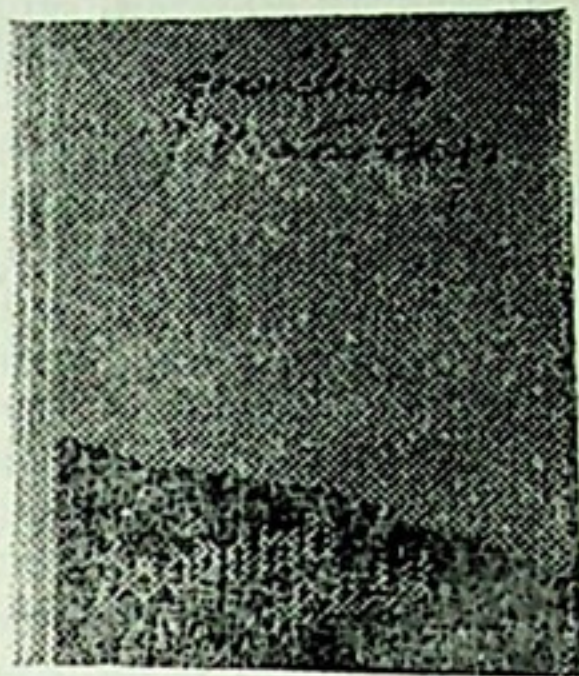
Излагая содержание книги П. Гугушвили, Гейнингер констатирует, что «в каждой отдельной главе автор дает теоретический анализ общих закономерностей возникновения и развития соответствующих форм производства». Рецензент особо останавливается на предложенной П. Гугушвили классификации форм промышленности, которая представляется в следующем виде: домашняя промышленность, ремесла, кустарная промышленность, мануфактура и фабрика. Полемицируя с автором книги по поводу разработанной им классификации форм промышленности, рецензент «это в высшей степени интересное толкование» считает спорным.

В заключение немецкий рецензент заявляет: «Если даже наше изложение страдает пробелами, мы все же надеемся, что, по меньшей мере, ознакомили немецкую общественность с весьма ценным и интересным, но для немецкого читателя, к сожалению, малоизвестным трудом. Этот труд содержит важный материал для истории географически отдаленного, но с точки зрения истории человечества многозначительного края и одновременно является весьма драгоценным теоретическим вкладом в науку» (См. журнал „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“).

Социологическая классификация форм промышленности, выдвинутая П. Гугушвили, стала предметом обсуждения на IV Всемирном конгрессе социологов в Италии (в 1959 г.). А выступление

П. Гугушвили на конгрессе вызвало большой интерес. Содержание этого доклада опубликовано на английском, французском, немецком и итальянском языках.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Надо прямо сказать — не все в книжке стихов Фазиля Искандера равноценно. Читаешь иное стихотворение и недоумеваешь — о чем, в конце концов, хочет сказать поэт, почему вынес на суд читателя еще не выкристаллизовавшиеся по мысли и форме творения, хотя бы

вроде «Двух знаков»?

Но вдруг — берущие за душу, почти афористичные строки:

Знаю, горечь жизни горькой водкой
Никому не вытравить вовек.
Лучше мы судьбу возьмем за глотку,
Дорогой товарищ человек.

Или:

Обернулась ошибкой страшной
Безошибочность жизни твоей.

И уже не задумываешься над тем, как эти строки сделаны, потому что находишь в них драгоценные крупинки правды.

А дочитав сборник до конца, готов не так строго судить его автора за недостаток мастерства и даже проскальзывающие иногда «чужие» интонации, как, например:

Я не раз попадал им в сети,
А теперь я грущу невпопад,
Потому что девчонки эти
Не ко мне, а к другим спешат.

Узнаете?

Или еще:

Большое, доброе небо.
Поскрипывает баркас.
Тысячелетнее море в люльке качает нас.

Очень хорошо, правда?! Но, к сожалению, помните, кого напоминает?

И все же у поэта есть нечто большее, ради чего, собственно, можно и стоит прощать все эти «но». Фазиль Искандер, безусловно, имеет свой «голос», свою тему. Он — поэт эпического склада. Очень прямодушный, безыскусственный и «земной», чье творчество целиком идет от жизни и кровно с нею связано.

Фазиль Искандер. «Доброта земли», Абгосиздат. Сухуми.

Я бы назвала Фазиля Искандера поэтом-рассказчиком. Все, во всяком случае, почти все его стихи или сюжетны или завершены определенным выводом. Повествовательный тон их, спокойный и неторопливый, сродни человеку, знающему истинную цену многому в жизни.

Наверное потому, закрыв книжку, еще долго находишься во власти картин, мыслей и образов, рожденных фантазией поэта, но удивительно достоверных.

Так, со страниц сборника «Доброта земли», отредактированного Евгением Евтушенко, перед нами встает сегодняшней день, вырисовывается образ нашего современника, по-существу сливающийся с образом самого поэта, страстно любящего жизнь и стремящегося прожить ее «с пылу, с лету, впопыхах!»

Трудно устоять перед обаянием этого лирического героя, столько в нем чистоты, силы и оптимизма, доброты и непримиримости, жажды труда и веры в высокое призвание человека-творца!

Листаешь книжку, и каждое стихотворение, — как глава одной повести о нашем современнике. Чем же живет этот герой (и поэт тоже), о чем думает, что его волнует?

Я знаю соль... Я понял соли цену.

Живая кровь вязка и солонка.

Да. Соль, где жизнь творится, неизменна,
Но понимать ее учила нас война.

Это первая строфа стихотворения «Соль», которым открывается книжка. Нельзя не почувствовать, что эти строки написаны не ради красивого слова. Они — плод пережитого, прочувствованного и продуманного.

Или вот на какую мысль натолкнул поэта ежевичный куст, вросший в камень над бурной рекой:

...Ты — человек. Но поживи-ка...

И выживи. И много дней

Живи, как эта ежевика,

Жизнь выжимая из камней!

Стихотворение «Спутник над полевым станом» — небольшая жанровая картин-

ка. Но она обретает глубокий смысл и предельную злободневность, благодаря завершающей ее следующей поэтической ассоциации:

Обросшие щетиною мужчины,
Смывали с рук бензин, автол и грязь,
Казалось, моют руки, наклонясь,
Механики космической машины.

В «Разговоре с современником» поэт не удержался, чтобы не пожелать:

Мужества большого про запас,
Мужества большого, современник.
Горизонт работает на нас!

Таков пафос этой небольшой книжки. Пафос мужества, дерзания, борьбы за лучшее будущее.

Утверждению здорового, красивого, разумного начала в нашей жизни служат не только публицистические по своей сути стихотворения «Пропагандист», «Из блокнота журналиста», «Кукуруза» и другие, в которых особенно явственны признаки современности. Пафосом отрицания помогают осуществлению этой цели также «Баллада о старом дворе», «Красивая женщина», «Рука» и другие.

Мы сказали: Искандер — поэт эпического плана. И неожиданно — новая интонация. Она лишь намечалась в «Сахарных сливах» и «Ночи». И более полно проявилась в «Боли». Вот это небольшое стихотворение целиком:

Болью твоею не упиваюсь.

Болью твоей от обид не лечусь.

Сам я из боли своей вырываюсь,

Вырвусь — на помощь тебе ворочусь.

Память от памяти оберегая,

Душу твою в чистоте сберегу.

Мне тяжелей, чем тебе, дорогая,

Молча две боли, как вол, волоку.

Так мы узнали в Фазили еще и поэта-лирика. И очень хочется пожелать, чтобы последний передал Искандеру — поэту-рассказчику свой лаконизм и ясность, согрел его эпические творения внутренним теплом, сделал бы еще разнообразнее его палитру.

Л. ДОЛИДЗЕ.

Подписано к печати 10 января 1961 г. 6 печ. листов + 1 вкл.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Тираж 2500

Заказ № 1010

УВ 64707

Цена 40 коп.

ქართული „ლიტერატურული გრუპის“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ბარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

6. 63 / 29

Цена 40 к.

